Ал. Ал. МАНУИЛОВ

К ТЕОРИИ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЭВОЛЮЦИИ

„НОВАЯ ДЕРЕВНЯ“
МОСКВА—1925

Да здравствует, союз рабочих и крестьян!

Ал. Ал. МАНУИЛОВ

К ТЕОРИИ сельско-хозяйственной ЭВОЛЮЦИИ

„НОВАЯ ДЕРЕВНЯ“
МОСКВА—1925.

3 к

„Гл. 45

634
95

Главлит № 29 129. Тираж 8.000.
Типография „Новая Деревня". Москва, 2-я Рыбинская, 3.

ВВЕДЕНИЕ.

Под сельским хозяйством понимается та отрасль производственной деятельности, которая занимается культурой растений с целью получения продуктов растительного и животного царства. Не приходится говорить о грандиозном значении сельского хозяйства, если вспомнить, что даже в странах с наиболее развитой промышленностью, сельское хозяйство является одним из важнейших устоев народного благосостояния, а в более отсталых странах земного шара оно является единственным фундаментом и источником жизни населения. В современных условиях народно-хозяйственной жизни сельское хозяйство является единственным поставщиком продуктов питания для населения и главным поставщиком сырья для обрабатывающей промышленности. Если человечество ставит себе задачей максимальное удовлетворение своих потребностей, то оно не может не направлять своего внимания в сторону повышения сельско-хозяйственной продукции.

Состояние сельского хозяйства, очевидно, должно оцениваться на основании размеров этой продукции. Если она увеличивается, то увеличивается снабжение промышленности, наступает ее оживление, увеличение количества фабрикатов, под'ем транспорта, торговли и т. д. и в конечном счете повышение общего уровня благосостояния.

Но ясно, конечно, что значение имеет не абсолютное количество сельскохозяйственных продуктов, а то количество, которое приходится на душу населения. Если продукция увеличилась в 2 раза, а население возросло в 3 раза, то ясно, что, хотя промышленность и торговля оживились, но удовлетворение потребности сократилось, так как на одного жителя теперь приходится $^2/_3$ того количества продуктов, которое он получал раньше. Таким образом, оценка сельского хозяйства страны производится на основании масштаба, выраженного формулой: *количество сельско-хозяйственных продуктов, деленное на количество населения.*

Человечество стремится к увеличению этой дроби, что достижимо лишь путем: 1) увеличение числителя при уменьшенииили неизменности знаменателя, 2) путем уменьшения знаменателя при увеличении или неизменности числителя, 3) путем большего уменьшения знаменателя, чем уменьшение числителя и 4) путем большего увеличения числителя, чем увеличение знаменателя.

Так как рост населения есть непреложный эмпирический закон, то, очевидно, все те случаи увеличения нашей дроби, где имеет место уменьшение или неизменность знаменателя, должны отпасть как не жизненные; к таким случаям относятся первые три. Единственно возможным, реально мыслимым критерием служит *большее повышение числителя, чем повышение знаменателя.* Для того, чтобы иметь право сказать, что сельское хозяйство данной страны прогрессирует, необходимо, *чтобы сельско-хозяйственная про-*

дукция росла более быстрым темпом, чем растет население. Подобное положение мы имеем, например, в Соединенных Штатах в период между 1900—1910 гг.:

	Ценность сел.-хоз. продукции	Население.	На 1 жителя приходится продукции.
1900 года	4,717 милл дол.	75,994 тыс. жит.	62 дол.
1910	8,926 » »	91,972 » »	93 »
Разница %.	89%	21%	50%

Из сказанного следует, что основной целью экономической политики в области сельского хозяйства должно быть достижение большей быстроты роста сельско-хозяйственной продукции, сравнительно с быстротой роста населения, а задача научного анализа сводится к уяснению тех условий, которые оказывают влияние на количество производимых в сельском хозяйстве продуктов

Очевидно, одним из важнейших факторов, влиявших на это количество, является *численность населения, занятого в сельском хозяйстве.* Чем больше это население, тем больше то абсолютное количество продукта, которое оно производит. Относительное же количество продуктов, т.-е. количество его, приходящееся на долю одного жителя, зависит от соотношения между количеством рабочего населения, занятого земледелием, и количеством всего населения данной страны.

В качестве примера возьмем те же Соединенные Штаты и представим себе что 1) все сельское население рабочего возраста занимается земледелием и 2) что с 1900 года по 1910 год производительность его не изменилась. Такое население составляло в 1900 году 30.144 тыс. жителей обоего пола, а в 1910 году—31.126 т. жителей. Если разделить всю сельско-хозяйственную продукцию 1900 года, составляющую 4,717 милл. дол., на число сельско-хозяйственных работников, получим производительность каждого из них в 156 дол. При этом на каждого жителя в общем приходится 62 дол. сельско-хозяйственной продукции. Если, как мы приняли, производительность не изменилась бы, то в 1910 году вся сельско-хозяйственная продукция равнялась бы 4,856 милл. дол., что дало бы на одного жителя только 52 дол. В этом примере количество земледельческого населения рабочего возраста составляет в 1900 году 36% всего населения страны, а в 1910 году—33%. Теперь допустим, что в 1910 году по каким-либо причинам число земледельческого рабочего населения оказалось не 31,126 жит., а 70,000 жителей, т.-е. 76% всего населения. Тогда при производительности в 156 дол. вся сельско-хозяйственная продукция составляла бы 10,920 дол., что дало бы на каждого жителя страны уже 118 дол.

Таким образом, при втором соотношении сельско-хозяйственного рабочего населения к общему числу жителей получается относительная сельско-хозяйственная продукция на 126% больше, чем при первом

Из приведенной ниже таблицы видно однако, что в главнейших странах земного шара за исключением Венгрии, общее количество всего населения растет быстрее, чем сельско-хозяйственное население рабочего возраста.

СТРАНЫ.	Население потребляющее (в тыс).		Разница в % %.	С -х. производящее население (в тыс)		Разница в % %.
Германия	1832 г 45.222	1895 г. 51 670	+14%	1882 г. 8.236	1895 г 8 292	+ 1%
Англия	1891 г. 37.732	1901 г. 41.458	+10%	1891 г. 2.420	1901 г 2 262	— 7%
Франция	1896 г. 38.517	1901 г. 38 961	+ 1%	1896 г. 8 501	1901 г 8.244	— 3%
Соединенные штаты	1900 г. 75.994	1910 г. 91.972	+21%	1900 г. 30.144	1910 г. 31.128	+ 4%
Австрия	1890 г. 23 895	1900 г. 26.895	+12%	1890 г . 8 469	1900 г. 8 205	— 3%
Венгрия	1890 г. 17 463	1900 г 19 254	+10%	1890 г 5.425	1900 г 6.055	+11%
Бельгия	1890 г. 6 069	1900 г. 6 693	+10%	1890 г. 649	1900 г. 697	+ 7%
Голландия	1889 г. 4.511	1889 г. 5 104	+13%	1889 г. 541	1899 г. 592	+ 9%
Норвегия	1891 г. 2.004	1900 г. 2.240	+11%	1891 г. 384	1900 г. 359	— 7%

Следовательно, если производительность труда не изменяется, то в среднем на одного жителя приходится меньшее количество этого продукта.

Что касается России, то наше малоземелье, с одной стороны, и довоенный рост промышленности и торговли, с другой, создали причину ухода сельского населения в города. Это видно хотя бы из того, что на 100 человек всего населения приходилось городского:

в 1860 х годах . . . . . 10,6 чел.
» 1897 » . . . . . 13,0 »
» 1920 » . . . . . 15,7 »

При этом необходимо помнить, что, благодаря острому продовольственному кризису в городах в 1920 году, большое количество населения вернулось к земле; поэтому в промежуток 1910—1917 гг. относительное число городского населения было очевидно больше, чем в 1920 году.

Так как в город идет в подавляющем количестве население рабочего возраста, то в России относительное сокращение работников в сельском хозяйстве особенно сильно.

Если, таким образом, почти во всех странах набюдается падение числа сельско-хозяйственных работников и одновременный рост всего населения, то, очевидно, количество сельско-хозяйственных продуктов, приходящееся на долю одного жителя, может быть увеличено только путем повышения производительности каждого сельско-хозяйственного работника, т.-е. путем увеличения количества продуктов, производимых в течение единицы рабочего времени при прежнем напряжении энергии. Повышение производительности сельско-хозяйственного труда является единственным способом поднятия уровня сельского хозяйства страны при таких изменениях в числе сельского и городского населения.

Мы должны поэтому считать *производительность сельско-хозяйственного труда основным и единственным критерием оценки сельского хозяйства*, если подходить к ней с точки зрения интереса народного хозяйства, а не рентирования капитала. В этом отношении совершенно прав Н. Суханов [1]) говоря, что „превосходство одного хозяйства над другим может определяться только получением в нем большего продукта на единицу труда, и торжество в будущем строе той или иной формы хозяйства может обусловливаться только этим и ничем иным".

Следовательно, основной задачей и постоянной целью экономической политики должно быть создание таких условий, которые обеспечивали бы максимальное повышение производительности сельско-хозяйственного труда. Вот здесь-то и возникает сомнение: можно ли искать условий для под'ема производительности сельско-хозяйственного труда при господстве „закона убывающего плодородия почвы". Не безнадежно ли говорить о под'еме производительности, если история говорит о закономерном ее падении?

Уже Тюрго утверждал, что всякая новая затрата на прежнюю площадь земли дает уменьшающееся возрастание продукта. В 1815 г. Эд. Вест писал: „Равные количества труда, последовательно затрачиваемые в земледелии, плохо награждаются все уменьшающимся доходом". А почти через 100 лет, в 1906 г. П. Маслов [2]) говорит почти то же: „Новые увеличения затрат на ту же площадь земли не сопровождаются пропорциональным возрастанием получаемого продукта". Благодаря этому по мере роста интенсивности, т.-е. по мере увеличения затрат, прилагаемых к единице площади, урожай повышается, но производительность труда падает. При экстенсивном хозяйстве, несмотря на то, что урожайность необычайно низка, производительность труда самая высокая.

С. Булгаков [3]) говорит по этому поводу следующее: «Добывая из ограниченного количества земли при ограниченном, — говоря грубо,—количестве содействующих производству сил природы, постоянно увеличивающуюся сумму пищи, человек должен преодолевать все большие трудности, больше и больше напрягать свою силу". „Бесспорно,—говорит он дальше,—наши предки, которым был гораздо менее чувствителен бич закона убывающего плодородия, никоим образом не способны были на своих тучных полях и пажитях производить то богатство и разнообразие пищевых продуктов, которое производится теперь. И тем не менее производство этого увеличивающегося количества пищи сопровождается ростом трудностей не только абсолютным, но и относительным".

Дж. Ст. Милль утверждает, что, „если бы не было этого закона, почти все феномены производства и распределения богатств были бы иными, нежели теперь".

---

[1]) «К вопросу об эволюции сельского хозяйства». Стр. 30.
[2]) «Аграрный вопрос». Том I-й, стр. 61.
[3]) «Капитализм и земледелие». Том I-й.

Но если таково значение закона убывающего плодородия почвы, или, что то же самое, падения производительности земледельческого труда, то можно ли говорить о под'еме этой производительности? Ведь если мы хотим поднять производительность труда, то принуждены столкнуться с законом, который обрекает наши попытки на голную неудачу. Возникает вопрос: нельзя ли нивелировать этот закон, нельзя ли свести действие его к нулю, так как закон этот стоит препятствием на пути развития человеческой культуры и цивилизации?

Обратимся к существу закона. Он говорит: после того, как затраты в хозяйстве достигают известных пределов, всякая новая затрата вызывает доход, меньший того, который был получен от предшествующей равновеликой затраты. Постепенно уменьшаясь, доход в конце концов исчезает. Другое выражение этого же закона: при каждой новой равновеликой затрате на единицу труда приходится все меньше дохода, т.-е. производительность труда падает.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что при самых разнообразных формулировках этого закона всегда отсутствует упоминание о технике затрат. Говорится об их размерах, об их количестве, и ни слова о форме и качестве. Между тем здесь-то, быть может, особенно применим закон превращения количества в качество. На это и указал Ленин в своих статьях под общим заглавием: „Г. г. критики в аграрном вопросе". Он говорит: „В сущности ведь самое понятие добавочные (или последовательные) вложения труда и капитала предполагают *изменение* способов производства, преобразование техники. Чтобы увеличить в значительных размерах количество вкладываемого в землю капитала, надо *изобрести* новые машины, новые системы полеводства, новые способы содержания скота, перевозки продуктов и пр. и пр. Конечно, в сравнительно небольших размерах „добавочные вложения труда и капитала" могут происходить (и происходят) и на базисе данного, неизменного уровня техники: в этом случае применим *до некоторой степени* и «закон убывающего плодородия почвы», применим в том смысле, что неизменное состояние техники ставит очень узкие, сравнительно, пределы добавочным вложениям труда и капитала. Вместо универсального закона мы получаем, следовательно, в высшей степени относительный «закон» — настолько относительный, что ни о каком «законе» и даже ни о какой кардинальной особенности земледелия не может быть и речи».

С этим доводом однако многие не соглашаются. К числу наиболее солидных защитников закона относится Суханов. В одном из своих самых последних сочинений—«Очерки по экономии сельского хозяйства»—он вспоминает цифры, приводимые еще Рошером, из которых видно, что при интенсификации чрезвычайно удорожается производство хлеба. Доказательства Рошера Суханов подкрепляет еще следующей аргументацией: «более высокий уровень рыночных цен необходимо соответствует более высоким ценам и издержкам производства; более интенсивным странам, при самых различных прочих условиях, необходимо свойственны более высокие рыночные цены; более интенсивное хозяйство требует больших издержек производства; или—добыча единицы продукта обходится дороже в интенсивном хозяйстве, чем в экстенсивном; или — интенсификация, развитие производительности земли, отрицательно влияет на производительность затрат; или—факт падения производительности последующих затрат на той же земле в современном земледелии налицо. Никаких иных доказательств этот факт *для экономиста* не требует. Экономическая действительность говорит ему сама за себя и исчерпывающе решает вопрос в его вышеизложенной постановке. А до технических приемов и возможностей экономисту дела нет". „Совершенно верно—

падение производительности затрат при интенсификации зависит от технических причин. Но ведь дело *не в причинах* данного факта, дело в его существовании, которое и требуется доказать".

Несмотря на логическую правильность этой цепи рассуждений, она приводит к ложным выводам, так как ее основная предпосылка в корне ложна. Автор исходит из того соображения, что более высокий уровень рыночных цен необходимо соответствует более высоким ценам и издержкам производства, а более интенсивным странам свойственны более высокие рыночные цены. Это утверждение в корне неверно, так как автор совершенно не различает цен средств производства от цен на продукты сельского хозяйства. Почему одни страны оказались более интенсивными, чем другие? Почему они смогли затрачивать на единицу площади больше труда и капитала? Потому что цены на продукты хозяйства здесь возросли больше, чем цены на средства производства, потому что капитал здесь дешев. Отношение между ценами на эти два вида благ изменяются по мере экономического развития.

Это видно хотя бы из следующей таблицы, которую приводит Аэребоэ *).

Цена двухметровой сеялки Сакка в Лейпциге равнялась цене:

Г О Д Ы.	Центнеров мяса.
В 1866—76 . .	15
» 1876—86	9
» 1886—96	6,5
» 1896—1900	5,8
1910	4,6
Декабрь 1916 г . .	2,9
» 1919 » . .	7,96

Можно бы купить в Германии суперфосфата:

Г О Д Ы	За один центнер пшеницы.	За один центнер мяса.
	Килогр.	Килогр.
В 1880—89 . . .	15,0	95,5
» 1890—99	17,5	155,0
» 1900—05 . . .	22,3	184,0
» 1910	35,5	241,7
Декабрь 1916 г. .	42,3	696,9
» 1919 »	7,0	662,7

*) Algemeine landwirtschaftliche Betriebslehre

За один центнер мяса можно было купить рапсового жмыха:

Г О Д Ы.	Центнер.
В 1876—80	7 4
» 1881—87	8,5
» 1893—1900 . . .	11,0
» 1900—05 . . .	12,0
» 1910	10,8
Декабрь 1916	18,6
» 1919 . . .	17,4

Ясно, что на ценах 1916 и 1919 годов отразились военные события, поэтому считаться можно лишь с довоенными данными. Из них видно, что цена сеялки, суперфосфата и рапсового жмыха, т.-е покупных средств производства, все время поднималась сравнительно с ценой пшеницы и мяса, т.-е. продуктов сельского хозяйства.

Наряду с этим идет закономерное и регулярное повышение заработной платы, вздорожание труда, и не только потому, что продукты питания растут в цене, а и потому, что развиваются и усложняются потребности населения: на питание и содержание рабочего населения идет больше продукта, чем раньше.

Таким образом, более интенсивным странам соответствуют более высокие цены на труд и более низкие—на орудия производства.

Отсюда—вывод, что о падении производительности труда можно говорить только тогда, когда увеличивается приложение „голого труда", и это падение исчезает, если затраты производятся в форме машин и проч. Короче говоря, вся разница обусловливается именно *техникой* затраты. Суханов утверждает, что дело вовсе не в причинах, а в том, что самый факт падения производительности существует. Но оказывается, что если мы не последуем за Сухановым и поинтересуемся техническими причинами этого «факта», то убедимся, и самого-то факта, при наличии некоторых причин, вовсе и нет. «Закона» нет, если изменяется техника. Это утверждал Ленин и это остается неопровергнутым. Если же техника затрат не изменяется, то производительность труда действительно падает. Но закон ли это?

Можно ли назвать законом то, что, если животный организм не будет ежедневно вводить в себя известное количество питательных элементов, то он умрет? Можно ли назвать законом то, что человек, неумеющий плавать, пойдет ко дну, сколько бы „затрат" энергии он ни производил на барахтанье?

Это все только внешние проявления физики, динамики, механики, химии и т. д. И падение производительности труда есть такой же результат этих законов. Если человек знает эти основные законы и имеет возможность воздействовать на их приложение, то и результат изменяется.

Следовательно, экономист не может не интересоваться техническими причинами, в результате которых имеется налицо падение или под'ем производительности труда. Для него важно знать эти причины, чтобы наметить те

общественно-экономические условия, которые способствовали бы такому изменению „технических причин", чтобы достигать наибольшего результата с наименьшими затратами, т.-е. под'ема производительности сельско-хозяйственного труда.

Настоящая работа посвящена анализу только одной стороны проблемы, именно вопросу о том, какие размеры сельско-хозяйственного предприятия обеспечивают проникновение в земледелие таких технических приемов, которые способствовали бы под'ему производительности труда.

„Закон“ падения производительности сел.-хоз. труда.

То или иное изменение производительности труда обнаруживается из сравнения размеров затрат с размерами дохода. Понятие размеров всегда подразумевает возможность установления единицы для его измерения, масштаба. Ясно, что для наших целей наиболее пригодным является тот масштаб, которым измеряются все предметы в современных условиях народного хозяйства, т.-е. количество денежных единиц, *цена затраты*, служащая универсальным масштабом. Однако, при применении этого масштаба необходимо помнить следующую весьма существенную оговорку.

Дело в том, что рассматриваемое нами явление имеет определенное техническое основание; оно говорит о том, что элемент A, обладающий определенными физическими и химическими свойствами, будучи затрачен на единицу площади в количестве B, даст урожай равный C; если же затратить его в количестве $2B$, то он даст урожай не $2C$, а $1{,}5C$.

В этом техническом основании и заключается трудность для экономиста вникнуть достаточно глубоко в это закономерное явление. Как правильно замечает тот же С. Булгаков[1]), „специфическая трудность учения об убывающем плодородии почвы для экономиста заключается в том, что оно содержит в себе целый ряд агрономических предпосылок, превышающих компетенцию экономиста, вместе с тем, в своем целом это есть вполне экономическое учение, которое необходимо для политической экономии и которое может быть формулировано только экономистом“.

Возникает вопрос, с какого же момента этот закон приобретает свою экономическую сущность, если первоначальные его корни лежат в глубине техники. Ответ может быть только такой: с того момента как элемент A, количество его B, урожай C и т. д. приобретают в глазах суб'екта хозяйства известную *оценку*.

Мы можем говорить об экономической сущности убывающего плодородия лишь после того, как появляется момент оценки затрат и доходов. Это значит, что высота цены затрат и доходов влияет на величину расхода, которую решится сделать хозяйство,—короче говоря, в зависимости от цен на элемент A и цен урожая C суб'ект хозяйства определяет, какое количество элемента A он может затратить, имея в виду, что полученный благодаря этому урожай при данных ценах даст такую-то стоимость дохода.

Но это еще не значит, что от цены элемента A зависит величина урожая C. От цены зависит лишь количество затраченного элемента, которое уже само определяет величину урожая независимо ни от какой цены.

---

[1]) „Капитализм и земледелие“, том I, стр. 11

Представим себе следующий случай. Цена пуда ржи равна 80 коп., пуд искусственного удобрения—1 руб; затраты искусственного удобрения в 5 пуд. на десятину дает урожай в 70 пуд., затрата в 10 пуд.—100 пуд. урожая, затрата в 15 пуд — 110 пуд., затрата в 20 пуд —115 пуд. и затрата в 25 пуд.—117 пуд. Тогда, начиная с 5-ти пудов удобрения на десятину и увеличивая ежегодно на него затраты на 5 пудов, получим:

	Расход		Доход.		Чистый остаток.	
	Руб	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп
При 1-й затрате	5	—	56	—	51	—
» 2-й »	10	—	80	—	70	—
» 3-й »	15	—	88	—	73	—
» 4-й »	20	—	92	—	72	—
» 5-й »	25	—	93	60	68	60

Если цены на искусственное удобрение понизились на 50%, то получим следующий расчет:

	Расход.		Доход.		Чистый остаток.	
	Руб	Коп	Руб	Коп	Руб	Коп.
При 1-й затрате	2	50	56	—	53	50
» 2-й »	5	—	80	—	75	—
» 3-й »	7	50	88	—	80	50
» 4-й »	10	—	92	—	82	—
» 5-й »	12	50	93	60	81	10

Очевидно, хозяйство ограничит в перв случае посев искусственного удобрения 15 пудами на десятину, а во втором—предпочтет поднять их до 20 пудов, т-е. повысить фактическую затрату на 25%, хотя стоимость ее опустится на 33%. Но благодаря изменению цен не изменилось и не могло измениться то количество урожая, которое получается при 1-й, 2-й, 3-й и т. д. затратах.

Таким образом, казалось бы под самим термином „затрата“ мы не можем понимать ее денежной формы, точно так же как и при ее измерении нельзя исходить из денежного выражения. Под затратами при анализе убывающего плодородия надо понимать только затраты натурой, измеряя их физическим масштабом.

Но дело в том, что сравнимыми являются лишь однородные предметы и нельзя определить размер затрат путем сложения пудов с аршинами, десятинами и т. д., поэтому приходится искать один общий масштаб, каковым и являются в конечном счете цены. Под ценой мы понимаем ценность одного продукта, выраженного в ценности другого. И в нашем вопросе этим другим предметом далеко не всегда является монета, ибо не всегда она является истинным выразителем размеров затрат. Но при фактических учетах затрат нельзя избегнуть денежного выражения, а, прибегая к нему, необходимо каждый раз учитывать возможное колебание ценности самих денег. Это позволяет при измерении затрат одновременных и произведенных на небольшом расстоянии друг от друга пользоваться денежным выражением затрат. Так, можно сказать, что фактические затраты двух смежных хозяйств, из которых одно затратило на поденщиков 200 руб., а другое в это же время 600 руб., относятся одна к другой, как 1 : 3; но нельзя сказать этого, если одно хозяйство сделало свою затрату в этом году, а другое—пять лет тому назад, или если, несмотря на одновременность затрат, одно из хозяйств расположено в Московской губернии, где цена рабочего дня 1 руб, а другое—в Архангельской, где цена эта 60 коп. В случаях разновременности затрат или при большом расстоянии друг от друга хозяйств, словом, при различии экономических условий приходится пользоваться каким-либо менее колеблющимся мерилом, хотя бы количеством ржаных единиц.

После этих оговорок необходимо остановиться на делении затрат на две весьма существенные группы.

Затраты в хозяйстве могут производиться в форме непосредственной энергии, т.-е. в форме трудовых усилий человека, но наряду с этим имеется большая доля затрат, производимых в форме овеществленной в тех или иных орудиях и средствах производства. Такое разделение затрат имеет весьма существенное значение при разрешении интересующего нас вопроса.

Часто можно встретить попытку учесть производительность труда по размерам одних только трудовых затрат. Говоря, что человечество все с большими трудностями производит необходимое количество сельско-хозяйственных продуктов, многие авторы понимают под этими трудностями увеличивающиеся затраты именно непосредственной энергии земледельца. Не трудно убедиться, что если измерять производительность сельско-хозяйственного труда таким образом, то ни о каком законе падения производительности труда не может быть и речи. Дело в том, что количество труда, затрачиваемого непосредственно в сельском хозяйстве, растет значительно медленнее, чем под'ем урожайности. Ряд операций, с большим напряжением совершавшихся ручным способом, с каждым годом заменяется механической работой. Достаточно сравнить затраты труда при ручной косьбе и при пользовании косилкой, при жнитве серпом и жнейкой, при молотьбе цепом и молотилкой и т. д., чтобы убедиться в правильности сказанного. Здесь при неизменности количества получаемого продукта, а иногда и при повышении его (рядовая сеялка), количество труда сильно падает, что дает его большую производительность. Чтобы не быть голословным приведу цифровые данные. Н. Бородин [1]) приводит расчеты американского экономиста H. Quaintance, который сравнивает количество рабочих дней, фактически затраченное в 90-х годах, с тем, которое нужно было бы затратить, если бы методы и приемы работы остались в Соединенных Штатах такие же, как в 50-х годах прошлого столетия.

---

[1]) «Северо-Американские Соед. Штаты и Россия», стр 114 и 121

Название растения.	Год урожая.	Его размер (тысячи бушелей)	Метод работы какого года.	Количество рабоч дней при этом методе.	Производительность труда.
Кукуруза	1894	1.112.770	1855	117.487 098	10,3
»	1894	1 112.770	1894	45 873.027	26,4
Овес	1893	638.855	1830	105.810 334	6,0
»	1893	638.855	1893	11.334.266	56,3
Пшеница	1896	427.684	1830	130 621.927	3,2
»	1896	427 684	1896	7 099 560	60,2

Германский экономист Ф. Ватерштрад, изучив довольно большой цифровой материал по нескольким десяткам германских хозяйств, пришел к выводу, что по отношению к затратам труда действует не закон падения производительности, а закон падения самих издержек: „при затрате предметов, говорит он, единицы затраты увеличиваются, т.-е. подвергаются закону падения производительности, в то время как при затрате труда наступает уменьшение единиц труда, т.-е. действует закон уменьшающейся затраты". Из обильного цифрового материала, приводимого этим автором, возьмем только следующие цифры:

Валовой доход на гектар	Число хозяйств	Средн. стоимость труда на 1 центнер урожая. Марок
I Пшеница.		
26,75—39,11	31	3,06
40,23—49,78 . . .	34	2,47
50,18—59,44 . .	39	2,33
60,09—74,93 . . .	25	2,11
II. Овес.		
22,95—29,35	10	3,02
30,01—39,88	56	2,60
40,06—49,82 . . .	34	2,33
50,01—62,86 . . .	28	2,13

Валовой доход на гектар.	Число хозяйств.	Средн стоимость труда на 1 центнер урожая. Марок.
III. Свекловица		
332—499	10	0,50
505—594	31	0,46
610—697	30	0,32
705—825	23	0,32
IV. Картофель.		
187—246	28	1,01
251—299	48	0,81
301—389	40	0,75
409—546 . .	10	0,64

Отсюда видно, что по мере роста урожая количество труда, потраченного на единицу продукта, падает. К сожалению, Ватерштрад во всех своих расчетах берет затрату труда не в натуре, а в денежном выражении. Не зная, имела ли место разница в заработной плате одного дня в разных хозяйствах или нет, нельзя быть вполне уверенным в правильности выводов автора. В сущности эти выводы являются новой цифровой иллюстрацией положения, уже установленного Тюненом, указывающим на то, что среди всей массы сельско-хозяйственных работ есть существенная группа таких, которые по своему об'ему связаны только с размерами площади. Поэтому, чем больше урожай, тем меньше труда падает на его единицу. Урожай же, увеличиваясь от введения новых маших, новых технических приемов и т. д., повышает массу продуктов в большей степени, чем повышается количество непосредственной энергии, затрачиваемой сельским работником.

В качестве иллюстрации падения производительности непосредственного труда весьма часто можно встретить примеры, подобные тому, которые приводит хотя бы И. Сладковский [1]). Я беру его пример просто как наиболее типичный, которых „несть числа“. Автор сравнивает три участка, из которых на одном растет „падалица“, т.-е. обсыпавшиеся зерна после урожая, на другом процветает пшеница, посеянная „наволоком“, при котором высевают семена по непаханному жнивью и заволакивают их хворостом, и наконец 3-й имеет ленточный посев с обработкой междурядий и тщательно предшествующей обработкой почвы. „Пусть в результате урожаи этих трех участков, говорит Сладковский, окажутся совершенно несоизмеримыми, что и должно быть ожидаемо в виду огромной разницы культурных приемов; пускай падалица уродит всего 25—30 пудов зерна с десятины, наволок—от 48 до 60 пуд., а ленточная культура пшеницы и все 150 пудов. Но так как на первом

[1]) Основные условия повышения доходности мелких хозяйств . стр 40.

участке с падалицей человек совсем не затрачивает труда, кроме как на уборку урожая, на втором наволочном было затрачено всего 1—2 рабочих дня на каждую десятину посева а на 3-м с ленточной культурой никак не меньше 15—20 рабочих дней на десятину, то ясно, что производительность человеческого труда (количество пудов урожая с одной десятины, приходящееся на 1 рабочий день) будет падать параллельно с возрастанием интенсивности культуры, т.-е. по направлению от падалицы к ленточной культуре".

Однако, если принять во внимание, что при падалице затрачивается труд только на уборку, то и этот труд должен быть никак не менее 1,5 дня на десятину. Получаем производительность труда при падалице—20,0, при наволоке—30,0, при ленточном посеве—7,5. Оказывается более производительнее труд при наволоке. Если представить себе, что хозяин начнет применять вместо серпа жнейку при ленточном посеве, то получим следующий расчет рабочих дней: до сих пор он тратил 20 дней, из которых на жнитво шло 8, теперь к 12 дням по обработке, посеву и т. д. надо прибавить работы с жнейкой не 8, а 0,5 дней; производительность, таким образом, повышается до 12,0. К сожалению, Сладковский не указывает, из каких именно работ состоят исчисленные им рабочие дни; но возможно, что еще целый ряд работ может быть механизирован, благодаря чему производительность труда поднимается еще более и может, в конце-концов, сравняться или даже перегнать таковую при падалице или наволоке, не говоря уже про обычные системы с большим числом рабочих дней. Во всяком случае мы в праве подтверждать, что принципиально нет никаких препятствий к тому, чтобы производительность труда была выше при повышении затрат.

Самая интенсивная культура может давать большую производительность непосредственного труда, чем экстенсивная, если при ней имеет место наряду с увеличением труда и его улучшение, благодаря применению новых приемов и способов работы. Иными словами, одно и то же количество труда при разных комбинациях с затратами средств производства дает различную производительность непосредственно затрачиваемой энергии. Количество труда, непосредственно затрачиваемого рязанским крестьянином и американским фермером, несмотря на возможное равенство в количестве, дают совершенно иную производительность, потому что американец пользуется такими приемами и затрачивает такой инвентарь, о котором русский крестьянин и не подозревает.

Правда, нельзя забывать того, что эволюция агрокультуры идет крайне медленно в сторону механизации труда, так как все больше и больше проявляется потребность в индивидуализации трудовых усилий по отношению к каждой голове скота или отдельному растению. Я буду на этом останавливаться подробнее дальше. Здесь укажу лишь, что при ручном труде, с которым связана индивидуализация, не такое значение приобретает количество, сколько форма приложения, приемы и т. д Эти приемы, не увеличивая количества единиц труда, чрезвычайно увеличивают количество продуктов, т.-е. подымают производительность труда. Так, при самой „немашинной" отрасли сельского хозяйства, каковым является огородничество, получаются самые разнообразные результаты от того, глубоко или мелко заделано семя в землю, удобрено конским или овечьим навозом, произведен ли посев на неделю раньше или позднее, и т. д.; все эти комбинации требуют одинакового количества труда, но дают различную его производительность.

Изменение приемов работы и замена ручного труда механическим, прогрессируя с каждым годом, давно уже доказали, что закон убывающего плодородия почвы при расчете производительности на единицу живого труда

является простым недоразумением. Если под производительностью сельскохозяйственного труда понимать отношение количества продуктов к затратам непосредственно-трудовой энергии самого земледельца, то история говорит, что *это отношение все время растет*, так как наряду с ростом затрат еще в большой степени растет количество продуктов.

Тот же Бородин приводит следующие цифры.

Требуется рабочих дней на 1 десятину

РАБОТЫ.	Россия		Соединенные Штаты	
	Конн. дней.	Пеших дней.	Конн дней.	Пеших дней
Запашка, бороньба и посев	3	4	2	3
Уборка	—	6	0,5	0,5
Обмолот. очистка и проч	—	6	0,1	1,5
Итого	3	16	2,6	5

Если считать вместе с Бородиным, что средний урожай для Америки составляет 57 пуд. и для России 45 пуд., то получим производительность труда в Америке—11,4, а в России—2,8.

Но все дело в том, что так ставить вопрос, так определять производительность затрат в сельском хозяйстве—нельзя. Нельзя говорить, что косец, косивший косой в день $^1/_2$ десятины, при помощи косилки скашивая за это же время 3 десятины, сократил свои затраты в 9 раз.

Для того, чтобы применить эту косилку, он должен часть затрат труда произвести предварительно, заранее, а не в момент самой косьбы. Затрачивая капитал на покупку косилки, крестьянин затрачивает единовременно те сбережения, которые он сделал, напрягая раньше свою трудовую энергию в большей мере, чем он это делал бы, не имея желания приобретать косилки. Замена ручного труда механическим есть в сущности замена настоящего, сегодняшнего труда прошедшим, вчерашним, овеществленным в виде орудий производства.

Поэтому, если мы хотим говорить о „законе падающего плодородия почвы“ или, что то же самое, о законе падения производительности сельскохозяйственного труда, то мы должны иметь в виду всю сумму затрат, как современных так и предыдущих, а не только затрат труда, совершаемых при самом производстве продукта. Таким образом, перед нами вопрос: *какие условия могут увеличивать отношение количества продукта ко всей сумме затрат, произведенных с целью его получения.*

Для того, чтобы живой человеческий труд мог быть заменен механической работой, очевидно, необходимо наличие, во-первых, таких технических условий, при которых эта замена физически возможна, и, во-вторых, экономических условий, делающих эту замену рациональной. Сначала остановимся на второй группе. Не нужно забывать, что по словам Рикардо „эти немые деятели (машины) представляют собой продукт гораздо меньшего труда, чем тот, который они замещают“. Весь смысл замены и заключается в том, что

„труд, затраченный на создание машины плюс весь тот труд, который вообще может быть произведен при помощи этой машины, всегда меньше труда без этой машины с теми же результатами“ [1]). Действительно, представим себе машину, которая для своего производства требует 100 рабочих дней; для получения урожая при помощи этой машины с 20 десятин надо еще затратить 30 дней; следовательно, весь расход будет равняться 130 дням. А если работать без машины, то тот же урожай с тех же 20 десятин можно получить при затрате 115 рабочих дней. Очевидно, введение такой машины бессмысленно. Однако, это верно лишь в том случае, если с применением машины количество продукта остается неизменным. Однако, возможно и другое условие: несмотря на то, что труд по созданию машины плюс труд по ее эксплоатации больше ручного труда земледельца, все же введение машины рационально, если количество продукта при машинном труде значительно больше, чем результаты ручного труда. Так, если в предыдущем примере применение машины дает 1,000 пудов, а ручной труд—700 пуд., то, очевидно, рациональнее затратить 130 дней и получить 1,000 пуд., чем тратить 115 дней для получения 700 пуд.

С повышением урожая не связана работа уборочных машин и машин по переработке продуктов — косилки, жнейки, конных граблей, молотилок, веялок и т. д. Такое повышение урожая обычно соединяется со сбережением труда и относится к машинам, обрабатывающим почву—плугам, боронам, сеялкам и т. п. Необходимо оговориться, что наличие одного или обоих этих условий, т.-е. сбережение труда или повышение урожая, необязательно ведет за собой применение машин. Последнее зависит от ряда весьма многих и сложных причин, среди которых наибольшее значение имеет рыночная цена самой машины и того продукта, который производится при ее помощи. Может случиться, что продукт очень дешев, как и рабочие руки, а машина очень дорога и выгоднее работать ручным способом. Однако, если введение машин при повышении урожая или сбережении труда необязательно, то наличие хотя бы одного из этих условий обязательно для того, чтобы машина была введена. Короче говоря, если имеет место это условие, то машины может и не быть, но если машины есть, то это значит, что хотя бы одно из этих условий налицо. Наличие этих условий дает смысл применению машины, является основной предпосылкой ее введения.

Но оба эти условия—сокращение труда и увеличение продуктов—являются ничем иным, как условием *под'ема производительности труда.* Следовательно, *смысл применения машин и сводится к под'ему при ее помощи производительности труда*, и, очевидно, для введения машин имеется тем больше стимулов, *чем больше она повышает производительность.*

Это в свою очередь ставит вопрос о способах возможного усиления такой способности машины. Каким образом можно повысить способность машины к поднятию производительности человеческого труда в сельском хозяйстве? Представим себе, что перед нами машина, удовлетворяющая первому из поставленных условий, т.-е. сокращающая сумму затрат без повышения дохода. Например: доход в 1,000 пудов получается при помощи 50 рабочих дней при машине и 200 рабочих дней, потраченных на изготовление самой машины; при ручной работе без машины этот же доход получается в результате 300 рабочих дней. Тогда в первом случае производительность труда равняется 1,000 : 250 = 4,0, во втором—1,000 : 300 = 3,3. Каким образом достигнуть еще большего повышения производительности труда? Очевидно, без изменения делимого это достигается только одним способом—еще большим

[1]) Н. Суханов «К вопросу об эволюции сельского хозяйства» Стр. 47.

сокращением делителя. Последнее возможно в следующих трех случаях: 1) если сократится количество труда, затраченного на производство машины; 2) если сократится количество труда по эксплоатации машины и 3) если труд по изготовлению машины возрастет, но меньше чем сократится труд при ее эксплоатации.

Первый случай, при котором производительность труда будет равняться например $\frac{1.000}{50—150} = 5{,}0$, возможен лишь в таких условиях, при которых повышается производительность машиностроительного труда. Развитие крупной машиностроительной, металлургической и прочей промышленности, с развитым разделением труда, развитой техникой и т. д.—все это делает возможность увеличения количества машин, производимых в единицу времени, т-е уменьшает количество рабочего времени, потраченного на производство каждой отдельной машины. Иными словами, это возможно только тогда, *когда изготовление средств производства отойдет от сельского хозяйства в крупную промышленность*. Изготовление плуга, бороны, молотилки и проч. силами самого сельско-хозяйственного предприятия неминуемо берет больше рабочего времени, чем производство их у специалиста-кузнеца, а у последнего всегда берет больше времени, чем на заводе, и на заводе—тем меньше, чем крупнее сам завод, полнее разделение труда, выше технический уровень производства и т. д. Таким образом, уровень развития промышленности и производительность промышленного труда оказывают решающее влияние на производительность труда сельско-хозяйственного.

Второй случай сокращения труда при машине, дающий например производительность труда $\frac{1,000}{20—200} = 4{,}54$, очевидно, является ничем иным, как техническим усовершенствованием машины, которая теперь требует для своей эксплоатации меньше труда работника. При этом, однако, техническое усовершенствование машины не должно повышать труда на ее изготовление. Ясно, что и этот случай возможен лишь при развивающемся состоянии крупной машиностроительной промышленности, для которой доступны все новейшие завоевания техники.

Третий случай, дающий производительность труда, напр. $\frac{1,000}{15 - 220} = 4{,}25$, является, очевидно, лишь вариантом второго, когда технические усовершенствования, ведущие к сокращению труда при эксплоатации машины, влечет, однако, повышение труда по ее изготовлению. Случай этот, очевидно, является, более жизненным, чем второй, так как сокращение работы при применении машины, например, с 4-х до 2-х, требует таких приспособлений в механизме самой машины, создание которых все же требует увеличения труда рабочего на заводе, хотя и очень незначительного при высоком уровне промышленного развития.

Все сказанное относится к таким машинам, которые не повышают количества продуктов, а лишь сокращают затраты труда, что, главным образом, относится к машинам уборочным и по переработке урожая. Однако, совершенно то же приходится сказать о машинах, влияющих на количество продуктов, как плуги, сеялки и т. д. Ведь если машина дает производительность труда $\frac{1\ 000}{50—200} = 4$, то, чтобы она давала $\frac{1.250}{50—200} = 5$, необходимо соответствующее техническое усовершенствование ее механизма. Нужно, чтобы борона мельче дробила землю, плуг захватывал глубже и полнее переворачивал пласты, сеялка ровнее разбрасывала семена, и опускала бы их на оди-

наковую и нужную глубину и проч. Все это возможно опять-таки при достаточно развитой крупной машиностроительной промышленности. „Именно индустрия, говорит Каутский, создала технические и научные условия нового, рационального земледелия, именно она революционизировала земледелие посредством машин и искусственных удобрений, посредством микроскопа и химической лаборатории, придав, таким образом, техническое превосходство крупному капиталистическому производству над мелким крестьянским производством".

Резюмируя в коротких словах сказанное, приходим к заключению, что *производительность сельско-хозяйственного труда повышается тем более, чем больше ручной труд заменяется механическим, чем больше изготовление сельско-хозяйственных орудий и машин переходит из сельского хозяйства в индустрию и чем в более крупных размерах последняя организована.*

Этот вывод подводит нас к той проблеме, которая была нами поставлена выше, именно—о необходимости для применения машин не только известных экономических условий, делающих это применение рациональным, но и ряда технических условий, вообще допускающих пользование механическими приемами при совершении той или иной операции. Мы установили, что труд сельского хозяина тем производительнее, чем больше ручная работа заменяется механической, при чем машина должна быть технически совершенна и создана на крупных машиностроительных заводах. Но дело в том что область применения механической работы в сельском хозяйстве ограниченна, так как здесь узки рамки, допускающие вообще замену ручной работы машиной. Человек смог заменить себя машиной, лишь постепенно передавая свои элементарные операции механическим силам. Лишь медленное, в течение веков происходившее, соединение этих элементарных операций, производимых механически, создало наконец к XIX веку машину, т.-е. механизм, имеющий двигатель, передаточную и рабочую части. Очевидно, для того, чтобы человек мог передать механизму какую-либо, хотя бы самую элементарную, операцию, последняя должна быть, во-первых им самим понята, а во-вторых те силы, которые заменяют человека, должны быть ему подчинены: он должен их понимать, знать и должен иметь возможность направлять их по своему усмотрению. Тот же С. Булгаков, говоря об условиях, при которых машина может овладевать производством, вполне правильно замечает, что „первое из этих условий—то, что можно назвать свободой человеческой воли в политической экономии: господство человека над производительным процессом, отсутствие в нем таких факторов или таких моментов, перед которыми человек бессилен, относительно которых его воля не свободна. Чтобы процесс производства мог быть об'ективирован, он необходимо должен предварительно составлять предмет суб'ективного человеческого усмотрения, не быть уже ранее об'ективирован природой. Ибо человек может замещать машиной самого себя, но не природу, об'ективировать собственные мысли и цели, но не силы природы".

Наконец, условием, при котором машина может овладевать производством, является также непрерывность данного процесса производства.

Итак, для того, чтобы человек мог заменить свой труд машиной, должны быть налицо следующие условия:

1) должен быть налицо самый производственный процесс, т.-е. наличие суб'ективного человеческого усмотрения и энергии, направленных на создание продуктов;

2) весь производственный процесс должен быть разложен на элементарные операции;

3) операции эти должны совершаться одновременно и непрерывно;

4) человек должен обладать силой и знанием, чтобы заменить свой труд механизмом при совершении этих элементарных и непрерывных операций

В виду того, что два последние условия отсутствуют в земледелии, С. Булгаков, Э. Давид и другие авторы считают машинизацию сельского хозяйства невозможной, а следовательно и пропадает, с их точки зрения, одно из важнейших оснований крупной формы хозяйства.

„Новейшая эра в земледелии, указывает Э. Давид, начинается не с применения паровой машины, а с открытия действительной связи между почвой, растительным и животным организмом. Физическое и химическое улучшение почвы, регулирование условий влажности, рациональное общее и специальное увеличение питательных веществ путем удобрения естественного, искусственного и растительного, размножение полезных растений и животных, облагороженных разновидностей, соответствующих данным естественным условиям и специальным целям; индивидуальный уход за культивированными организмами и охранение их от бесчисленных врагов и опасностей—вот почва, на которой сельско-хозяйственный прогресс отпраздновал свои величайшие триумфы. Главным элементом производительного прогресса в сельском хозяйстве является „повышение интенсивности труда“ путем рационального изменения внешних условий развития организмов и их внутреннего склада“. А это дается не путем применения машин, а путем применения все большей массы квалифицированного и индивидуализированного ручного труда“. „Органический процесс, говорит Э. Давид, стоящий в центре добычи сельскохозяйственных продуктов составляет ее специфическую особенность“. Эти органические процессы при современном состоянии наших знаний еще почти не подвергаются воздействию человека. Можно даже сказать, что совсем не подвергаются, так как мы нашли пока еще способы не подчинения самих процессов, а способы некоторого воздействия на ту среду, в которой они происходят, благодаря чему можем оказывать некоторое влияние на результат этих процессов. Живая и непокоренная человеку природа еще господствует в сельском хозяйстве и вся наша задача сводится лишь к умелому приноравливанию к ее требованиям. Это господство природы тонко подмечено, между прочим, Г. Успенским, который пишет: „вот сейчас у своего окна я вижу: плохо прикрытая снегом земля, тоненькая в вершок зеленькая травка, а от этой тоненькой травинки в полной зависимости человек, огромный мужик с бородой, с могучими руками и быстрыми ногами. Травинка может вырасти, может и пропасть, земля может быть матерью и злой мачехой—что будет, неизвестно решительно никому. Будет так, как захочет земля будет так, как сделает земля и как она будет в состоянии сделать. И вот человек в полной власти у этой тоненькой травинки“.

Эта специфическая особенность отражается на всем характере сельскохозяйственного труда и вместе с этим создает препятствие для такой же замены ручного труда механическим, какая имеет место в индустрии.

Для жизни растения необходимо определенное количество элементов, находящихся как в почве, так и в окружающей атмосфере. Чтобы растение получало в нужном количестве эти элементы, ему должна быть предоставлена некоторая хотя бы самая минимальная, площадь земли. Поэтому производство растений всегда имеет «пространственный» характер, оно всегда захватывает известную площадь. Необходимый материал для этого производства—земля—обладает свойством неподвижности. Это принуждает те производственные процессы, которые связаны с площадью земли, а большинство сельско хозяйственных процессов именно находится в такой связи, быть подвижными. Здесь в про-

тивоположность индустрии не материал проходит мимо недвигающейся с места машины и рабочих, а наоборот, труд и орудия производства двигаются по материалу. Это вызывает необходимость создавать подвижные орудия производства. Двигательный механизм, необходимый элемент в каждой машине, должен быть подвижным, т. к. сельско-хозяйственные машины должны не только приводить в движение рабочий механизм, но вместе с ним двигаться по поверхности земли. Поэтому в сельско-хозяйственных полевых работах до сих пор неприменим центральный двигатель, благодаря которому в индустрии появилась возможность создания громадных машин-чудовищ, являющихся уже не одной машиной, а целой системой их.

Отсутствие центрального двигателя и несложность машин в сельском хозяйстве обусловливается еще и другим специфическим свойством сельскохозяйственного труда. Отдельные трудовые процессы в силу органического характера сельско-хозяйственного производства совершаются неодновременно, а последовательно один за другим. Нельзя одновременно пахать, сеять, жать и молотить: следовательно надо иметь машины, которые только пахали бы или только сеяли, или только косили и т. д., и не нужны такие, которые делали бы все это одновременно, даже если бы такие машины и были изобретены. Причина такой последовательности работ кроется в том, что в промежутках между механическими процессами имеют место процессы физиологические, которые для своего завершения должны иметь известный промежуток времени, не поддающийся сокращению при данных природных условиях. Так, между пашней и жнитвом имеется процесс роста и созревания растения, требующий определенного времени. Иногда место физиологических процессов занимают физические, но такие, ускорить которые не в силах человек; между косьбой травы и сгребанием сена имеется процесс сушки, сравнительно весьма мало поддающийся нашему воздействию и который обязательно должен быть именно между этими двумя механическими процессами.

Поэтому комбинированная машина в сельском хозяйстве может захватывать лишь такие операции, между которыми нет процессов органического характера. Например, можно представить себе машину, которая одновременно пахала бы, боронила, сеяла и заделывала семена, но нельзя серьезно говорить о такой, которая к этим четырем операциям присоединяла бы еще и косьбу. Если не применяется сложная машина для пашни, бороньбы, посева и заделки, то очевидно только потому, что использование рабочих сил хозяйства требует такого распределения работ, при котором часть этих операций не должна совершаться одновременно с другой частью.

Следующая причина отсутствия таких комбинированных машин лежит в их большой тяжести и сложности, т.-е. в затруднительности передвижения по мягкой обработанной почве.

Итак, тормозом в деле механизации сельско-хозяйственного труда являются его подвижность в пространстве и последовательность отдельных трудовых процессов во времени. Эти свойства не позволяют сельско-хозяйственному труду достигнуть того предела механизации, какой имеется в индустрии.

Но тем не менее эти условия ставят более широкие рамки для замены ручного труда механическим, чем это кажется на первый взгляд. Человечеством использована еще очень незначительная часть представляющихся в этом отношении возможностей. Чтобы убедиться в этом, достаточно ясно представить себе, в чем заключается процесс сельско-хозяйственного производства с технической точки зрения.

Э. Давид, желая спасти свою основную мысль о приоритете в сельском хозяйстве органических процессов, принужден не считать сельско-хозяйственными такие операции, которые имеют дело с переработкой продуктов. Так,

на странице 45 своего труда он утверждает: «Сборы урожая образуют переход от сельско-хозяйственной к индустриальной сфере производства Совершаясь на одной стороне еще при специфических условиях процесса сельскохозяйственного труда, он на другой стороне, в качестве работы над подвижным мертвым об'ектом (транспорт, молотьба, чистка и т. п.) уже захватывает область механического производства. К этому последнему безусловно следует причислить дальнейшую переработку продуктов в производствах: мельничном, в хлебопекарне, в скотобойне, в фабрикации масла и сыра, в винокурении и т. д.».

Давид кладет в основу своих построений разделение всего производственного процесса на ряд своеобразных и раздельных операций.

Действительно, процесс этот не может рассматриваться как единый. Как в промышленности доведение всякого продукта до такого состояния, при котором он оказывается пригодным для потребления, представляет ряд отличных друг от друга производственных процессов, из которых каждый берет в качестве материала то, что для предыдущего было уже готовым продуктом, так и в сельском хозяйстве имеется ряд раздельных производственных процессов, заканчивающихся изготовлением продукта, служащего материалом для другого процесса. Разница с этой стороны между промышленностью и сельским хозяйством лишь в том, что в первой эти отдельные процессы сосредоточены весьма часто в различных предприятиях, которые работают одновременно. Продукт, переходя из одного процесса в другой, переходит из одного предприятия в другое последовательно, но предприятия эти обрабатывают всю массу продуктов одновременно и беспрерывно. В сельском хозяйстве в силу подчинения его органическим факторам вся масса продуктов сразу переходит из одного процесса обработки в другой, и первый процесс совершенно заканчивается с того момента, как начинается следующий. Кроме того, в сельском хозяйстве все эти процессы от начала и до конца соединены в одном предприятии, что и заставляет при поверхностном взгляде представлять себе сельско-хозяйственное производство, как единый процесс.

Однако, само деление производственного процесса 1) на сельско-хозяйственное производство, 2) переходную стадию и 3) индустриальный процесс неправильно, ибо покоится на неправильном понимании термина „участия" органических сил природы в производстве. „Участвовать" можно только в форме действия, в форме выполнения ряда функций органическими силами наряду с человеком. Иными словами, „участие" можно понимать лишь как „сотрудничество". Такое сотрудничество человека и биологических сил природы обусловлено, очевидно, различным характером функций, выполняемых той и другой стороной: живая природа делает то, чего не может сделать человек и обратно. Отсюда очевидно, что отдельные производственные процессы приходится разделять друг от друга на основании признака—кто в данном процессе выполняет главную функцию—человек или органические силы. На основании этого критерия наиболее правильное с нашей точки зрения деление всего сельско-хозяйственного производства сводится к разграничению следующих процессов:

1) предварительная подготовка условий, необходимых для проявления органических сил. Сюда относится обработка почвы, посев и т. п. Субектом действия является человек, а органические силы проявляют себя сравнительно слабо.

2) Вегетационный процесс, т.-е. процесс роста и созревания растения где главные функции выполняются органическими силами природы. Участие человека заключается лишь в некоторой помощи этим процессам: полка гряд, поливка и т. д.

3) Снятие урожая, заключающееся в том, что человек вновь является суб'ектом действия, прекращает жизнь растения, пресекая в нем органические процессы и превращая его в мертвую материю. Органические процессы прекращаются, и человеку лишь приходится считаться с условиями и результатами их предшествующего действия—с размерами урожая, с вынужденной разбросанностью труда по площади и т. д.

4) Наконец, переработка урожая, которая, как правильно указывает Давид, ничем не отличается от индустриального производства. Здесь полным и единственным суб'ектом является человек, органические процессы отсутствуют.

Каждый из этих четырех процессов, начиная с обработки материалов, превращает их в полуфабрикаты и передает всю их массу другому процессу, для которого этот полуфабрикат в свою очередь является лишь материалом, и т. д., пока в хозяйстве не получается «продукт», т.-е. предмет, который считается суб'ектом хозяйства, готовым изделием и который поступает в потребление или в дальнейшую переработку, но уже в другое предприятие.

Некоторые изменения в эту схему вносятся животноводством, хотя нарушение ее оно не производит. Продуктивный скот является машиной для переработки травы в молоко, мясо, шерсть и т. д. (4-й процесс). Или же при пастбищном кормлении скот выполняет две функции—сбор урожая (пастьба) и переработку его в продукты животноводства. Таким образом, при наличии животноводства суб'ектом четвертого, а иногда четвертого и третьего, процессов является не человек, а органические силы природы, т.-е. организм животного.

Одни продукты выходят из производства или даже из предприятия лишь после четвертого производственного процесса, как например, зерно, молоко при стойловом содержании скота, масло, сыр и т. д.; другие—после третьего процесса, как сырые овощи, фрукты, молоко при пастбищном содержании скота; наконец третьи — после второго процесса, как например — сбыт растения на корню и т. п.

Несмотря на большое техническое различие между этими четырьмя стадиями, все они являются частями одного *сельско-хозяйственного* производства, поскольку выполняются в одном предприятии, ставящем себе задачей создание продуктов земледелия или скотоводства.

Из этих четырех стадий лишь во второй применение машины чрезвычайно ограничено, потому что вообще ограничена деятельность человека. В трех остальных для применения машин имеется еще очень большое будущее.

Трудно предусмотреть вперед, что может сделать хотя бы применение электрической энергии в деле мелиорации, обработки земли, посева, уборки урожая, его обмолота и т. д. и т. д. Например, ничтожное распространение имели до сих пор машины по сбору корнеплодов. Выдергивать машиной каждый экземпляр нельзя, очевидно приходится строить работу на принципе захвата известного количества земли вместе с растениями и отряхивания этой земли. Ясно, что работа тем производительнее, чем больше захватывается зараз земли и растений. Но для этого необходима очень большая сила, которую не могут развить две-три лошади. Как только устанавливается хотя бы небольшая динамо-машина, так получается возможность одновременного захвата и встряхивания значительно большего количества земли и клубней.

Не приходится забывать, что с живым организмом и с необходимостью поддержания его жизни мы должны считаться лишь в течение двух из 4-х стадий производства, именно во время обработки почвы и вегетационного периода: в двух других об'ектом нашего воздействия является та же мертвая

материя или необходимость превращения живого организма в такую материю. Если есть отличие между сельско-хозяйственной и индустриальной техникой в области трех стадий за исключением вегетационного периода, то лишь постольку, поскольку обработка почвы связана с площадью, с необходимостью передвижения по ней и сезонностью работ. Эти условия ставят развитию механизации значительно более узкие рамки, чем в индустрии, но во всяком случае и в границах этих рамок человечество сделало еще очень мало.

Благодаря тому, что в скотоводстве органические процессы имеют значительно большее влияние, чем в земледелии, границы механизации в этой отрасли действительно очень узки. Что же касается земледелия или точнее растениеводства и кормодобывания, то нельзя не согласиться с Сухановым, который в цитированном уже труде говорит, что „если данной машины нет сегодня, то это совсем не значит, что ее не будет завтра,—мало того: это не значит, что ее *нельзя* построить и применять сегодня; а если она уже построена, но не может в настоящее время вытеснить ручного труда, то это может не значить, что она не способна сберечь труд (тогда ее бы не было), а может значить, что современные условия земледелия задерживают развитие производительных сил".

Итак, перед человечеством еще весьма широкие и неиспользованные возможности замены в сельском хозяйстве ручного труда механическим, хотя и не такие, как в индустрии. Чем полнее эти возможности будут осуществлены, чем радикальнее изготовление машин и вообще орудий производства будет построено на основе общественного разделения труда и отделено от сельского хозяйства, тем сильнее те устои, которые воздвигает человек против, так называемого „закона падающей производительности сельско-хозяйственного труда", тем сильнее будет нивелироваться „закон убывающего плодородия почвы".

Однако такие результаты достигаются не только максимальным применением машин; последнее все же ограничено в земледелии, и за его рамками остается еще большое поле полного господства ручного труда. Особенно узкие границы для применения машин, как уже говорилось, в животноводстве, где сбор и переработка продуктов совершается при помощи живого организма.

Но и в такой обширной области немеханического труда имеются средства не только борьбы с законом падения производительности сельско-хозяйственного труда, но и средства для полной победы над ним и сведения действия его к нулю. Это сделается ясным после того, как мы хотя бы в самых общих чертах познакомимся с причинами и основаниями падения плодородия почв.

Эти основания носят естественно-исторический характер и покоятся на так называемом „законе физиологического минимума". Как известно, жизнь растения обусловливается наличностью определенного сочетания четырех факторов: света, тепла, влаги и питательных элементов. Одним из основных законов физиологии является „закон незаменимости" одних факторов другими, поэтому при отсутствии какого-либо из перечисленных 4-х факторов жизнь растения прекращается, хотя бы остальные факторы имелись в распоряжении растения в изобилии. Отсюда учение о питании растений говорит, что полнота жизни растения определяется в конечном счете количеством того фактора, который имеется в распоряжении растения в минимуме сравнительно с другими факторами („закон минимума").

Профессор В. Вильямс [1]) прекрасно иллюстрирует этот закон примером 4-хгранной призмы грани которой,—различной высоты. „Если,—говорит он,—мы

---

[1]) «Общее земледелие».

условимся считать четыре стенки изображенной полой призмы за четыре фактора жизни растения—свет, тепло, питательные вещества и воду, а об'ем жидкости, которую можно влить в подобную полую призму, за величину урожая растений, то станет очевидным, что величина этого об'ема жидкости или урожая растения будет определяться высотой наиболее низкой стенки призмы, и как бы высоки ни были остальные три стенки призмы, они совсем не в состоянии влиять на величину об'ема жидкости, которую можно поместить внутри такой полой призмы, или, другими словами, на величину урожая растения".

Отсюда практический вывод, что для увеличения эффекта необходимо не огульное повышение количества всех факторов жизни растения, а лишь того, который находится в минимуме. Но так как подобное увеличение после известного момента делает какой-нибудь другой фактор минимальным, то, очевидно, с этого момента возникает задача увеличивать уже этот фактор, потом—следующий и т. д. до бесконечности.

Следовательно, при одном и том же размере затраты доход может быть меньше или больше, в зависимости от качества и свойств этой затраты. Так, можно затратить вдвое больше навоза и получить урожай в 1,5 раз больше: но, сделав вторичную затрату не в виде навоза, а в виде того питательного элемента, который находится в минимуме, можно достигнуть не только двойного, а быть-может и еще большего урожая.

Пахать можно глубоко и мелко, что дает разные результаты в зависимости от требования растения и свойств почвы. Физическая структура почвы влияет на усвояемость растением питательных элементов. большая усвояемость вызывает лучшее использование влаги, тепла и света. Изменение физической структуры почвы, т-е. обработка ее, изменяет, таким образом, возможность использования жизненных элементов со стороны растений. Следовательно, можно повысить урожай, вложив большее количество навоза, но можно его повысить также, если сделать ту же затрату на лишнюю перепашку почвы. Одно уже изменение севооборота сильно отражается на производительности труда, так как повышает сумму урожая при значительно меньшем повышении труда. Представим себе следующий пример.

Два хозяйства с 24 десятинами пашни и 9-ю десятинами луга, каждое находится в совершенно одинаковых условиях, разница лишь та, что одно применяет трехпольную систему, другое улучшило эту систему клевером Их земельная площадь разделится на следующие культуры:

1-е хозяйство.	2-е хозяйство.
8 д ржи.	6 д. ржи.
8 » овса.	6 » овса.
8 » пара.	6 » пара.
9 » луга.	6 » клевера (ежегодно засевается 2 десятины)
	9 » луга.

Согласно урочному положению сельско-хозяйственных работ в Ярославской губернии *), эксплоатация одной десятины требует рабочих дней:

Рожи (вместе с обработкой пара)	43,22 дня. **)
Овса	32,39 »
Клевера	13,86 » ***)
Луга	7,60 »

*) «Материалы для оценки земель Ярославской губернии». Вып. 3-й изд. Стат. Отдела Ярославской Губ. Зем. Управы 1917 г.

**) Приблизительные средние цифры.

***) Приравниваем к работам по косьбе и уборке поемных сенокосов Рыбинского уезда и прибавляем работы по посеву.

Это дает число рабочих дней по первому хозяйству—673,28 а по второму—580,06.

Так как размеры затрачиваемого инвентаря при обоих севооборотах одинаковые, то величина эта может быть нами вынесена за скобки, т.-е. приравнена к нулю, так как мы учитываем не абсолютную величину производительности труда, а лишь сравниваем ее при разных севооборотах.

Валовой урожай зерна в обоих хозяйствах выразится в следующих цифрах:

в 1-м хозяйстве		Во 2-м хозяйстве	
Ржи	43,20 пуд.	Ржи . . .	32,40 пуд
Овса	47,60	Овса . . .	35,70 »
Сена лугов .	1476,0	Сена лугов . . .	1476,0 »
		Клевера . . .	1410,0

Принимая во внимание цены одного пуда ржи 84 коп., одного пуда овса—61 коп., одного пуда поемного сена—30 коп., одного пуда клеверного сена—40 к., как это имело место в Ярославской губернии в 1912—13 гг., получаем общую валовую стоимость всего сбора (без соломы) в первом хозяйстве—996 р 4 к. или 1185 ржаных единиц и во втором—1523 р. 13 к. или 1813 ржаных единиц. Это дает на один рабочий день в первом хозяйстве 1,76 ржаных единиц, а во втором—3,12 ржаных единиц Или, считая в первом хозяйстве затрату энергии и производительность труда за 100, получаем во втором количестве затрачиваемой энергии равной 86 а производительность—177.

Цитированный нами автор — Ватерштрад приводит, правда, по другому поводу, данные о количестве потребных рабочих дней и об урожае при различных севооборотах. На основании этих данных мною высчитано, что колебания производительности труда в зависимости от севооборота достигают до 46%, т.-е. одно изменение севооборота дает повышение производительности почти в 1,5 раза. К сожалению, Ватерштрад совершенно не вводит в свои расчеты стоимость затрат овеществленной энергии, что не позволяет базироваться на его данных.

Возьмем еще один пример—изменение не столько размеров, сколько формы затрат. Известно, [1]) что озимая рожь при среднем урожае извлекает из почвы 2 пуда 34 фунта азота, 1 пуд 15 ф. фосфорной кислоты и 2 пуда 12 фун. калия. По Вольфу, свежий стойловый навоз содержит фосфорной кислоты 0,18% значит, в одном пуде навоза содержится 0,06 фун. фосфорной кислоты, а 1 пуд 15 фун. ее должен содержаться в 833 пуд. навоза. Вложив это количество навоза в десятину земли, мы кроме 1 пуда 15 фун. фосфорной кислоты вложим еще 3 пуда 9 фун. азота и 3 пуда 29 фунтов калия, так как тот же навоз кроме фосфорной кислоты содержит еще 0.39% азота и 0,45% калия. Следовательно, для того, чтобы получить в будущем году тот же урожай мы должны напрасно выбросить 15 фун. азота и 1 пуд 17 фун. калия. Применяя искусственное удобрение, мы для получения 2 пудов 34 фун. азота должны вложить 19 пудов чилийской селитры, содержащей 15% азота, для получения 1 пуда 15 фун. фосфорной кислоты—8 п. томасовашлака (18%) и для получения 2 х пуд. 12 фун. калия—5 п. калийной соли. Если предположить, что наша почва не содержит от природы никаких питательных элементов, и что единица питательных веществ, заключенных в навозе, требует для своего производства столько же труда, сколько единица, заключенная в искусственном удобрении, то очевидно, что, если для полу-

[1]) «Справочная книга русского сельского хозяина».

чения одного и того же урожая надо на одну десятину затратить при навозном удобрении 100 единиц труда, то при искусственном—78.

Можно было бы привести и еще ряд примеров, в особенности подчеркивающих влияние времени выполнения работ на производительность труда: например, время посева чрезвычайно влияет на урожайность, хотя количество энергии затрачивается одно и то же, производится ли посев неделей раньше или неделей позже.

Все это говорит за то, что увеличение урожая можно достигнуть не только изменением размера затраты, но и путем изменения ее формы, т.-е. техники ее выполнения. Поэтому многие авторы, в том числе, например Langenbeck утверждают, что „действие закона убывающего плодородия почвы может быть совершенно парализовано, если при помощи улучшения техники, в самом широком смысле этого слова, удается получить более высокий доход при неизменной затрате труда и средств производства, или если достигается тот же доход при меньших размерах затрат. Действие закона вновь проявляется, как только при новой технике наступает дальнейшее повышение интенсивности", т.-е., добавим мы, начнется увеличение размеров затрат без нового изменения техники.

Ватерштрад так определяет значение техники в сельском хозяйстве: „новые изобретения и методы хозяйства вполне могут придать земледелию тенденцию к возрастанию доходов и в таких размерах, что эта тенденция приобретает всеобщий характер. Разница между индустрией в таком случае будет чисто количественная, а не принципиальная".

Изменение способов приложения энергии, т.-е. изменение техники ставит своей целью повышение дохода при сохранении или уменьшении размеров затрат, т.-е. повышение производительности труда. Правда, в действительности чаще встречаются случаи, когда усовершенствование техники сопровождается увеличением затрат труда и капитала, но увеличение доходов при этом происходит в большей степени, а потому производительность труда повышается. Такое техническое усовершенствование как переход от трехполья к многопольному севообороту не может не сопровождаться повышением затрат, но вместе с этим доход повышается еще в большей степени.

Суханов в „Очерках по экономии сельского хозяйства" делает прекрасное сравнение влияния техники на производительность труда с влиянием ее на расстояние „Допустим, говорит он, я смотрю на уходящего человека невооруженными глазами; по мере его удаления я начинаю плохо различать его; я надеваю очки и вижу его лучше, чем в первый момент; но с увеличением расстояния я снова начинаю терять его из вида; я беру цейсовский бинокль и снова начинаю видеть его лучше, чем когда-либо. Влияние расстояния парализовано, но оно существует и оно огромно".

Последняя фраза несколько неудачно средактирована, так как не сразу делается понятным, что „существует", что „огромно"—расстояние или его влияние. Если последнее, то фраза теряет всякий смысл: как может существовать парализованное влияние. Очевидно, это место надо понимать так, что, несмотря на парализование влияния расстояния, само это расстояние существует и оно огромно. Ну и что же из этого? Пусть себе и существует, если его вредное влияние парализовано. Важно то, что техника, агрикультура парализуют вредное влияние увеличенных затрат тем, что еще больше повышают доходы: важно то, что техника позволяет сохранять размеры затрат на прежнем уровне, повышая доходы.

Итак, изменение техники является вторым средством повышения производительности сельско-хозяйственного труда. П. Маслов даже само опре-

деление технического прогресса строит на связи техники с производительностью труда, говоря, что „под техническим прогрессом разумеется увеличение производительности труда рабочего под влиянием улучшения орудий и средств производства".

Ленин в цитированных нами статьях говорит по этому поводу: „Закон убывающего плодородия почвы вовсе не применим к тем случаям, когда техника прогрессирует, когда способы производства преобразуются; он имеет лишь весьма относительное и условное применение к тем случаям, когда техника остается неизменной".

Однако все же не приходится преувеличивать значение технического прогресса в земледелии. Что техника земледелия сделала еще очень мало из того, что ей предстоит, не подлежит никакому сомнению, но может ли она вместе с механизацией сельско-хозяйственного труда совершенно и радикально нивелировать убывающее плодородие почвы—подлежит большому и и очень большому сомнению.

Дело в том, что четыре группы факторов, под влиянием которых живет растение, состоят из двух материальных—влага и питательные вещества и двух энергетических—свет и тепло. Для жизни растения необходимо, чтобы *все* эти факторы действовали совместно и чтобы они находились в известном взаимном количественном сочетании. Вся сельско-хозяйственная техника до сих пор направлена преимущественно на способы изменения и сочетания отдельных материальных факторов: обработка почвы, севообороты, удобрение и т. д., фактически являются изменением сочетания влаги с питательными элементами, отдельных питательных элементов между собой и т. п. Отчасти только достигается изменение температуры почвы. Можно представить себе, что развитие техники приведет к достижению самых, какие только можно представить себе, благоприятных сочетаний этих факторов. При этом урожаи будут чрезвычайно велики, производительность труда сравнительно с теперешней сильно возрастет. Но что будет делать человечество, если рост населения будет принуждать к новому увеличению продукции? Очевидно, оно должно будет или прилагать новые усилия при наличии старой техники и этим понизить производительность труда, или продолжать прогресс техники, но уже путем воздействия, главным образом, на энергетические факторы, так как с материальными, пока не изменены энергетические, делать будет уже нечего. Внимание человечества должно будет направиться в сторону таких технических приемов, которые позволяли бы земледельцу влиять на количество солнечной энергии и тепла, приходящихся на его хозяйство. В настоящее время мысль об этом способна вызвать только улыбку, но рано или поздно человечество станет перед этой задачей, если не начнет усиленно применять еще третьего способа под'ема производительности труда. Я имею в виду усовершенствование органического строения самого растения, что действует не менее сильно, чем механизация труда и прогресс агрикультуры.

До сих пор мы говорили о требованиях растения, считая их неизменными. Точно также считалась нами неизменной и способность растения превращать данное количество жизненных элементов в свою растительную массу. Задача земледельца при такой постановке сводилась к приспособлению окружающей среды к этим требованиям и способностям растения, поскольку это позволяла техника земледелия.

Но дело в том, что наука о наследственности и вообще весь комплекс биологических наук говорит о том, что путем подбора родовых, передающихся по наследству, признаков можно в конце концов оказать весьма сильное влияние на организм самого растения. Подбирая такие признаки, которые

увеличивают способность растения к полезному использованию жизненных элементов, земледелец создает такие сорта растений, которые дают наибольшую полезную массу при наличии и прежней техники и прежних природных условий.

Агрономия уже давно обратила внимание на возможность такого пути, но если он был чрезвычайно труден в середине и конце XIX века, то теперь с быстрым прогрессом биологических знаний, сортоводство и селекция стали на твердую почву. Ясно, что повышение урожайности, происходящее только потому, что при равенстве прочих условий засевается не один, а другой сорт того же растения, дающий больший урожай, есть ничто иное как повышение производительности труда.

Этому способу повышения производительности земледельческого труда принадлежит громадное будущее. Ведь если даже представить себе, что человечество добьется возможности регулировать по своему желанию количества и сочетания всех материальных и энергетических факторов, можно ли сказать, что и тогда не настанет предел, за которым растение все же перестанет развиваться? Очевидно, такой предел должен наступить в силу органических свойств самого растения. Ведь не можем же мы утверждать, что, например, человек, пользующийся всеми благами мира, ведущий самый здоровый и гигиенический образ жизни, ничем не нарушающий ни своего физического, ни душевного равновесия, что такой человек будет ростом и всем своим физическим развитием во столько раз больше другого, во сколько раз больше количество потребляемых им продуктов. А между тем прекращение такого развития растения, которое было бы пропорционально количеству потребляемых элементов, означает ничто иное, как падение производительности труда. Для того, чтобы растение не остановилось в увеличении своей растительной массы даже после того, как для него будут в максимальной степени и в нужных сочетаниях предоставлены все жизненные факторы, необходимо соответствующее изменение его организма.

Резюмируем все сказанное до сих пор об условиях, влияющих на производительность сельско-хозяйственного труда.

„Закон“ понижающейся производительности труда нивелируется 4-мя моментами: 1) механизацией сельско-хозяйственного труда, 2) переходом изготовления средств сельско-хозяйственного производства из сельского хозяйства в индустрию, 3) прогрессом агрикультуры и техники земледелия и животноводства и 4) сортоводством и селекцией.

А что значит, что падение производительности труда нивелируется? Это значит, что количество сельско хозяйственных продуктов может увеличиваться пропорционально увеличению вложенной в сельское хозяйство энергии. Следовательно, стремление человечества к наибольшему обеспечению себя продуктами сельского хозяйства, а такое обеспечение является, как мы знаем, основной задачей сельского хозяйства, не встретят на своем пути препятствий, если сельское хозяйство будет обставлено так, что сделается возможным максимальное достижение перечисленных четырех моментов. В начале указывалось, что темой настоящей работы является вопрос о том, какие размеры сельско-хозяйственного предприятия обеспечивают в большей степени производительность труда. Теперь мы можем детализировать эту задачу и сказать, что нашей целью является выяснение вопроса, при каких размерах сельско-хозяйственного предприятия достигается наибольшая механизация труда, какие размеры предприятия позволяют пользоваться в наибольшей

степени орудиями, изготовленными в крупной индустрии, при каких размерах применимы новейшие технические и агрикультурные усовершенствования и возможно пользование наиболее совершенными сортами растений и породами животных.

Понятие „крупного“ и „мелкого“ хозяйства.

Всякий, кто вплотную подходит к проблеме сельско-хозяйственной эволюции, не может не задаться вопросом о причинах ее спорности. Ведь сколько десятков лет и у нас в России и на Западе идет горячий спор о направлении, характере и законах этой эволюции, и все еще проблема как будто никак не может выйти из стадии спора. Невольно вместе с Сухановым хочется задать вопрос: „в чем же заключается сущность и где генезис вопроса об эволюции сельского хозяйства“.

Далее Суханов вполне правильно отвечает: „всем известно, говорит он, что дело заключается в своеобразных результатах борьбы между крупным и мелким сельским хозяйством“. В то время как одни считают эти „своеобразия“ решающими, указывающими на наличие в сельском хозяйстве отличных от индустрии законов эволюции, другие, признавая факт этих своеобразных моментов, все же находят их ничуть не изменяющими общие законы эволюции всего народного хозяйства. Вспомним вкратце историю этого „великого спора“.

Вопрос о крупном и мелком земледелии затрогивается уже у Тюрго, который является защитником крупной формы сельского хозяйства; точно так же говорит о нем Дж. Стюарт Милль — сторонник мелкого хозяйства и целый ряд других классиков политической экономии. Но действительное теоретическое обоснование этой проблемы дал Маркс, включив ее в общую схему народно-хозяйственной эволюции. „Мы уже видели, говорит он в „Капитале“, что постоянная тенденция развития капиталистического способа производства состоит в том, что средства производства все более и более концентрируются в значительных массах, что таким образом труд превращается в наемный труд, а средства производства—в капитал“.

Капиталистическое общество создает условия победоносного шествия крупной формы производства. Гибель мелкого хозяйства неизбежна. Эта участь постигает одинаково и мелкую индустрию и мелкое земледельческое хозяйство. Касаясь последнего, Маркс перечисляет причины его неизбежной гибели: „уничтожение сельских домашних промыслов, которые составляют нормальное ее (мелкой земельной собственности. А. М.) дополнение, вследствие развития крупной промышленности, постепенное об'единение и истощение почвы, подвергающейся такой культуре; захват крупными землевладельцами крупной собственности, которая повсюду составляет второе дополнение мелкого хозяйства и только одна дает возможность держать скот, соперничество крупных землевладельческих хозяйств, все равно плантаторских или капиталистических“ и т. д.

Как известно, через пять лет после выхода третьего тома в 1899 г. появляется первое сочинение „ревизионистского“ направления, принадлежащее перу родоначальника этого направления Э. Бернштейна. Этот автор лишь вскользь коснулся аграрной проблемы Маркса, усумнившись в правильности его заключения о концентрации капиталов вообще в народном хозяйстве и в частности в земледелии. Вслед за ним появились уже специальные солид-

ные работы Давида и Герца, а за ними целая плеяда как иностранных, так и русских авторов, доказывающих полную невозможность перенесения схемы Маркса в область сельского хозяйства.

Давид прямо заявляет: [1]) „На протяжении нашего исследования нам придется подвергнуть точному рассмотрению каждую из всех этих многочисленных причин гибели. Здесь мы можем наперед констатировать, что всех этих причин в совокупности недостаточно, чтобы причинить пациенту действительную смерть. Напротив, несмотря на все свои недуги, он чувствовал себя со дня на день лучше как раз в те годы и десятилетия, когда марксистские ученые полагали, что слышат его последнее хрипение. Третья четверть 19 века была временем не упадка, а экономического и социального под'ема континентального и специально немецкого крестьянства".

Отголоски завязавшегося спора не могли не перенестись в царство земледелия—Россию и здесь, горячо подхваченные нашей литературой, создали то разделение на „сторонников крупного и мелкого хозяйства", которое до сих пор еще не изжито.

Ревизионисты, народники и вообще сторонники мелкого сельского хозяйства выдвигали и продолжают выдвигать ряд доводов в защиту своих позиций и так энергично ведут атаку против ортодоксального марксизма, что не только приобрели горячую симпатию со стороны массы русской интеллигенции, но даже смутили и такой далеко не поверхностный ум, как В. Зомберта. Последний пишет: [2]) „Как быть, если в хозяйственной жизни есть области, не подверженные процессу обобществления и именно по той причине, что здесь мелкое производство при известных обстоятельствах имеет большее значение, более производительно, чем крупное. В этом и заключается вся проблема, которая встала перед социал-демократией в виде аграрного вопроса". И дальше—„до сих пор, насколько мне известно, невозможность с какой-либо достоверностью установить, какая тенденция развития существует в сельском хозяйстве, какая форма производства в сельском хозяйстве является высшей и вообще является ли высшей определенная форма производства в данной области. Однако, насколько я могу судить, схема Маркса здесь неприменима; насколько я могу судить, ее нельзя перенести без дальнейших рассуждений в область сельского хозяйства. Он высказал важные соображения и относительно аграрного вопроса, но его теория, основанная на росте крупного производства, на пролетаризации масс, теория, которая выводит необходимость социализма из этого развития, несомненно лишь для промышленного. развития, но не для развития аграрного". Однако было бы большой ошибкой думать, что ортодоксальные марксисты не понимают своеобразных отличий земледелия от индустрии. Так Каутский в „Аграрном вопросе" говорит совершенно точно: „Несомненно, мы признаем это за доказанное,—сельское хозяйство не развивается по одному шаблону с индустрией. Оно следует собственным законам. Но этим еще отнюдь не сказано, что развитие сельского хозяйства представляет из себя противоположность развитию индустрии инесовместимо с ним".

Нам предстоит, очевидно, рассмотрение доводов защитников той и другой позиции, как ни скучно, быть может, вновь возвращаться к этому уже многолетнему, хотя все еще не законченному спору. Однако следующие две оговорки должны, как нам кажется, значительно упростить и сократить анализ. Обе оговорки носят методологический характер.

---

[1]) «Социализм и сельское хозяйство» стр. 17
[2]) «Социализм в XIX веке».

На первую из них указывает в цитированном нами сочинении Суханов. Он совершенно справедливо протестует против смешения *размеров* предприятия с их *социальной структурой*. „Крупное земледелие стало синонимом капиталистического, а мелкое—синонимом не капиталистического, крестьянского, трудового". „Между тем очень не трудно *понять*, что понятие *крупного и капиталистического хозяйства* так же, как и понятие *мелкого не капиталистического*—совершенно несоизмеримы между собой, лежат совершенно в различных плоскостях и принципиально не имеют между собой ничего общего. Понятие „крупное производство" может характеризовать только *размеры* производства, может говорить только о *технико-экономической* стороне его организации, совершенно независимо от социальных, правовых, исторических и прочих условий возникновения и развития крупного производства. Понятие же „капиталистическое производство" характеризует только те *социальные* условия, ту *социальную форму*, в которой протекает производственный процесс—совершенно независимо от его размеров. Производство, основанное на рабском труде, как бы оно ни было крупно, не есть производство капиталистическое, точно так же, как например, и кооперативное производство или обобществленное индустриальное производство в социалистическом строе".

Всецело соглашаясь с изложенными мыслями и стараясь в дальнейшем строго разделять эти две стороны вопроса, все же мы не можем приступить к анализу самой проблемы, не остановясь довольно подробно на второй методологической оговорке, которая сводится к следующему.

Прежде чем говорить о том, какое хозяйство, крупное или мелкое, обусловливает больший под'ем производительности сельско-хозяйственного труда, необходимо отчетливо договориться о том, что мы будем понимать под мелким и крупным сельско-хозяйственным предприятием.

Как это ни кажется странным, но в науке уделялось чрезвычайно мало внимания понятию *размеров* сельско-хозяйственного предприятия. При ближайшем знакомстве с литературой вопроса бросается в глаза то количество энергии, внимания, остроумия и интереса, какое проявлено многочисленными исследователями к вопросам о преимуществах и недостатках крупного и мелкого земледелия, о тех тенденциях, которые обнаруживаются в области эволюции каждой из этих форм и т. д., и в то же время то ничтожное внимание, которое уделялось вопросу об установлении самих признаков „крупности" и „мелкости" предприятия, короче говоря, масштабу его измерения.

Большинство авторов как бы считают этот вопрос решенным и нестоющим много внимания, между тем, как мы увидим дальше, в этой области царит настолько серьезная путаница, что это отражается на разрешении основной проблемы эволюции сельского хозяйства.

Небезинтересно отметить, что специально этому вопросу уделяли внимание старые экономисты, в то время как более поздние, если и останавливаются на нем, то дают скорее негативное, чем положительное определение, указывая, что размеры предприятия нельзя смешивать с размерами землевладения или с размерами сельско-хозяйственной культуры. Одним из первых писателей, уделивших внимание вопросу об определении крупного и мелкого сельско-хозяйственного предприятия, является Пасси, который, признавая непригодность деления только по размерам занимаемой хозяйством площади, устанавливает масштаб в виде отношения площади к количеству потребного рабочего инвентаря. Он предлагает считать мелким хозяйством такое, площадь которого не может занять всей работой одного плуга; при среднем хозяйстве поглощается работа от одного до двух плугов; в крупном — больше двух.

Другие признаки деления устанавливают Рау и Рошер. Они признают крупными хозяйствами такие, в которых суб'ект его занят исключительно управлением и не принимает никакого участия в непосредственной работе; в средних работа выполняется также наемными рабочими, но и сам суб'ект изредка принимает участие в этих работах; наконец мелкими признаются хозяйства, в которым суб'ект принимает деятельное участие во всей исполнительной работе и не пользуется наемным трудом.

В 1858 году Лаверн писал: „Иногда самой богатой является крупная собственность, иногда мелкая, иногда средняя, все зависит от обстоятельств. Лучшая организация земельной собственности есть та, которая привлекает к земле наибольшее количество капиталов, потому ли, что держатели земли будут наиболее богаты сравнительно с площадью земли, находящейся в их распоряжении, потому ли, что они наклонны затрачивать большую часть своего дохода". Если предположить, что автор понимает под „богатой земельной собственностью" более крупное предприятие, а мы имеем все основания сделать такое предположение, то очевидно, что и этот старинный исследователь стремится определить размеры предприятия не столько размерами земельной собственности, сколько размерами влеженных в нее капиталов, хотя мысль эта выражена автором и недостаточно ясно.

Другой автор—Готти утверждает, что „во всех своих различных формах крупная земледельческая эксплоатация опирается, таким образом, на один и тот же экономический принцип: она представляет нам всегда владельца земли, арендатора или группу акционеров, применяющих капитал (скот, машины, удобрения, гидравлические сооружения, наемный труд и т. п) на земле, составленной из одного имения или из собрания нескольких". Ту же мысль мы находим и у Крживитского.

Недопустимость смешения размеров земельной площади с размерами хозяйства особенно ярко подчеркнул Ленин в своих многочисленных статьях, направленных против ревизионистов и народников. Уже в 1900 году в своей статье: „Капитализм в сельском хозяйстве" Ленин, говоря о цифрах, приводимых ревизионистами в качестве доказательств гибели крупного земледелия, делает следующее замечание: „Надо же разобрать, говорит он, что именно доказывают цифры. Они доказывают только то, что *они прямо говорят*. Прямо говорят цифры не о размерах производства, а о площади хозяйства". „Уменьшение площади хозяйства, продолжает он, во всех этих случаях ведет обыкновенно к увеличению (с единицы земли) количества продукта, часто к увеличению числа занятых рабочих, т.-е. к фактическому увеличению размеров производства".

В 1913 году Лениным была написана работа „Новые данные о законах развития капитализма в земледелии". Здесь автор подвергает анализу данные статистических цензов в Соед. Штатах и приходит к выводам, имеющим большое методологическое значение для интересующего нас вопроса. Заканчивая VII-ю главу, Ленин говорит: „В живой действительности, следовательно, бывают случаи, когда громадное *уменьшение* количества земли под фермой связано с громадным *увеличением* расходов на искусственные удобрения, так что „мелкое" производство, — если продолжать по рутине считать его мелким по размеру земельной площади, оказывается „крупным" по количеству капитала, вкладываемого в землю. Такие случаи не единичны, а типичны для всякой страны, в которой происходит смена экстенсивного земледелия интенсивным". „Район самых *мелких*, по количеству земли, ферм опять-таки оказывается районом самых *крупных* применений капитала в виде машин".

Наконец в II-й главе Ленин говорит: „Ясно, что о размерах хозяйства количество земли не дает никакого представления, если земля не обрабаты-

вается.....“ „не дает никакого верного представления, если между отдельными хозяйствами имеются в значительном числе случаев и существенное различие в приемах обработки земли, в интенсивности земледелия в системах полеводства, в размерах удобрения, в применении машин, в характере скотоводства и т. д.“. „Главная линия развития капиталистического земледелия состоит именно в том, что мелкое хозяйство, оставаясь мелким по площади земли, превращается в крупное по размерам производства, по развитию скотоводства, по размерам удобрения, по развитию применения машин и т. п.“.

Говоря о причинах ошибочного взгляда на эволюцию земледелия, Ленин указывает, как на один из важнейших источников, на „некритическое, рутинное отношение к избитым приемам—сравнивать хозяйства только по количеству всей земли или обрабатываемой земли в них“.

Несмотря однако на эти весьма ценные методологические указания, большинство авторов продолжает, не разбираясь в этом вопросе, приводить в качестве доказательства роста того или иного размера хозяйства статистические цифры, говорящие о размерах земельной площади. Этим особенно грешат наши русские исследователи аграрных отношений, но далеко не безгрешны и заграничные авторы.

В доказательство своей неголословности приведу несколько выдержек. На странице 131 своего „Аграрного вопроса“ Каутский говорит: „В Германии из 5558,317 сельско-хозяйственных предприятий только 306,828 обладали больше, чем 20-ю гектарами, и лишь 25061—больше чем 100. Сельско-хозяйственные предприятия в громадном большинстве случаев так малы, что не в состоянии применять даже конный плуг, не говоря уже о машинах“. На странице 132 того же сочинения автор приводит данные о распространении сельско-хозяйственных машин в Германии и разбивает „сельско-хозяйственные предприятия на классы по их величине“, при чем относит к первому классу предприятия, владеющие площадью земли меньше 2-х гектаров, ко второму—от 2-х до 5-ти, к 3-му—от 5—20 и т. д. А для того, чтобы не было сомнения, что здесь все же говорится о размерах предприятия, автор утверждает в качестве вывода, что „в крупном производстве машины имеют повсюду несравненно большее применение. В мелком производстве машины почти не применяются, за исключением молотилок“.

Такие промахи Каутского особенно обидны, так как он является одним из немногих авторов, теоретически точно устанавливающих разницу между размерами земельной площади и хозяйства. Так он говорит, например: «Маленькое имение при интенсивном хозяйстве может быть более крупным производством, чем большое при экстенсивном хозяйстве». „Статистика, дающая нам сведения только о площади хозяйства, не говорит ровно ничего по вопросу о том, основывается ли уменьшение площади хозяйства на действительном уменьшении размеров хозяйства или же на интенсификации хозяйства“.

Однако, несмотря на эти правильные теоретические замечания, Каутский при группировке хозяйств по размерам, производит эту группировку по размерам площади.

А Скворцов[1]) говорит: «С повышением интенсивности в известном направлении обнаруживается и другое неудобство крупных хозяйств, в некоторой степени прямо обусловливаемое их крупностью, именно значительность расстояния полей от усадьбы».

А вот что мы читаем у Огановского:[2]) «Интенсификация производства, как мы показали, неразрывно связана с сокращением территории каждого

[1]) «Основы экономики земледелия», стр. 249.
[2]) «Закономерность аграрной эволюции», том 2-й, стр. 581,586 и 608.

отдельного хозяйства. Отсюда всякое крупное хозяйство при прочих равных условиях должно быть экстенсивнее мелкого, прежде всего потому, что большая экстенсивность уменьшает непроизводительные издержки по транспорту тяжести и вообще по передвижениям рабочих на площади». Далее автор утверждает, что «статистические данные устанавливают факт дробления хозяйств под влиянием возрастающей плотности земледельческого населения» и, приведя эти статистические данные, устанавливает «средний размер хозяйств в гектарах».

Еще дальше Огановский утверждает, что «крупное капиталистическое хозяйство менее всякого другого способно к интенсификации, во-первых, вследствие своей большой протяженности». И подводя итоги своим размышлениям, автор на странице 613 говорит: «Два крайних полюса экономической группировки—крупно-капиталистические и мелко-крестьянские (парцельные) хозяйства являются неустойчивыми: первые вследствие слабых запасов труда и капитала на единицу площади и в силу экстенсивности своего производства; вторые—от перенасыщения трудом и капиталом, не находящим продуктивного применения на ничтожных участках».

Достаточно и этих цитат, чтобы убедиться в том, что Огановский считает крупным сельско-хозяйственным предприятием такое, которое обладает большей земельной площадью, и мелким—обладающее меньшей площадью. К сожалению, на протяжении всех 3-х томов своего капитального труда автор ни разу не задался вопросом о масштабе для измерения предприятий вообще и сельско-хозяйственных в частности.

В целях экономии места я не буду останавливаться на других, не менее показательных, выдержках из работ различных авторов. Очевидно, наука стоит перед неотложной задачей дать точное определение размеров сельско-хозяйственного предприятия. Без выполнения этой существенно важной задачи должны оказаться бесплодными все споры о законах сельско-хозяйственной эволюции: если каждый автор по своему понимает крупное и мелкое предприятие, то ясно, что и выводы о судьбе того и другого будут у каждого различны. Нельзя говорить об эволюции того или иного явления, не условившись предварительно о признаках, совокупность которых составляет само это явление.

Под предприятием вообще экономическая наука понимает такую хозяйственную организацию, которая, преследуя частно-хозяйственные цели, достигает их при посредстве обмена. Такое определение универсально в том смысле, что обнимает все существенные признаки понятия, в какой бы отрасли народного хозяйства ни функционировало отдельное предприятие. Совершенно безразлично, действует ли данная хозяйственная организация в области торговли, промышленности добывающей или обрабатывающей, транспорта, сельского хозяйства, кредита и т. д.; она будет представлять из себя предприятие, если отвечает указанным признакам. Если, таким образом, в определении предприятия не играет никакой роли отрасль народного хозяйства, то, очевидно, и понятие размера предприятия должно покоиться на признаке, независимо от сферы деятельности предприятия. Короче говоря, этот признак должен быть налицо во всех предприятиях, в какой бы области ни протекала их деятельность.

Мы должны, таким образом, найти признак или ряд признаков, которые удовлетворяли бы следующим двум требованиям: 1) они должны иметь место во всех предприятиях в качестве необходимой составной части последних, и 2) они должны обладать свойством измеряемости. Под крупным предприятием мы будем понимать такое, где величина таких признаков больше.

Касаясь этого вопроса, Филиппович [1]) утверждает, во-первых, что нельзя ограничиваться каким-либо одним признаком, а необходимо „обращать внимание на целый ряд признаков, которые касаются величины капитала, положения предприятия в хозяйственном об'еме, на хозяйственную и техническую организацию производства и на положение хозяйственного руководителя и его вспомогательных сил," а во-вторых, что „понятие о большом предприятии для различных родов производства различно", а поэтому производимые им признаки (речь о которых ниже), „приходится немного видоизменять, если дело идет о крупном и мелком предприятии в торговле или в сельском хозяйстве. В торговле машинная техника не играет никакой роли, в сельском хозяйстве — не такую, как в промышленности. И интенсивность труда в сельском хозяйстве должна быть не на стороне крупного производства, так как в крупном производстве, напротив, часто ведется именно экстенсивное хозяйство, а мелкое производство как раз превосходит крупное особенной напряженностью работы".

С первым положением Филипповича нельзя не согласиться. Правда, ниже мы устанавливаем только один признак, по которому можно судить о размерах предприятия, но нет никаких оснований принципиально не допускать наличия ряда таких признаков. Со вторым положением почтенного ученого согласиться никак нельзя, ибо оно методологически абсолютно неверно. Если мы говорим о *размерах*, то очевидно установить их мы можем только путем *измерения* каких-то признаков, *общих обоим сопоставляемым явлениям*. Как не можем мы судить о том, какое из двух зданий выше, если в одном измеряем высоту стен, а в другом — кубатуру, так не можем мы утверждать, какое предприятие больше, если в одном измеряется силовая установка, а в другом количество рабочих.

Но возможно, что Филиппович прав, думая, что для установления и сравнения между собой размеров фабричных предприятий, нужно измерять одни признаки, сельско-хозяйственных предприятий — другие, торговых — третьих и т. д.

Однако, поскольку понятие предприятия заключает в себе признаки независимо от сферы действия, постольку среди этих признаков могут быть найдены такие, которые удовлетворяли бы установленным нами выше общим для всех отраслей народного хозяйства требованиям.

Под хозяйством понимается сумма ценностей, об'единенных в одно целое и подвергающихся воздействию со стороны суб'екта хозяйства и исполнителей для достижения известных экономических целей. Предприятие есть один из видов хозяйства, заключающий в себе все свойства общего и имеющий, кроме того, свои специфические отличия от других форм хозяйственных организаций. Заменяя в приведенном выше определении предприятия—термин „хозяйственная организация" только что указанным определением хозяйства, имеем следующее определение предприятия: сумма ценностей, об'единенных в одно целое и подвергающихся воздействию со стороны людей для достижения частно-хозяйственных целей при посредстве обмена, является предприятием.

В этом определении мы имеем следующие признаки: 1) об'единение ценностей под управлением суб'екта предприятия, 2) воздействие со стороны людей, 3) стремление к достижению частно-хозяйственных целей и 4) участие в обмене. Без хотя бы одного из этих признаков хозяйственная организация не может считаться предприятием; поэтому каждый из этих признаков всегда имеется налицо в любом предприятии. Это отвечает выше установленному

[1]) «Основания политической экономии», стр. 167.

нами первому требованию. Второе требование, которому должен отвечать признак размеров предприятия, сводится к его способности быть измеряемым. Какие же из 4-х перечисленных признаков отвечают этому требованию?

Очевидно, признак 3-й—стремление к достижению частно-хозяйственных целей—не поддается измерению. Остальные три могут измеряться. Количество об единенных ценностей может быть больше или меньше, размеры прилагаемой рабочей силы и, наконец, размеры оборотов предприятия—все эти признаки могут изменяться. Суханов в «Очерках по сельско-хозяйственной экономии», говоря о размерах предприятий, считает наиболее подходящим признаком „количество занятых в них рабочих; размеры хозяйства, как известно, могут определяться и другими признаками — размерами основного капитала (или земельной площади), суммой годового производства и т. д.; количество занятых рабочих надо предпочесть, как конкретный, легко уловимый признак, который в значительной степени а в связи с техникой вполне) может определить и сумму производства".

Не говоря уже о недопустимом смешении размеров основного капитала с размерами земельной площади, Суханов предлагает признак, который, правда, легко уловим, но ничего не дает, так как производственное и экономическое значение отдельного рабочего зависит от орудий производства, которыми пользуется. А измерить количественно и рабочих и орудия производства можно только путем перевода и того и другого в ценностное выражение.

Поэтому мы настаиваем на производном характере второго и четвертого признаков, так как и размеры воздействия на сумму ценностей и размеры участия предприятия в обмене зависят в конечном счете *от количества об'единенных в предприятии ценностей* Этот признак, очевидно, и должен быть принят нами в качестве определителя размеров предприятия.

Есть ли какое-нибудь отличие в этом отношении между предприятием вообще и предприятием сельско-хозяйственным? Очевидно, разницы нет никакой. Чем больше ценность мертвого и живого инвентаря, семян, машин, удобрений, чем больше вкладывается в предприятие труда, чем наконец выше ценность земли, благодаря ли своему качеству или местоположению относительно рынка и т. д., тем больше размеры хозяйства, хотя площадь землепользования может быть при этом и меньше.

В нас еще глубоко сидят корни той психики, которая была свойственна эпохе широко-экстенсивного хозяйства, когда при господстве однообразной системы использования почвы и при одинаковых размерах затрат на ее единицу, внешним признаком увеличения хозяйства было увеличение его земельной площади.

Теперь, при сокращении земельного простора и при создавшейся отсюда необходимости использования каждого аршина земли, производительная полезность последней чрезвычайно возрастает; этот рост связан с вкладываемым в землю трудом и средствами производства. Отсюда чрезвычайно существенная разница ценности земли отдельных индивидуальных хозяйств. Эта индивидуальная разница еще больше усугубляется развитием рыночности хозяйства и связанной с этим разницей экономического расстояния от рынка.

Словом, совокупность завязанных в хозяйстве ценностей, т.-е. его размеры, никоим образом не выражается размерами земельной площади. Величайшая заслуга в этом отношении В. И. Ленина, совершенно ясно указавшего, что о размерах хозяйства количество земли не дает никакого представления.

Отнюдь не следует думать, что при таком ценностном масштабе понятия «размеры хозяйства» и «интенсивная система» делаются понятиями одно

значащими. Не трудно убедиться в разнице между ними. Действительно, всякое интенсифицирование хозяйства является увеличением его размеров так как при этом увеличивается количество вложенных в него ценностей.

Наш взгляд на этот вопрос радикально расходится с тем, который был высказан Давидом и его последователями, утверждавшими, что именно интенсификация и является причиной разложения крупного хозяйства и укрепления мелкого. Не трудно убедиться, что этот взгляд коренится все на том же смешении размеров хозяйства с размерами земельной площади. В действительности же всякое новое вложение капитала на прежнюю площадь. т. е. интенсификация хозяйства, является увеличением его ценности, его размеров. Эта мысль особенно резко выражена Лениным: «именно здесь один из коренных источников всех злоключений буржуазной (в том числе народнической и оппортунистической) экономии по вопросу о мелком «трудовом» земледелии. Забывают ту «мелочь», что в силу механических особенностей земледелия процесс интенсификации его очень часто ведет к увеличению размеров хозяйства, к росту производства и капитализма при уменьшении среднего количества обрабатываемой земли в хозяйстве».

Но, если таким образом мы можем считать хозяйством большим такое которое при одинаковых размерах имеет более интенсивную систему, то это еще далеко не значит, что хозяйство с большей площадью, но с экстенсивной системой, будет меньше. Поясним это примером.

Хозяйство в 50 десятин имеет землю такого качества, что ценность капитала земли составляет 10.000 рублей; размеры вложенного капитала равняются 5.000 рублей. Это хозяйство больше другого, которое в такие же 50 десятин вкладывает не 5.000 рублей, а 4.000, что понижает ценность земли. хотя бы, например, до 7 000 рублей. Таким образом, в первом хозяйстве заложено ценностей на 15.000 рублей, а во втором — на 11.000 рублей, т.-е. второе оказывается меньших размеров. Но первое хозяйство, в свою очередь, окажется меньше третьего, которое имеет 150 десятин ценностью в 15.000 рублей и вкладывает в производство всего 2.000 рублей, так как величина всего этого хозяйства равна 17 000. Однако первое хозяйство оказывается самым интенсивным, второе более экстенсивным и третье совсем экстенсивным, так как первое заграчивает на десятину 100 руб., второе — 80 рублей и третье — 13 руб. 30 коп.

Только неясное представление о том, что размеры предприятия являются размерами его ценности, а не квадратуры, позволяет с легким сердцем считать хозяйство в 300 десятин большим, чем хозяйство в 200. Почему можно измерять размеры сельско-хозяйственного предприятия количеством земельной площади, т.-е. чисто физическим признаком и нельзя этого делать по отношению к промышленным предприятиям? Никому в голову не придет серьезно считать кубатуру здания в качестве масштаба для измерения размеров помещенной в нем фабрики.

Вопрос настолько серьезен, что, рискуя злоупотребить вниманием читателя, я позволю себе привести еще пример для лучшего уяснения нашей основной мысли.

Представим себе два хозяйства, из которых первое имеет площадь в 100 десятин, ежегодно поглощает 1.000 рублей оборотного капитала, имеет основной капитал, приложенный к земле в 5 000 рублей и получает чистого дохода 600 рублей. Второе хозяйство обладает площадью в 50 десятин, основным капиталом 8.000 рублей, производит ежегодные затраты оборотного капитала 1.500 рублей и получает чистого дохода 750 рублей.

Если считать вместе с фон-дер-Гольцем нормальными 6% на оборотный капитал 9%, на основной — 6%, а ренту равной 4%, то получим, в первом хозяйстве:

1) Доход на основной капитал = 300 рублям.
2) Доход на оборотный капитал = 90 руб.
3) Рента = 210 руб.
4) Капитал земли = капитализированной из 4% ренте, т.-е. = 5.150 руб.
5) Весь капитал хозяйства = 5.150 + 5.000 + 1.000, т.-е. 11.150 руб.

Во втором хозяйстве:

1) Доход на основной капитал = 480 руб.
2) Доход на оборотный капитал = 135 руб.
3) Рента = 135 руб.
4) Капитал земли = 3.375 руб.
5) Весь капитал хозяйства равен 8.000 + 1.500 + 3.375, т.-е. 12.875 руб.

Во втором хозяйстве мы имеем площадь, меньшую на 50%, чем в первом, размеры капитала большие на 15%. Можно ли после этого утверждать, что первое хозяйство вдвое больше второго? Очевидно в этом примере логика и все наши предыдущие рассуждения заставляют считать второе хозяйство немного большим, чем первое.

Таким образом, Ляверн, Гатти, Кржевицкий и в особенности Ленин совершенно правы. Не чужда доля истины воззрениям на этот предмет Пасси, Рау и Рошера. Первый, опираясь на отношение количества инвентаря к площади земли, в сущности, может быть, бессознательно базировался на ценности земли, находящейся в связи с той энергией, которая затрачивается на эту землю в виде инвентаря

Что касается формы участия суб'екта предприятия, каковой признак выдвигается Рау и Рошером, то ясно, что эта форма зависит всецело от размеров капитала. Однако, далеко не всегда та или иная форма участия связана с определенными размерами предприятия. Правда, если перед нами суб'ект хозяйства, только руководящий и организующий его и не несущий никаких исполнительных функций, то мы вправе отнести это предприятие к крупным. Но отсюда отнюдь не следует, что во всяком крупном предприятии суб'ект ограничивается только такой ролью; ярким опровержением этого может служить кооперативная организация, где при наличии большого размера хозяйства суб'ект его, т.-е все члены кооператива, принимает участие в непосредственной работе.

Но если эти старинные авторы и не указали основного признака, то они хоть приближались к нему, чего никак нельзя сказать о тех, кто «не мудрствуя лукаво», измеряет размеры предприятия десятинами и квадратными саженями, не задаваясь вопросом; может ли ценность измеряться этими мерами.

Что касается признаков, выставляемых Филипповичем, то не трудно убедиться, что каждый из них является производным от первого — размеров капитала. Так, сбыт на широком рынке, обособление функций управления, особая подготовка персонала, разделение труда, разница в социальном положении предпринимателей и рабочих, — все это результат одного основного момента — размеров капитала. С таким же правом Филиппович мог бы присоединить сюда еще безконечный ряд других признаков: например, разницу в уровне потребностей предпринимателя и рабочих, применение электрической энергии, количество получаемой и отправляемой корреспонденции и т. д. до безконечности.

Производительность труда в крупном и мелком хозяйстве.

Подходя к проблеме эволюции сельского хозяйства с точки зрения установленного нами понятия размеров предприятия, убеждаемся в том, что уязвимыми местами защитников крупного хозяйства являются те, которые говорят не о размерах предприятий, а о размерах земельной площади. Что же касается защитников мелкого земледелия, то их наиболее серьезные нападки на крупные предприятия в большинстве случаев оказываются направленными на крупную земельную площадь, а нарекания на крупное хозяйство не выдерживают критики

Действительно, возобновим в памяти уже достаточно надоевшие всем доводы „за“ и „против“.

Остановимся сначала на более второстепенных положениях.

Известно, что в индустрии крупная форма получила перевес в борьбе с мелкой, между прочим, благодаря качеству выпускаемых на рынок товаров. Победа в рыночной конкуренции не могла не склониться на сторону лучшего товара, каковой поставлялся именно крупной фабрикой, а не ремесленной мастерской. „В сельском хозяйстве, говорит А. И. Чупров, [1]) такой разницы в изготовляемых продуктах, можно сказать, не существует“, „крупная форма производства в сельском хозяйстве не обусловливает собой, по существу, высшего качества продуктов, какое мы видим в индустрии“.

Таким образом, качество продуктов в сельском хозяйстве не зависит от размеров производства в противоположность индустрии, где очевидно, по мысли А. И. Чупрова, лучшее качество может быть обеспечено крупной фабрикой легче, чем кустарной избой. Мы же утверждаем, что и в сельском хозяйстве крупное предприятие (но не крупная земельная площадь) может также скорее обеспечить высокое качество продукта, так как именно здесь можно найти и усовершенствованное орудие и лучшие семена и т. д.; оно может выпускать на рынок лучшее масло, более чистое и однородное зерно, лучше выделанный и сортированный лен и т. д,

Далее А. И. Чупров указывает на весьма малую втянутость мелкого хозяйства в меновой оборот и в этом, с его точки зрения, заключается большое преимущество, так как такое хозяйство легче переносит тяжелые последствия кризисов и депрессий. „Крестьянское хозяйство, говорит он, гораздо меньше зависит от рынка, нежели крупно-владельческое, потому что большая доля его продуктов потребляется дома“.—Иными словами, преимущество мелкого хозяйства—в его натуральности, изолированности. Сохраняется ли этот характер в процессе экономического развития мы разбираем дальше при анализе взгляда на этот вопрос Н. Огановского. Здесь укажу лишь на следующее: нельзя говорить о преимуществе, вытекающем из натуральности, в то время, как вопрос ставится о преимуществах именно в борьбе, т.-е. в конкуренции на рынке. Как можно говорить о победе мелкого хозяйства в борьбе с крупным, которое дается первому благодаря тому, что оно не участвует в борьбе? Очевидно, этот довод является простым недоразумением.

Переходим к другому стороннику мелкого хозяйства—Э. Давиду.

Между прочим еще Каутский в своем „Аграрном вопросе“ приводил в защиту крупного хозяйства тот довод что здесь имеет место экономия в расходах на постройки, сооружения, продовольствие рабочих, отопление,

[1]) «Мелкое земледелие и его основные нужды».

освещение и проч. Вряд ли что-либо можно возразить против этой очевидной истины, заставляющей даже Давида признать, что „нельзя отрицать этой об'ективной выгоды производства в крупном масштабе".

Но и на солнце имеются пятна! Эти выгоды, по мнению Давида [1]) сводятся к нулю расточением средств производства благодаря слабости контроля над наемными рабочими в крупном хозяйстве. Что касается экономии специально на постройках и инвентаре, то Давид возражает, что скотный двор крупных размеров даже не выгоден в силу того, что „с увеличивающимся числом животных опасность заражения для каждого отдельного экземпляра растет в геометрической прогрессии". Кроме того эта экономия уничтожается еще и тем, что в крупном хозяйстве постройки производятся при участии посредников в лице инженеров, подрядчиков и т. д., в мелком же хозяйстве сам хозяин принимает в них участие, и, следовательно, устраняет всякие хищения, и постройки здесь обходятся дешевле. Наконец Давид указывает на сбережения инвентаря в мелком хозяйстве. Правда, автор признает, что „имение в 250 гектаров не требует в 50 раз больше плугов, борон, повозок, утвари, упряжи, чем имение в 5 гектаров; оно обходится значительно меньшим увеличением этого мертвого инвентаря. И, конечно, нельзя отрицать этого преимущества, возникшего из простой кооперации в крупных размерах". Однако, по мнению автора, это преимущество сводится также к нулю благодаря более усиленному снашиванию орудий в крупном хозяйстве. А это снашивание в свою очередь об'ясняется все тем же отсутствием личной заинтересованности у наемного рабочего.

В качестве примера такого быстрого снашивания Давид приводит указания Аугагена, который утверждает, что собственник более крупного имения пользуется своими повозками 10—12 лет в то время, как „мелкий собственник уже 22 года не покупал новой повозки, он не может даже припомнить, чтобы отец его, хозяйничавший более 30 лет, купил когда-нибудь повозку".

Итак, главное зло заключается в необходимости контроля за наемными рабочими и в слабости этого контроля в крупном предприятии. Прежде всего необходимо заметить, на что указывает и Суханов [2]), что наличие наемного труда есть признак социальной структуры, но вовсе не размеров предприятия. Ясно, что этот довод совершенно не применим, например, по отношению крупной земледельческой артели, где нет наемного труда. В силу того, что в капиталистических условиях крупные размеры предприятия, как правило, соединяются с капиталистической структурой, ошибка Давида делается понятной, но далеко не простительной.

Но почему в крупном капиталистическом сельско-хозяйственном предприятии контроль должен быть более слабый? Почему рабочий на фабрике не ускользает от контроля, а в земледелии он, с точки зрения Давида, неизбежно уходит из хозяйского глаза? Все это кажется Давиду ясным только потому, что он имеет в виду не крупное предприятие, а крупную земельную площадь, где, по его выражению, отдельные группы рабочих „теряются в беспредельной дали и необозримости". Если же сравнить два предприятия не по размерам площади, а по размерам капиталов, то ясно, что более крупное в состоянии поставить рабочего в такие выгодные условия оплаты труда, что быть может не будет никакой надобности и в самом контроле, а если контроль и нужен будет, то он будет чрезвычайно прост на небольшой площади.

---

[1]) «Социализм и сельское хозяйство», стр. 67.
[2]) «К вопросу об эволюции сельск[illegible] хозяйства».

Соображения Давида о непосредственном участии мелкого хозяина в постройках не выдерживают критики: как крупный так и мелкий хозяин (если только он хороший хозяин) обязан наблюдать за работами но технику дела ему лучше предоставить специалисту архитектору, услугами которого может пользоваться именно крупное, а не мелкое хозяйство.

Между прочим Давид, ссылаясь на авторитет Аугагена, утверждает, что мелкие недочеты в постройках крестьянин исправляет сейчас же, как только заметит их. Крупный же помещик даже при мелких починках должен обращаться к специалисту. „Так как это доставляет ему большие хлопоты и невсегда кажется выгодно, то он предпочитает ждать, пока потребуется более крупная починка". На это приходится лишь заметить, что оба почтенные ученые, как Давид так и Аугаген, противопоставляют не крупного хозяина мелкому, а плохого—хорошему. Плохой, а не крупный, будет ждать пока небольшое повреждение превратится в значительное.

Опасение же большей заболеваемости скота при наличии крупного скотного двора явно наивно. Во-первых, сельско-хозяйственные постройки не ограничиваются одними скотными дворами; а с большими размерами машинных сараев, погреобов, амбаров и т. д. не связана опасность заражения, да еще в геометрической прогрессии. А во-вторых, возникает вопрос: чем об'яснить большую заболеваемость крестьянского скота сравнительно с помещичьим, как не тем, что, несмотря на изолированность скота в мелком хозяйстве, условия, в которых находятся животные, предрасполагают к заболеванию. В мелком хозяйстве нет средств для того, чтобы создать хороший хотя бы и небольшой скотный двор, в крупном хозяйстве эти возможности есть, но далеко не всегда они имеются в крупно-земельном хозяйстве, которое может соединить в одном большом, но плохом скотном дворе большое количество скота и действительно создать условия, благоприятные для заражения и заболеваний.

Наконец последнее возражение Давида о наличии большего сбережения инвентаря в мелком хозяйстве, чем в крупном Как известно мертвый инвентарь требует ежегодно весьма солидного ремонта. „Часто, говорит фон-дер-Гольц [1]), в продолжение года ремонт многих орудий и вещей бывает настолько значителен, что в конце-концов трудно указать какую-нибудь часть их, оставшуюся от первоначального состава". Приходится допустить, что приводимый Аугагеном примерный хозяин через 22 года имел фактически не старую, а новую и, может-быть, не вторую, а даже третью повозку. Благодаря тому, что эта третья повозка создалась путем постепенного ремонта первой, то, очевидно, она по своей конструкции осталась такой же, какой была 22 года тому назад; между тем крупный собственник за это время смог купить тоже, третью, но новую и более совершенную по конструкции повозку. Так как такое заключение применимо по отношению ко всему составу мертвого инвентаря, то надо полагать, что „преимущество" мелкого хозяйства в смысле более медленного снашивания орудий—лишь кажущееся, лишь доказывающее отсталость и рутинность техники в мелком хозяйстве. Но самое главное в том, что Давид сравнивает не крупное хозяйство с мелким, а опять крупно-земельные с мелко-земельными При этом оказывается, что большее изнашивание инвентаря в крупном хозяйстве, если действительно и имеет место, то только благодаря тому, что иногда крупное хозяйство связано с крупно-земельной площадью, лишающей хозяина возможности надзора за рабочими. Если же сопоставить мелкое хозяйство, с его незначительным и несовершенным инвентарем, с усовершенствованным техническим и богатым

[1]) «Сельско-хозяйственная таксация», стр. 173.

крупным хозяйством, то станет ясным, что крупное хозяйство дает больше экономии, так как отношение дохода к расходам от применения инвентаря более выгодное при пользовании совершенным инвентарем. Таким образом, единственное серьезное возражение Давида—слабость контроля за рабочими—направлена, во-первых, против известной специальной формы предприятия, а не против его размеров, и, во-вторых, имеет в виду размеры не предприятия, а его земельной площади.

Все же остальные соображения не выдерживают критики и таким образом первое положение сторонников крупного сельско-хозяйственного предприятия, говорящее об экономии в расходах, остается неопровергнутым.

Одним из существеннейших возражений Давида, направленных против крупного хозяйства, является незначительное применение машин в сельском хозяйстве. Давид вместе со своими последователями рассуждают примерно так: машина революционизировала индустрию, где она связана с крупным предприятием; это и дало победу последнему; в сельском хозяйстве машина играет второстепенную роль в силу специфических свойств сельского хозяйства: здесь революционное значение имеет не механический, а индивидуальный труд. В виду этого в сельском хозяйстве необходимо ждать победы не крупного хозяйства, связанного с машинами, а мелкого, связанного с ручным, индивидуализированным трудом.

В начале настоящей работы мы уже подробно остановились на вопросе о значении машин в сельском хозяйстве и пришли к выводу весьма солидных размерах этого значения. В настоящем месте нам приходится остановиться на вопросе не о значении машин в сельском хозяйстве, а на том, крупное или мелкое хозяйство имеет больше шансов механизировать свой труд при данном значении машин в земледелии.

Вопросу о роли и значении машин в сельском хозяйстве литература, как русская, так и иностранная, уделяла большое внимание. За последнее время к проблеме размеров предприятия в связи с применением машин из русских авторов вплотную подошли А. Чаянов и И. Лопатин, [1]) которые, исходя из нормальной производительности каждого вида машин, их рыночной стоимости, затрат по их эксплоатации, пришли к заключению, что по отношению к каждой машине существует минимальный предел земельной площади, при котором применение этого рода машин рационально. Если земельная площадь, на которой применяется машина, меньше этого предела, то оказывается более дешевой ручная работа.

На это приходится заметить, что в виду развития техники машиностроения, машины усовершенствуются, а это поднимает их производительность. Кроме того, рост промышленности понижает стоимость этих машин. В силу этого, очевидно, размеры минимальной площади должны понижаться, но понижение это не может дойти до нуля, ибо тогда исчезает само хозяйство, которое не может быть без земли. Ясно, что применение сельскохозяйственных машин подразумевает пользование известной площадью и, следовательно, должен быть какой-то минимум этой площади, доход с которой настолько минимален, что не окупает стоимости эксплоатации машин. Но установить твердо этот минимум нельзя в виду изменения стоимости машин. Поэтому значение имеет только тот общий и расплывчатый вывод Чаянова и Лопатина, что смысл применения машин возрастает по мере роста эксплоатируемой территории.

Но авторы задались целью показать *те размеры предприятия,* при которых пользование машинами является более рациональным. А здесь они

[1]) Сборник „Оптимальные размеры сельско-хозяйственного предприятия".

ничего не доказали, так как базировались на обычном смешении размеров предприятия с размерами земельной площади.

Вопрос должен быть поставлен так: при большей или меньшей сумме заложенных в хозяйстве ценностей имеет больше шансов применение сельско-хозяйственных машин.

Постараемся ответить на этот вопрос.

Чаянов и Лопатин не различают довольно существенной разницы между машинами, применение которых связано только с размерами площади, и машинами, работы которых зависят не только от этой площади, но и от размеров урожая. К первой группе должны быть отнесены все машины по обработке почвы и сбору урожая, ко второй—по переработке этого урожая, т.-е. молотилки, веялки и проч.

При расчете стоимости работы машины различаются две части расходов: расходы, связанные с работой машины, и такие расходы, которые производятся независимо от того, работает ли машина или нет. К последним относится $^0/_0$ на капитал и $^0/_0$ на амортизацию; в первую группу входят расходы на смазку, тягу, труд при машине, топливо и т. д.

Известно, что расходы, связанные с работой машины, меньше расходов на работу, производимую вручную: ведь если бы машина брала столько же расходов по своей эксплоатации, сколько берет и ручной труд, то какой был бы смысл ее введения?

Поэтому весь вопрос сводится к тому, насколько уменьшатся на единицу продукта $^0/_0$ на капитал и $^0/_0$ на амортизацию. Очевидно, при молотилке они будут тем меньше, чем больше проходит урожая через нее в течение года. Работа ее будет выгоднее, если она пропустит 10 тысяч пудов, чем если бы она пропустила 5 тысяч пудов. Но 10 тысяч пудов могут получиться со 100 десятин при урожае в 100 пудов с десятины, а 5000 пудов—со 166 десятин при урожае в 30 пудов с десятины. По Чаянову же выходит, что во втором случае применение молотилки выгоднее, чем в первом.

Причина такого прискорбного недоразумения все та же—смешение площади с размерами хозяйства. Чаянову десятина представляется масштабом измерения хозяйства. Мы же предпочитаем делать расчеты на единицу продуктов, так как размеры всего урожая зависят не только от размеров площади, но и от ее качества, связанного с природными данными и с затраченным на нее капиталом. Я хочу сказать этим, что мы скорее разрешим вопрос об „оптимальных размерах предприятия", если стоимость машин по переработке урожая будем высчитывать относительно единицы не площади, а урожая.

Как обстоит дело с машинами, работа которых технически связана с размером площади? Неоспоримо, что работа машин такого рода тем выгоднее, чем больше площадь, ими обслуживаемая. Установив такой факт, Чаянов и Лопатин имеют полное право успокоиться, и считать задачу решенной, так как для них размеры площади—синоним размеров предприятия. Нам же приходится ставить дополнительный вопрос: изменяется ли выгодность применения машин, если несмотря на увеличение землепользования, не происходит увеличения размеров хозяйства или же происходит даже уменьшение его?

Согласно тем формулам, которые приведены в работах Чаянова, стоимость косьбы косилкой одной десятины луга в 35 десятин равняется 1 руб. 80 коп. Для ручного скоса одной десятины необходимы 3 косца по 1 руб. за день работы, что составляет 3 руб. Таким образом, при размерах луга в 35 десятин машинная косьба обойдется в 63 руб., при ручной—105 руб.

Если наш луг благодаря большим затратам на его культуру дает урожай в 200 пудов сена с десятины, а всего 8.750 пуд, то скос одного пуда

сена обойдется при машинной работе в 0,72 коп., при ручной—1.20 коп. В соседнем хозяйстве имеется луг в 70 десятин, но в силу ничтожных размеров затрачиваемого капитала и благодаря плохому качеству почвы этот луг дает по 50 пуд. сена с десятины, а всего 3 500 пуд. Согласно формуле Чаянова скос одной десятины луга в 70 десятин стоит 1 р. 40 коп., а всего луга—98 руб.; ручной скос обойдется 210 руб. Скос одного пуда сена обойдется в этом хозяйстве при машинной работе 2.80 коп., при ручной — 6,00 коп. В обоих случаях машинная работа выгоднее ручной. Но стоимость применения машины в обоих хозяйствах, независимо от размеров обслуживаемой площади, дешевле там, где масса урожая больше. Эта же масса обусловливается как размерами площади, так в равной степени и размерами затрачиваемого капитала и труда, т.-е. размерами хозяйства.

Было бы в высшей степени странно, если бы увеличение размеров хозяйства не влекло за собой стремления к применению машин. Одним из основных принципов рациональной организации хозяйства является наиболее полное использование постоянных и дорогих элементов хозяйства. Таковыми являются на низших ступенях развития орудия и средства производства в противоположность земле, которая имеется в изобилии, а потому и ценится чрезвычайно дешево. По мере экономического развития и уплотнения населения земля все более повышается в своей ценности.

Экономия земли делается основным требованием рационального хозяйства; каждая пядь земли, каждый ее квадратный аршин имеют уже высокую цену, а потому не должен бездействовать. Земля должна быть максимальнейшим образом использована. Но такое использование возможно лишь при возобновлении плодородия почвы, т.-е. при известной системе удобрения, организации угодий, организации полеводства, скотоводства и так далее. Словом, история заставляет с каждым десятилетием интенсифицировать хозяйство, т.-е. вкладывать в ту же землю все большее количество труда и капитала. Это увеличивает ценность хозяйства, т.-е. повышает его размеры.

Но в то же время при чрезмерном обременении хозяйства трудом, при чем последний распределяется весьма неравномерно в течение года, создается потребность такой организации хозяйства, при которой было бы налицо наиболее благоприятное сочетание сложной структуры хозяйства, с равномерностью работ и возможностью успеть выполнить все эти работы. Здесь максимальное применение машин делается необходимым, так как их неоспоримым преимуществом является быстрота работы. При наличии машин хозяйство может быть весьма интенсивным, может иметь гораздо более сложную структуру и в то же время успевать справляться со всеми работами, что недостижимо при отсутствии машин. Одним из основных преимуществ машины является быстрота ее работы, поэтому сравнение ручной работы с механической только по стоимости той или другой без учета продолжительности работ неполно. Так, если мы выше нашли, что луг в 35 десятин скашивается одним человеком, работающим косилкой, за 63 руб., а тот же человек с косой в руках скосит его за 105 руб., то необходимо еще прибавить, что в первом случае луг будет скошен в 10 дней, так как косилка скашивает в день 3.5 дес., а во втором—в 105 дней. Это значит, что во втором хозяйстве должна быть такая структура, чтобы 3 месяца сенокоса не отзывались на других отраслях хозяйства, ни на высеваемых растениях и т. п., или хозяйство должно иметь на время покоса не одного, а 10 рабочих.

Короче говоря, без машин или дешевых рабочих рук структура хозяйства должна быть возможно элементарной, т.-е. в конце концов, не отвечающей историческому требованию максимального использования почвы.

Если, таким образом, история заставляет все более применять к сельскому хозяйству машинный труд, то скорее всего и успешнее он применяется в таких хозяйствах, в которых ценность земли и заложенного капитала относительно больше, т.-е. в хозяйствах более крупных. При этом машины для переработки продуктов следуют этой тенденции без всяких ограничений, машины же, работа которых связана с площадью, находят себе большее применение в более крупном хозяйстве, но имеющем площадь не менее известной величины, каковая определяется стоимостью и степенью технического совершенства самой машины.

Чрезвычайно большое значение в деле применения машин имеет также их рыночная цена. Затрата на покупку машины является единовременным расходом хозяйства. Приобретя машину, хозяйство заменило ею известную сумму денег, т.-е. размеры своего капитала не уменьшило, лишь по мере изнашивания машины этот капитал ежегодно уменьшается. В предотвращение этого хозяйство принуждено откладывать известную часть из своих доходов, предназначая ее для покрытия этого изнашивания и создавая, таким образом, „амортизационный фонд".

Так, если машина стоит 200 руб. и используется в течение 10 лет, то ежегодно она изнашивается в среднем на 20 руб, и таковая же сумма должна откладываться в амортизационный фонд. Поэтому общая сумма капитала хозяйства после приобретения машины не изменяется, но распределяется различно между машиной и амортизационным фондом.

Год применения машины	Капитал машины		Амортизационный фонд		Весь капитал	
	Рубли.	Коп	Рубли.	Коп	Рубли	Коп
1-й	200	—	—	—	200	—
2-й . .	180	—	20	—	200	—
3-й	160	—	40	—	200	—
и т. д . . .	и	т. д	и	т. д	и	т. д.
11-й	—	—	200	—	200	—

Отсюда могут быть сделаны два вывода.

Во-первых, для приобретения машины необходимо иметь возможность выделить из хозяйства 200 руб. Ясно, что то хозяйство, доходы которого дают лишь возможность удовлетворить минимальные потребности хозяйствующих лиц, не может сделать такой затраты. Но ясно также и то, что по мере уменьшения стоимости машины расширяется круг хозяйств, которые могут приобрести ее.

Во-вторых, откладывать ежегодно часть доходов в амортизационный фонд опять-таки может только такое хозяйство, доходы которого позволяют это, и для которого эти отчисления выгоднее, чем затраты на ручной труд без машины.

Сумма же доходов хозяйства тем больше, чем больше вся сумма ценностей, которая в нем вложена в виде земли и капитала.

Таким образом, мы должны придти к выводу, что и в сельском хозяйстве, как и в индустрии, машины имеют значительно больше данных для

своего применения в крупных хозяйствах, чем в мелких. При этом, однако, должно иметь всегда в виду, что для машин, работа которых связана с земельной площадью, еще необходим известный минимум этой площади.

Не приходится долго останавливаться на доказательствах того, что труд, не машинный, „индивидуализированный", который имеет большое значение в сельском хозяйстве, возможен и продуктивен именно в крупном хозяйстве.

Поскольку в сельском хозяйстве имеет подавляющее значение затрата энергии, изменяющая свои формы в зависимости от индивидуальных свойств того об'екта, к которому она прилагается, поскольку меняются приемы и способы работы в связи с этими индивидуальными свойствами, постольку необходимы знания этих приемов, обучение им, постольку каждый хозяин должен быть агрономом, находящимся в курсе всех новейших достижений науки, и, кроме того, он должен быть в состоянии приобрести все те вспомогательные материалы и орудия какие необходимы даже при индивидуализированном труде построенном на новейших данных агрономии.

Словом, и здесь чем больше суммы доходов, тем больше имеют почву пути и способы к поднятию производительности труда. Точно так же, как пользование, так и разведение селекционного материала, культура новых сортов растений и пород животных возможны только в крупных хозяйствах, хотя и имеющих незначительную земельную площадь.

На этом мы и закончим наш анализ применения машин в крупных и мелких хозяйствах.

Далее сторонники крупного земледелия указывают на то, что последнему в гораздо большей степени доступно разделение труда, технические усовершенствования, использование научных сил и труда квалифицированных специалистов и т. д. „Вполне научно образованного агронома может иметь только такое хозяйство, которое достаточно велико, чтобы труд руководства и надзора поглощал все его силы". (Каутский).

Кроме того, указывается на преимущество в области обмена: 1) покупка крупными партиями, 2) перевозка крупными партиями по железным дорогам, 3) продажа оптом, 4) коммерческие знания, 5) кредит и т. п.

Что касается этих преимуществ торгового характера, то защитники мелкого земледелия парируют их весьма оригинально. Они утверждают, что все это кажущиеся преимущества крупных предприятий, что мелкие вполне приобретают их, если построят свой сбыт, закупку, кредит и вообще все торговые операции на кооперативных началах. Короче говоря, этот аргумент сводится к тому, что мелкие хозяйства кроме всех своих преимуществ имеют еще одно, именно: они могут об'единиться и сделаться такими же крупными. Действительно, крупные предприятия уже лишены этой блестящей возможности! Но только вряд ли такие возражения могут быть названы серьезными.

В заключение остановимся еще на одном соображении Давида. Он останавливает свое внимание на так называемых критических моментах сельскохозяйственного производства, когда в силу сезонности работ требуется значительное напряжение и концентрация сил, без каковых могут погибнуть результаты всего годичного труда. Сюда относится, главным образом, сбор урожая. Указывая на то, что в крупных производствах, благодаря отсутствию необходимого количества рабочей силы, часто пропадает часть жатвы, Давид говорит: [1]) „в противоположность этому, в мелких крестьянских общинах гораздо реже пропадает жатва вследствие недостатка рабочих сил". Причины этому, по мнению автора, две: „здесь принимается, во-первых

[1]) «Социализм и крестьянское хозяйство». Стр. 62.

в расчет то обстоятельство, что крестьянское производство в своем отношении к площади производства вообще располагает большим количеством рабочих сил, благодаря более развитому скотоводству и приурочению всего домашнего хозяйства к земледелию".

Так как здесь идет речь о способности крестьянского хозяйства успешнее справляться с производственными задачами в критических моментах острой нужды в рабочей силе, надо полагать, что автор, говоря о „более развитом скотоводстве" в крестьянском хозяйстве, имеет в виду относительную обеспеченность его именно в рабочем скоте, т.-е., главным образом, в лошадях. Но, к сожалению, крестьянское хозяйство, как правило, обеспечено лошадьми не только больше, но даже слишком, по отношению к площади земли. Как известно, в крестьянском хозяйстве испытывается излишек лошадей на единицу земельной площади; в подавляющем большинстве случаев нужно было бы иметь для полного использования меньше одной лошади, но в виду того, что хозяйство вынуждено содержать по меньшей мере одну лошадь, то оно может полностью использовать ее лишь в критические моменты.

Таким образом, крестьянское хозяйство принуждено в течение целого года содержать излишек рабочей животной силы, чтобы использовать ее только в течение нескольких дней. Не окупаются ли такие преимущества крестьянского хозяйства в критические моменты слишком дорогой ценой и можно ли это назвать вообще преимуществом? Это указание Давида, очевидно, приходится понимать как указание не на преимущество мелкого крестьянского хозяйства, а наоборот, как на недостаток парцелярного землепользования.

Другая мысль Давида о том, что „приуроченье домашнего хозяйства к земледелию" также помогает крестьянину успешнее справляться со сбором урожая, основано, очевидно, на той мысли. что крестьянин в критическую минуту имеет возможность вызвать на полевые работы всех своих домочадцев, обычно занятых домоводством. Число этих членов семьи увеличивает рабочую силу в поле и делает ее пропорциональной размерам самого поля. Крупное хозяйство принуждено искать дополнительно рабочую силу на стороне и в таком количестве, которое достать весьма часто не удается.

Нетрудно убедиться, что здесь перед нами отрицательная оценка именно крупной земельной площади, которая не имеет никакого отношения к крупным размерам хозяйства. Мелкое хозяйство для борьбы с критическими моментами может выдвинуть только один резерв—рабочую силу домочадцев. Крупное, если не имеет возможности по каким-либо, не от него зависящим, обстоятельствам нанять лишних рабочих, может во-первых, шире использовать машинный труд при уборке урожая и, во-вторых, сгладить остроту самих этих критических моментов путем наиболее целесообразных севооборотов и вообще более повышенной организацией хозяйства, влекущей к более равномерному распределению работ в течение года.

Итак, весь наш анализ технико-экономической стороны вопроса показывает, как нам кажется, совершенно определенно, что крупное хозяйство, под которым мы понимаем хозяйство, обладающее большими капиталами, имеет все шансы на победу над мелким хозяйством; при этом оно наряду с прочими преимуществами имеет и все те, которые способствуют под'ему производительности сельско-хозяйственного труда. Поэтому крупное хозяйство не только побеждает мелкое, но оно побеждает и самую природу, поскольку последняя проявляется в убывающем плодородии почвы. Только благодаря крупному хозяйству, человек имеет возможность превратить этот „закон" в исторический пережиток, в такую силу, которая могла бы проявиться, если бы техника и крупное хозяйство не сводили бы ее к нулю.

Теперь обратимся к тому доводу сторонников мелкого хозяйства, который опирается уже не на технико-экономическую сторону, а на социальную структуру сельско-хозяйственного предприятия.

Говоря словами А. И. Чупрова: „Мелкий земледелец смотрит на землю как на средство приложения труда и прокормления семьи; он будет вести хозяйство до тех пор, пока достигаются эти две основные задачи". „Между тем, у крупного владельца совершенно иные основания расчетов. Ему невозможно вести хозяйство, если за покрытием выплаченной заработной платы и затраченного капитала не остается прибыли и ренты". „Оттого крупному хозяйству при прочих равных условиях приходится требовать за свои продукты высшую цену, нежели мелкому; последнее может держаться, даже не выручая при продаже продуктов ничего, кроме заработной платы, тогда как крупному хозяйству при подобном положении приходится ликвидировать дела".

Более детально эти мысли были развиты позднее сторонниками так называемой „потребительски-трудовой" теории крестьянского хозяйства: Огановским, Чаяновым, Макаровым, Челинцевым, Сем. Масловым и др.

В существенных чертах ход их рассуждений сводится к следующему.

Крестьянское хозяйство возможно изучить только в том случае, если исходить из его основной сущности, как хозяйства семейного, в котором и цель и способы ее достижения определяются этим основным свойством семейственности. Целью крестьянского хозяйства является прокормление своей семьи, „получение дохода для удовлетворения своих потребностей, производство и продажа для покупки предметов личного потребления и предметов, необходимых в своем хозяйстве,—вот главная цель современного крестьянского хозяйства" [1]). „Спастись от голодной смерти и удержать инвентарь от распродажи—вот бухгалтерия крестьянского хозяйства". „Выгодность крестьянского хозяйства определяется не процентом на капитал, а общей суммой средств существования (натурой и деньгами), получаемых в результате годичного труда земледельца" [1]).

Для достижения этой цели крестьянское хозяйство использует трудовые рессурсы своей семьи. „Чем больше в семье работников, чем в большей мере смогут они использовать в организации своей работы начало сложной кооперации, тем более мощной в хозяйственном отношении будет эта семья и тем большее количество продуктов она обеспечит себе" [2])

Однако, размеры продукции зависят не только от количества работников, но и от меры напряженности их труда; а эта напряженность зависит от того, скольких едоков должен прокормить каждый работник. Отсюда неблагоприятное сочетание работников и едоков, переобременение первых вторыми иногда влечет за собой пользование наемным трудом, которое отнюдь не носит капиталистического характера присвоения прибавочной стоимости.

В общем, „степень напряжения труда в семейном хозяйстве обычно устанавливается своего рода подвижным равновесием между тягостностью труда и тягостностью отказа от дальнейшего удовлетворения потребности" [3]).

Таким образом, первое положение, на котором нам приходится остановиться, гласит, что размеры крестьянского хозяйства определяются размерами семьи. Опровергать значение семьи в крестьянском хозяйстве, как и вообще весь его трудовой характер, значит спорить против фактов. Но одно дело утверждать, что размеры семьи, количество работников, едоков и т. д.

---

[1]) С. Маслов: «Крестьянское хозяйство» Стр 47 и 51.

[2]) Чаянов — Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации» Стр. 27.

[3]) Там же.

оказывают существенное влияние на жизнь хозяйства и на всю его структуру, а другое дело утверждать, как это делает Огановский [1]), что „по всей России, начиная с северо-запада и вплоть до Киргизских степей, размеры земледельческого хозяйства находятся в прямой неразрывной связи с размерами семьи".

В доказательство Огановский приводит следующую таблицу:

Средний размер семьи в группировках по посевам.

	Беспос.	До 3 десятин.	3—6 дес	Свыше 6 десят.
Вологод. губ., Грязов. у., Владимир., Юрьев., Костр., Кинешем.	2,5	4,5	6,1	7,1

	Беспос.	До 3 десятин.	3—9	Свыше 9 десят.
Смоленск. губ., Вяземский уезд	3,2	4,8	6,8	10,1

	Беспос.	До 1 дес.	1—2½	2½—5	5—7½	7½—10	10—15	15—20	Свыше 20 дес
Вятской губ., 6 уездов .	2,6	3,4	4,1	5,2	6,3	7,4	8,8	10,8	12,6

	Беспос.	До 2 дес.	2—5	5—10	10—15	15—20	20—25	25—50	Свыше 50 дес
Пермск. губ., 2 уезда . .	3,5	4,4	5,2	6,3	7,6	8,2	9,1	9,5	9,6

	Беспос.	До 1 дес.	1—2	2—4	4—6	6—10	10—15	15—50	Свыше 50 дес.
Орловск. губ., 2 уезда . . .	3,8	4,3	4,8	5,5	6,6	8,1	10,1	12,2	15,1

	Беспос.	До 1 дес.	1—5	5—10	10—20	20—40	Свыше 40 дес.
Воронежск. губ., 5 уездов . .	4,1	3,8	5,4	7,9	10,8	14,6	15,2

	До 2 дес.	2—5	5—10	10—50	50—100	Свыше 100 дес
Уральская обл.:						
2 уезда-казаки	4,2	5,0	6,0	6,7	10,6	24,2
2 уезда—киргизы . . .	5,7	6,4	10,6	10,6	14,0	—

Действительно, таблица эта говорит о том, что увеличение хозяйства (поскольку оно характеризуется размерами посевов) идет параллельно с увеличением семьи. Но и только. Для того, чтобы доказать связь между размерами хозяйства и размерами семьи, надо было бы доказать, что хозяйство растет не только параллельно, но и пропорционально росту семьи.

Между тем этой пропорциональности совершенно нет. Огановский отлично видит это и заявляет что „строгого соответствия между семьей и хозяйством нет, а, следовательно, на размеры хозяйства влияют и другие при-

[1]) «Закономерность аграрной эволюции». Том 1-й, стр. 27.

чины“ [1]). Если бы была такая строгая зависимость, то „двор, в котором одна душа, засевал бы одну десятину, а двор из 10 душ—10 десятин“.

В виду этого автор прибегает к сравнению по размерам посевов не на хозяйство, а на одного члена семьи. Если „семья, засевающая одну десятину, состоит из трех человек, и семья, засевающая 20 дес., из 15 едок., то на едока приходится в первой семье $^1/_3$ дес., во второй $^4/_3$ дес, т.-е. вчетверо более, а не в 20 раз, как это выходило бы при учете на двор“. Таким образом, в данном случае разница в размерах семьи 1 : 5, а экономическая разница 1 : 4. Эту небольшую разницу автор об'ясняет «несовершенством приемов земской статистики».

После этого он переходит к следующему способу доказательства пропорциональности размеров хозяйства с размерами семьи.

Посевная площадь обнимает только одну сторону многогранного крестьянского хозяйства—чистое земледелие, да и то не вполне. Необходим учет всего хозяйства, для чего автор сравнивает размеры всех доходов и всех расходов с количеством всей земли, приходящимся на долю одного едока, и, наконец, добивается столь желанной и давно искомой пропорциональности.

Но на следующей же странице (29-ой) автор забывает о том, что он только-что указывал на связь размеров лишь земледельческого хозяйства с размерами семьи, и вот, в результате искания этой связи, автор говорит уже не только о земледельческом, а о всем крестьянском хозяйстве в целом.

Отказываясь таким образом от признания правильности этого последнего приема Огановского, возвращаемся к предыдущему. Автор придумал пример, с двумя семьями в 3 и 15 человек и посевом в 1 и 20 дес., а почему-то не взял вычисления из им же самим приведенной таблицы (стр. 26-я). Пополним этот пробел.

Группы.	УЕЗДЫ и ГУБЕРНИИ.	Средний размер семьи и хозяйства в максимальных группах (считая миним. за 100).		Приходится посевной площади на 1-го члена семьи.	
		Размеры семьи.	Размеры посевн. площ.	В миним. группах	В максимальных группах.
I	Грязовецкий у. (Вологодской губ.). Юрьевский у. (Владимир. губ.) . . Кинешемский у. (Костр. губ.) . . .	157	200	0,6	0,8
II	Вяземский у. (Смоленск губ.) . .	210	300	0,6	0,8
III	6-ть уезд. Вятской губ.	370	2.000	0,6	1,5
IV	2 уезда Пермской губ.	218	2 500	0,4	5,2
V	2 уезда Орловской губ . .	351	5 000	0,2	3,3
VI	5 уездов Воронежск. губ	400	4 000	0,3	2,6
VII	Уральская область.				
	2 казацких уезда	576	5 000	0,4	4,1
	2 киргизских уезда	225	3 750	0,3	5,3

1) Стр. 28-я.

Переведем цифры посевной площади, приходящейся на одного члена семьи в относительные числа, принимая размеры этой площади в минимальных группах за 100. Оказывается, что:

ГРУППЫ	При увеличении семьи на %	Посевная площадь на одного чл. на семьи увеличивает. на %
1-ая	57	33
2-ая	110	33
3-ая	270	150
4-ая	118	1.200
5-ая	251	1.550
6-ая	300	766
7-ая	476	925
	125	1.666

Оказывается, что имеются какие-то причины, которые заставляют увеличивать размеры хозяйства не только экстенсивно, т.-е. по числу членов семьи, но, главным образом, интенсивно, т.-е. по отношению к каждому члену семьи.

Этот вывод заставляет даже самого Огановского признать, что размеры семьи отнюдь не являются единственной причиной разницы в размерах хозяйства. По его мнению, кроме размеров семьи здесь влияют 1) разница в наделении землей в 1861 г., 2) личные качества членов семьи и 3) случайные причины.

Вполне допуская возможность влияния этих сравнительно второстепенных причин, мы все же постараемся найти основания такого несоответствия между размерами хозяйства и размерами семьи в той области, в которой Огановскому и другим последователям потребительски-трудовой теории искать не особенно хочется: в задачах, которые ставит себе крестьянское хозяйство.

Мною переработаны хорошо известные бюджетные данные по уездам: Кадниковскому, Тотемскому и Вельскому Вологодской губернии, при чем все 436 хозяйств мною разбиты на группы по размерам стоимости вложенного в хозяйстве капитала: скота, инвентаря, построек и т. д.

Размеры капиталов одного хозяйства:

1-я группа . . . . . до 100 руб.
2-я » . . . . . от 100 до 200 руб.
3-я » . . . . . » 200 » 300 »
4-я » . . . . . » 300 » 400 »
5-я » . . . . . » 400 » 500 »
6-я » . . . . . » 500 » 700 »
7-я » . . . . . » 700 » 1070 »
8-я » . . . . . » 10 0 » 1500 »
9-я » . . . . . ше 1500 руб.

Конечно, размеры вложенного капитала не дают полного представления о размерах хозяйства, так как при этом не учитывается капитал земли; но к сожалению взятый мною материал не дает никаких оснований для суждения о размерах этого вида капитала. Однако думаю. что размеры вложенного в хозяйство капитала являются все же лучшим показателем размеров хозяйства, чем площадь землепользования, и считаю, что приведенная мною группировка является наиболее правильной из всех тех, какие возможно сделать на основании статистического материала, группирующего хозяйство в подавляющем большинстве случаев по размерам землепользования. Более правильной является группировка по размерам посевной площади, каковая группировка применяется многими исследователями, но и она в конце-концов не выдерживает критики хотя бы потому, что ценность посевной площади колеблется в связи с ценностью высеваемых растений, системой полеводства, характером удобрения, обработки почвы и т. д.

Поэтому десятина посева в разных местностях, находящихся даже в сравнительной близости, представляет из себя весьма различные ценности. Ведь никому в голову не придет утверждать, что десятина посева в Ростовском уезде, Ярославской губернии, с его интенсивным огородничеством и культурой картофеля, цикория и зеленого горошка, равноценна десятине посевов в Мологском уезде, той же губернии, с его посевами льна и экстенсивным скотоводством.

С увеличением размеров хозяйства растут ежегодные производительные расходы хозяйства. Это подтверждается переработанными мной бюджетными данными упомянутых выше 3-х уездов Вологодской губернии.

Размеры сельско-хозяйственных расходов на одно хозяйство:

ГРУППЫ ХОЗЯЙСТВ.	Тотемский у.		Вельский у.		Кадниковский у.	
	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп	Рубли.	Коп.
1-я	47	05	64	54	—	—
2-я	150	64	150	36	135	15
3-я	249	52	248	35	250	47
4-я	339	97	346	40	349	38
5-я	467	34	437	13	453	72
6-я	—	—	—	—	595	35
7-я	—	—	—	—	840	14
8-я	—	—	—	—	1 120	90
9-я	—	—	—	—	1 841	10

Во всех уездах по мере увеличения хозяйства идет увеличение числа членов семьи; например по Кадниковскому уезду оно увеличивается с 1,7 в хозяйствах первой группы до 8,5 в хозяйствах 8 группы.

Но дело в том, что и тут, как и в цифрах Огановского, нет пропорциональности в росте хозяйства и семьи. По мере увеличения хозяйства, на

одного члена семьи приходится все большая сумма хозяйственных расходов. Это подтверждает указанную выше интенсивность роста хозяйства.

На одного члена семьи приходится хозяйственных расходов:

ГРУППЫ ХОЗЯЙСТВ.	Тотемский у.		Вельский у.		Кадниковский у.	
	Рубли.	Коп	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.
1-я	17	34	30	22	—	—
2-я	38	95	36	95	54	86
3-я	55	99	45	66	104	97
4-я	68	46	69	40	125	28
5-я	93	46	72	85	135	77
6-я	—	—	—	—	153	27
7-я	—	—	—	—	183	79
8-я	—	—	—	—	199	28
9-я	—	—	—	—	216	60

Обратимся теперь к личным, потребительским расходам.

Оказывается, что на одного члена семьи эти расходы также растут, что видно из следующей таблицы.

ГРУППЫ ХОЗЯЙСТВ.	Тотемский у.		Вельский у.		Кадниковский у.	
	Рубли.	Коп.	Рубли	Коп.	Рубли.	Коп.
1-я	35	95	49	75	—	—
2-я	49	58	49	28	69	20
3-я	56	27	55	—	65	88
4-я	64	45	66	23	67	35
5-я	76	46	81	58	71	92
6-я	—	—	—	—	82	12
7-я	—	-	—	—	102	73
8-я	—	—	—	—	102	34
9-я	—	—	—	—	117	30

Из сравнения этих двух таблиц видно совершенно отчетливо, что темп увеличения личных расходов по мере роста хозяйства замедляется и рост хозяйственных расходов обгоняет его. Это особенно ясно выступает, если обе таблицы перевести в относительные цифры, считая размеры расходов, как личных, так и хозяйственных, в группе наименьших хозяйств за 100.

Получаем следующие цифры:

ГРУППЫ ХОЗЯЙСТВ.	Тотемский у		Вельский у.		Кадниковский у.	
	Хоз	Лич	Хоз	Лич.	Хоз.	Лич.
1-я	100	100	100	100	—	—
2-я	224	137	122	99	100	100
3-я	322	156	151	110	191	95
4-я	394	179	229	133	228	97
5-я	539	212	241	164	247	103
6-я	—	—	—	—	279	118
7-я	—	—	—	—	335	148
8-я	—	—	—	—	363	147
9-я	—	—	—	—	394	169

Сравнение двух крайних групп хозяйств показывает, что в то время, как потребительские расходы возросли

на 112% хозяйственные поднялись на 439%
„ 64% „ „ „ 141%
„ 69% „ „ „ 294%

Это значит, что по мере роста хозяйства удовлетворение потребностей, делаясь более полным, растет медленнее, ибо уровень этих потребностей повышается незаметно.

Расходы на 1 члена семьи:

ГРУППЫ ХОЗЯЙСТВ.	Тотемский у.		Вельский у.		Кадниковский у	
	Хоз.	Лич.	Хоз	Лич	Хоз.	Лич
1-я	32%	68%	37%	63%	—	—
2-я	43%	57%	42%	58%	44%	56%
3-я	49%	51%	45%	55%	61%	39%
4-я	51%	49%	51%	49%	65%	35%
5-я	55%	45%	47%	53%	65%	35%
6-я	—	—	—	—	65%	35%
7-я	—	—	—	—	64%	36%
8-я	—	—	—	—	66%	34%
9-я	—	—	—	—	64%	36%

Если подсчитать доходы от *сельского хозяйства* на одного члена семьи, то получим весьма показательную картину:

ГРУППЫ.	Тотемский у.		Вельский у.		Кадниковский у.	
	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп	Рубли.	Коп.
1-я	49	38	63	87	—	—
2-я	72	45	26	55	10	13
3-я	96	28	73	92	73	40
4-я	121	05	108	29	106	32
5-я	186	95	114	68	113	15
6-я	—	—	—	—	131	28
7-я	—	—	—	—	143	27
8-я	—	—	—	—	161	20
9-я	—	—	—	—	151	89

Кроме 2-ой группы хозяйств Вельского уезда и 1-ой группы Кадниковского у. наблюдается определенное повышение дохода по мере увеличения размеров хозяйства.

Итак, наш анализ бюджетных данных по трем уездам Вологодской губ. говорит:

1) о том, что с ростом хозяйства учеличивается сельско-хозяйственный доход на одного члена семьи;

2) о том, что абсолютные размеры как хозяйственных так и личных расходов на одного члена семьи растут с увеличением размеров хозяйства;

3) о том, что этот рост более интенсивен по отношению к хозяйственным расходам, чем личным.

Если бы крестьянское хозяйство носило тот сантиментальный характер, который стремится придать ему потребительски-трудовая теория, изображая крестьянина целомудренно отворачивающимся от всякой наживы, то мы имели бы пред собой: 1) увеличение размеров хозяйства, пропорциональное увеличению числа членов семьи, или 2) увеличение хозяйства, пропорциональное увеличению потребностей этих членов семьи. Но ни того, ни другого мы не видим, а имеем перед собой рост хозяйства более интенсивный, чем рост числа членов и чем рост уровня их потребностей; а это может быть об'яснено только приобретательским характером крестьянского хозяйства, проявляющимся при его увеличении, когда оказываются утоленными первые спазмы голода.

Челинцев в своем труде «Теоретические основания организации крестьянского хозяйства", касаясь проблем потребления, говорит: „здесь прежде

всего имеет значение определенный сложившийся к данному времени и в данном месте уровень потребления семьи, как минимум, властно диктующий работнику трудового хозяйства определенное поведение—добывать необходимые для этого средства. Чем этот уровень выше, тем напряженнее должно вестись использование наличной территории хозяйства" [1]). Но отнюдь не приходится, говорит дальше автор, думать, что этот уровень не изменяется; изменения в нем происходят, но не сразу, а постепенно, „так как связанное с этим добывание добавочных для того средств связано с новыми затратами своей же силы, т.-е. усилением самоэксплоатации". Поэтому Челинцеву уровень потребления „представляется постоянной на определенное время величиной".

Далее, на странице 161 того же сочинения говорится: «размеры потребления семьи выражают собой прожиточный минимум, на котором фактически мирится трудовое хозяйство и к которому сводит свой потребительски-трудовой баланс. А именно, при достижении этого минимума оно прекращает трудовые усилия, свою самоэксплоатацию, не исчерпавши трудовых рессурсов и не взявши из земли того, что могло бы быть взято, если бы каждый работник семьи проработал в своем сельском хозяйстве полностью все рабочие дни в году (около 300 дней»).

Более простым языком выражает ту же мысль и другой представитель того же потребительски-трудового населения — Чаянов, говоря [2]): «если крестьянин и его семья сыты и запасли достаточное количество продуктов и денег на целый год, то хозяин не позарится даже на такое занятие, которое дает весьма высокую оплату труда, значительно превышающую заработную плату».

Итак, если крестьянин голоден, то он эксплоатирует себя, не считаясь ни с чем, лишь бы утолить свой голод, если же он сыт, то перестает повышать степень этой самоэксплоатации.

С этим нельзя не согласиться; мало того, мы хотим пойти еще дальше и определенно указать, что «чем больше сыт крестьянин», тем более ослабляются у него стимулы к самоэксплоатации, тем более перестает он работать сам и заставляя работать других, предпочитает заниматься «чужеэксплоатацией». Ведь не станут же сторонники разбираемого нами направления отрицать, что крестьянин является таким же разумным существом, как и всякий другой хозяйствующий суб'ект, руководимый основным принципом всякой разумной деятельности—стремлением к большим достижениям при наименьшей затрате?

Следовательно, если крестьянин имеет возможность вместо себя или для помощи себе нанимать работников, он делает это, так как это позволяет ему с меньшими затратами достигнуть прежних или даже больших результатов.

Наемный труд в крестьянском хозяйстве является фактом, отрицать который не могут и сторонники потребительски-трудового направления. Но так как указание на пользование наемным трудом уже очень дискредитирует крестьянина, то они стремятся доказать, что этот наем не имеет ничего общего с наймом капиталистическим. Особенно ратует за такой „некапиталистический" характер крестьянского найма Сем. Маслов [3]). Так, он указывает,

---

[1]) Стр. 8-я.

[2]) «Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации», стр. 33.

[3]) «Крестьянское хозяйство», стр. 68.

что этот наем „до некоторой степени представляет собой вид обмена услугами и ценностями между трудовыми слоями сельского населения". Какими же способами пытается он доказать нам такой характер найма?

Сем. Маслов в указанной работе различает следующие виды этого найма: 1) наем работников с лошадью и инвентарем для обработки земли малоимущих безлошадных хозяйств, 2) наем в хозяйствах, отпускающих ремесленников, 3) наем летних сроковых рабочих, 4) наем постоянных годовых рабочих.

Первый вид найма, как называемая „управка душ", заключается в том, что нанимающийся обязуется за определенную плату выполнить все конные работы в хозяйстве наемщика на своей лошади и своим инвентарем. Ясно, что к такому найму прибегают лишь беднейшие слои. Это и дает Маслову право восклицать: „какой же капитализм на одной-двух десятинах?"[1])

Действительно, в данном случае нанимающий преследует только одну цель—получить возможность реализовать свой урожай для того, чтобы как-нибудь впроголодь просуществовать до будущего года. Нанимающий не имеет ни капитала, ни средств производства, кроме небольшого клочка земли, который превратится из «матери-земли в злую мачеху», по выражению Г. Успенского, если к нему не приложить капитала и труда. Крестьянин это знает слишком хорошо и принужден обращаться за этим трудом и капиталом к тому соседу, который, имея их в излишке и применяя не в своем хозяйстве, получает выгоду. Одним словом, нанимающийся является более зажиточным, независимым социальным элементом. А поэтому этот элемент может назначать цену и ставить в серьезную от себя зависимость „нанимателя".

Конечно здесь не может быть и речи об эксплоатации со стороны нанимателя, но она налицо со стороны нанимающегося, так как перед нами фактически явления *не найма, а займа* живого и мертвого инвентаря. Доход нанимающегося является не столько заработной платой за труд, сколько процентом на его капитал.

Недаром вологодский статистик[2]) задается вопросом, на котором Маслов не счел нужным остановиться: «кто здесь эксплоатирует—наниматель или нанимающийся?» С нашей точки зрения—последний. К сожалению мы не имеем данных о той плате, которую получает нанимающийся в этих условиях. Позволительно однако высказать предположение, что она выше, чем обычная плата при найме. Действительно, что может заставить крестьянина, имеющего инвентарь и рабочую силу, обрабатывать не свою землю, а чужую или же наряду с своей чужую? Очевидно, только выгода.

Далее Маслов говорит[3]): „хозяйства, отпускающие свои рабочие силы на сторону в отхожие заработки, также прибегают к сдельному найму для обработки своих наделов". Автор и в этом найме также склонен видеть отсутствие «капиталистического характера». Очевидно, для того, чтобы можно было говорить об этих капиталистических условиях, необходимо наличие того излишка, который наниматель получает сверх того, что он выплачивает рабочим, и не только получения, но и присвоения этой прибавочной стоимости.

---

[1]) «Крестьянское хозяйство», стр. 63.

[2]) «Материалы для оценки земель Вологодской губернии. Грязовецкий у.» выпуск II-й, стр. 316.

[3]) «Крестьянское хозяйство», стр. 64.

Ведь не станет же крестьянин нанимать рабочего, если он принужден будет уплатить последнему в виде заработной платы все то, что произвел своим трудом. Единственный смысл наемного труда, кто бы ни был наниматель, состоит в том, что этот наниматель уплачивает рабочему меньше того, что он получил благодаря применению труда этого рабочего

Этот универсальный характер найма иногда затушевывается в условиях крестьянского хозяйства, что смущает многих исследователей. Например, часто можно встретить указания на то, что крестьянин нанимает рабочего только в критические моменты, когда нужна срочная работа по сбору урожая. Но не трудно убедиться, что если бы рабочий своим трудом спас хозяину значительную часть урожая и после этого потребовал бы в виде заработной платы весь этот спасенный им урожай, то вряд ли хозяин согласился бы на эти условия.

То обстоятельство, что наниматель сам занимается отхожим промыслом, ничуть не изменяет сущности дела. Если бы он не отправлялся на сторонние заработки и поэтому не нанимал бы рабочего, то он с одной стороны получил бы в своем хозяйстве весь продукт труда, а не излишек над заработной платой своему рабочему. Если он уходит на сторону, то очевидно только потому, что сторонний заработок вместе с доходом от труда рабочего и за вычетом заработной платы последнему дает большую сумму, чем доход от собственного труда в своем хозяйстве.

Многие авторы, придерживающиеся того же направления, что и Сем. Маслов, склонны думать, что крестьянин пользуется наемным трудом не для получения прибавочной стоимости, а для переработки продукта и для сообщения ему определенных технических признаков; крестьянская семья, по их мнению, при неблагоприятном соотношении едоков и работников, пользуется трудом рабочего, который помогает в производственном процессе, в результате чего он получает полностью всю стоимость продукта, а хозяйство получает то преимущество,—что вместо сырого материала имеет готовый предмет.

Однако нетрудно убедиться, что если бы такое хозяйство не нанимало рабочего, то оно не получило бы готового продукта, а имело бы не потребляемый сырой материал в виде земли, семян, удобрения и т. д., а так как оно имеет готовый ценный продукт, то очевидно в силу только того, что оно присвоило себе часть ценности, созданной рабочим. Все эти рассуждения в одинаковой степени относятся к найму рабочих на летние работы и к постоянному годичному найму.

На странице 68 того же труда Сем. Маслов говорит: «зажиточные дворы, употребляющие наемный труд, могут вести хозяйство, не получая прибыли, а довольствуясь просто порядочными заработками от собственного хозяйства; получаемые ими денежные доходы суть преимущественно результат личного труда членов семьи. Прибавочные продукты, получаемые от работы батрака, составляют меньшую часть дохода в хозяйстве. Кроме того, в условиях крестьянского хозяйства и сам хозяин-крестьянин и его батрак эксплоатируются посторонними силами».

Все это совершенно верно, и спорить против всех этих положений не приходится, но факт остается фактом—излишек продукта, полученного в хозяйстве благодаря труду рабочего, над стоимостью содержания рабочего присваивается хозяйством. Пусть этот излишек ничтожен и не может служить элементом накопления капиталов в крестьянском хозяйстве, но он налицо, следовательно, принципиально крестьянское хозяйство нечуждо приобретательскому духу, как этого хотелось бы некоторым писателям. Правда, Сем. Маслов

пытается доказать, что рабочий в крестьянском хозяйстве получает столько же, сколько и хозяин.

«По вычислениям земских статистиков, говорит он[1]), в Шуйском уезде Владимирской губернии летние рабочие за $5^1/_2$ месяцев в дореволюционное время получали в среднем 55 руб., т.-е. по 10 руб. в месяц на хозяйских харчах. А доход от крестьянских хозяйств получался такой: в более мелких хозяйствах с посевом менее 3-х десятин 79 руб. на взрослого работника в семье, в более крупных хозяйствах—107—137, т.-е. доход крестьянина-хозяина составляет от 6 руб. 50 коп. до 11 р. 50 коп. в месяц не считая харчей. Таким образом, рабочий в крестьянском хозяйстве получает от него в сущности столько же, сколько и сам хозяин».

И после этого еще говорят о каком-то духе наживы у русского крестьянина, с таким презрением относящегося ко всякой эксплоатации?!

Но все же приходится задать вопрос: можно ли пользоваться средними цифрами для всех хозяйств, как это делает Сем. Маслов? Не получится ли совсем другая картина, если мы сравним действительный доход хозяина с заработком его рабочего именно в тех хозяйствах, которые фактически пользовались наемным трудом? За неимением данных я отказываюсь дать ответ на этот вопрос, но боюсь что действительность окажется далеко не такой сентиментально-слащавой, какой она представляется Сем. Маслову, оперирующему со средними поуездными цифрами, здесь совершенно непригодными.

Все сказанное до сих пор о наемном труде в крестьянском хозяйстве заставляет признать, что он применяется с единственной целью — получать тот остаток от продукта, который появляется за вычетом содержания рабочего. Эта цель преследуется при всех видах найма, известных в крестьянском хозяйстве.

Потребительски-трудовая теория права, когда утверждает, что крестьянин не ставит в дебет в бухгалтерии хозяйства свой труд и рассматривает доход как заработную плату. Но, если представляется возможным не работать, то вряд ли он будет продолжать свой труд ради соблюдения чистоты трудового принципа. Действительно, правы Челинцев и Чаянов, говоря, что крестьянин не станет работать, если он сыт.

Но все дело в том, что такая возможность обусловливается в первую очередь размерами хозяйства: чем больше хозяйство, тем больше валово доход, тем больше данных для пользования наемным трудом, тем большую сумму составит остаток валового дохода за вычетом содержания наемного труда. Говоря короче, чем больше хозяйство, тем больше у него шансов потерять трудовой характер.

Обратимся к цифрам тех же Вологодских бюджетов Тотемского, Вельского и Кадниковского уездов.

По двум первым уездам имеются данные о затратах на наемный труд. Комбинируя эти данные с количеством работников в семье и с размерами хозяйства, получаем размеры затрат на наемный труд в расчете на одного работника в семье, или, иными словами, получаем ответ на вопрос: сколько в каких хозяйствах на долю каждого своего работника приходится наемного труда.

---

[1]) «Крестьянское хозяйство», стр 67.

Группы хозяйств.	Сумма затрат на наемный труд		Общее число своих работников	На одного своего работника приходится затрат на наемный труд.		Тоже в относительных числах
	Рубли	Коп		Рубли.	Коп	
Тотемский уезд:						
1-я группа	28	95	44,4	—	65	100
2-я »	98	77	105,8	—	93	143
3-я »	102	83	77,4	1	33	204
4-я »	67	28	43,4	1	55	238
5-я »	32	—	10,6	3	01	463
Вельский уезд:						
1-я группа	7	85	10,8	—	72	100
2-я »	19	14	89,1	—	19	26
3-я »	36	43	43,0	—	84	116
4-я »	36	05	22,1	1	63	226
5-я »	112	02	20,4	5	49	762

По Кадниковскому уезду имеются сведения о числе рабочих дней, затраченных в хозяйстве наемными рабочими и своими работниками — членами семьи.

Оказывается, что на 100 рабочих дней своих работников приходится следующее количество рабочих дней наемного труда.

Группы хозяйств.	% наемного труда к труду своих работников.
1-я группа . . .	—
2-я »	0,25
3-я »	0,41
4-я »	2,08
5-я »	1,76
6-я »	3,80
7-я	2,46
8-я	3,44
9-я »	свед нет

Если эти данные не говорят об абсолютной правильности увеличения наемного труда по мере роста хозяйства, то как общая тенденция такое повышение безусловно имеется.

Таким образом, очевидно, крестьянское хозяйство тем крепче держится трудового принципа, чем оно меньше по своим размерам, и, наоборот, чем больше эти размеры, тем усиленнее оно применяет наемный труд.

Итак мы пришли к выводу, что и потребительский и трудовой характер крестьянского хозяйства сохраняется лишь до тех пор, пока размеры его ничтожны, пока оно, во-первых, принуждено заботиться только об утолении голода и, во-вторых, не имея возможности нанимать рабочего, должно заниматься «самоэксплоатацией». Как только размеры хозяйства достигают известного размера, крестьянское хозяйство начинает проявлять стремление к приобретательству и к пользованию наемным трудом.

Среди теоретиков потребительски трудового направления есть один автор, который смотрит на вопрос значительно более трезво, чем все его сподвижники: я имею в виду Н. Макарова. В его солидном труде — «Крестьянское хозяйство и его эволюция»—имеются места, показывающие весьма ясно, насколько шатки основания защищаемой им теории.

Так на стр. 70-й он говорит: „изучение фактов приводит нас к утверждению, что *не всегда* крестьянское хозяйство живет потребительским принципом: когда об'ективные условия (владения или рынка) позволяют, хозяйство забывает о потребительском принципе. Денежное крестьянское хозяйство заражается духом современного капиталистического общества—жажда денег, поиски высокой цены, высокого денежного дохода (и чем выше, тем более не считаясь с потреблением), все это «заразные болезни», которыми „заболевает“ крестьянское хозяйство, когда оно попадает в подходящие условия».

На стр 75-й того же труда читаем: «поскольку потребительный запрос своей семьи достаточно удовлетворен, постольку на дальнейшее расширение размеров производства, на дальнейшее напряжение *своих* сил семья пойдет лишь при значительном повышении дохода от дополнительного трудового напряжения. Или семья может пойти на пользование наемным трудом; но тут как раз начинается то дифференцирование элементов, которое нехарактерно для крестьянского хозяйства. Одновременно с этим семья будет уходить от потребительного мотива, что тоже нехарактерно для крестьянского хозяйства»

Итак, при известных условиях крестьянское хозяйство начинает отказываться от своего основного, с точки зрения этого автора, принципа—потребительски трудовой основы хозяйства: оно заражается духом наживы и начинает пользоваться наемным трудом. Что-же это за условия?

Макаров прямо указывает на них (стр. 71): «принципиально для крестьянского хозяйства такие условия крайне редко мыслимы, они прежде всего требуют исключительно благоприятной обстановки для накопления капитала; но как хорошо известно, и как это будет показано в настоящей работе, именно сельское производство не является благоприятной средой для накопления капиталов, а без этого условия иные чужеродные крестьянскому хозяйству мотивы и „инстинкты“ не находят достаточных поводов для своего развития“.

Можно ли еще яснее сказать, что весь потребительски-трудовой характер крестьянского хозяйства покоится лишь на том, что в сельском хозяйстве при сложившихся исторических условиях не происходит накопления капиталов, что этот принцип имеет место только потому, что хозяйство мало, что суб'ект его принужден голодать, что количество заложенных в хозяйстве ценностей ничтожно?

Пока мы на этом и остановимся, и вернемся ниже к вопросу о накоплении и концентрации капиталов в сельском хозяйстве Здесь же констатируем тот факт, что, если понимать под размерами хозяйства сумму заложенных в нем ценностей, то ни один довод «сторонников мелкого хозяйства» не выдерживает критики, так как эти доводы или направлены против крупной земельной собственности, или говорят о социальной структуре хозяйства, каким обыкновенно бывает мелкое хозяйство, и каким оно перестает быть, как только начинает хоть немного вырастать, или наконец их доводы покоятся на простом недоразумении имея перед собой ни крупное, ни мелкое хозяйство а просто плохого или хорошего хозяина.

Те же бюджеты трех уездов Вологодской губ. позволяют нам не ограничиваться критикой доводов, а показать на небольшом примере, что с ростом размеров хозяйства увеличивается его положительное народно-хозяйственное значение.

Выше нами указывалось, что одним из непременных условий под'ема производительности труда является возможно большая его механизация.

Нижеследующие цифры говорят, что с увеличением размеров хозяйства, на одного работника приходится все большее количество живого, мертвого инвентаря, орудий и средств производства.

На одного работника приходится средств производства на сумму:

Группы хозяйств.	Тотемский уезд		Вельский уезд.	
	Рубли.	Коп	Рубли.	Коп.
1-я группа	17	09	31	45
2-я »	43	75	50	29
3-я »	58	17	67	82
4-я »	65	67	88	61
5-я »	95	03	137	91

Стоимость инвентаря по отношению к одной десятине составляет:

Группы хозяйств.	Тотемский уезд.		Вельский уезд.		Кадниковский у.	
	Рубли	Коп.	Рубли	Коп	Рубли	Коп
1-я группа	2	51	3	91	—	—
2-я »	5	48	8	77	1	37
3-я »	7	08	9	43	7	30

Группы хозяйств.	Тотемский уезд		Вельский уезд.		Кадниковский у.	
	Рубли.	Коп	Рубли	Коп	Рубли.	Коп.
4-я группа	7	58	12	63	10	72
5-я »	7	82	16	13	8	57
6-я »	—	—	—	—	9	19
7-я »	—	—	—	—	13	69
8-я	—	—	—	—	—	—

Поэтому производительность непосредственно затрачиваемого труда растет с ростом хозяйства, что видно из следующей таблицы, где высчитан доход, приходящийся на один рабочий день:

Группы хозяйств	Тотемский уезд		Вельский уезд		Кадниковский у	
	Рубли.	Коп	Рубли	Коп	Рубли	Коп
1-я группа	—	13	—	20	—	—
2-я »	—	25	—	24	1	50
3-я »	—	34	—	29	1	15
4-я »	—	38	—	36	1	22
5-я »	—	48	—	44	1	27
6-я »	—	—	—	—	1	41
7-я »	—	—	—	—	1	59
8-я »	—	—	—	—	1	59
9-я »	—	—	—	—	2	45

По мере роста хозяйства приходится ожидать падения относительного значения неземледельческого дохода Особенно рельефно видно это в Тотемском уезде; в Кадниковском это значение подвергается некоторым колебаниям.

Сельско-хозяйственный доход составляет по отношению ко всему доходу хозяйства %%:

Группы хозяйств	Кадниковский уезд в %%	Тотемский уезд в %%
1-я группа	—	72
2-я »	14	79
3-я »	65	82
4-я »	80	82
5-я »	83	83
6-я »	65	—
7-я »	79	—
8-я »	82	—
9-я »	74	—

Наконец приходится указать на доходность земли.

На одну десятину удобной земли приходится сельско-хозяйственных доходов:

Группы хозяйств.	Кадниковский у.		Тотемский уезд		Вельский уезд.	
	Рубли.	Коп.	Рубли	Коп	Рубли.	Коп.
1-я группа.	—	—	7	99	9	46
2-я »	5	80	11	37	15	65
3-я »	15	27	15	11	15	18
4-я »	21	83	15	98	18	55
5-я »	18	66	14	51	18	22
6-я »	19	18	—	—	—	—
7-я »	19	26	—	—	—	—
8-я »	17	75	—	—	—	-
9-я »	40	93	—	—	—	—

Таким образом, по мере увеличения размеров сельско-хозяйственного предприятия, повышается его положительная роль, но вместе с этим оно, по мере своего увеличения, как мы видели выше, принимает все более приобре-

тательский облик, что обусловливается именно накоплением капитала, т.-е. ростом хозяйства.

На этом мы закончим наш затянувшийся анализ вопроса о крупном и мелком земледелии. Этот анализ, как нам кажется, достаточно ясно показал, что крупные размеры сельско-хозяйственного предприятия создают наиболее благоприятные условия для подъема производительности труда.

Если, таким образом, для этого подъема необходимо накопление капитала, то возникает вопрос: не является ли именно крупное капиталистическое предприятие наиболее положительной формой с точки зрения народнохозяйственных интересов. Не относится ли и к земледелию в полной мере одно из основных положений Маркса: „развитие производительных сил общественного труда есть историческая задача и оправдание капитала. Этим именно он бессознательно создает материальные условия высшей формы производства“?

Проблема концентрации капиталов в сельском хозяйстве.

Защитники мелкого земледелия обычно любят ссылаться на „специфические особенности“ сельского хозяйства, которые мешают проявлению в нем тем чертам эволюции, которые свойственны индустрии. Господство органических процессов и ряд связанных с ними технических и экономических последствий препятствуют, с точки зрения этих авторов, концентрации капиталов в сельском хозяйстве и пролетаризации земледельческого населения.

Мы видели однако, что „закон“ падения производительности труда, как непременное следствие своеобразных черт земледельческого производства, нивелируется, действие его сводится к нулю под давлением технического прогресса в самом широком смысле этого слова. Эволюция научных знаний и возможность применения их на практике настолько охватывают эту неприступную когда-то крепость „особенностей“ земледелия, что можно уже ставить вопрос несколько иначе, чем ставят его обычно сторонники школы Давида, Герца и т. п. Если они говорят о том, что эволюция сельского хозяйства, благодаря специфическим его чертам, идет в сторону, противоположную той, в направлении которой развивается индустрия, то после всего того, что было нами сказано о значении технического прогресса в земледелии, возникает сомнение: не сводится ли значение этих своеобразных черт лишь к замедлению той общей тенденции, которая свойственна эволюции земледелия и индустрии.

Может быть в сельском хозяйстве так же, как и в индустрии, происходит отделение производителей от средств производства и концентрация последних сравнительно в немногих руках, но только процесс этот задерживается, а отнюдь не нивелируется?

Остановим наше внимание на первой половине проблемы: происходит ли пролетаризация земледельческого населения? Спорность этого вопроса до настоящего времени, несмотря на многолетние попытки его разрешения, служит лучшим доказательством того, что процесс пролетаризации если и существует, то очевидно в такой скрытой форме, или в таком незначительном размере, которые в состоянии ввести в заблуждение науку и исследователей.

Если многолетний спор о пролетаризации земледельческого населения не привел ни к каким результатам, несмотря на ряд чрезвычайно солидных

доводов обоих спорящих сторон, то не происходит ли это от того, что перед нами задерживающийся на промежуточной стадии процесс, т.-е. скорее не процесс, а тенденция

Установившееся деление сельского населения по социальному признаку различает три группы: 1) крупные землевладельцы, 2) крестьяне и 3) сельско-хозяйственные батраки.

Вопрос о пролетаризации разрешается обычно в зависимости от того, обнаруживают ли крестьянские хозяйства стремление к разорению или, наоборот, крепнут, в свою очередь поглощая помещичьи хозяйства. Для того, чтобы разрешить вопрос о судьбе крестьянского хозяйства, его со времен Энгельса в свою очередь разбивают на три группы: крупное, среднее и мелкое.

Весь вопрос разрешается в зависимости от того, растет ли средняя группа, за счет крайних (процесс нивелировки) или крайние—за счет средней (процесс диференциации).

Гибель помещичьего хозяйства обычно трактуется, как гибель крупной формы сельско-хозяйственного предприятия, при чем совершенно игнорируется разница между размерами площади и размерами хозяйства. Выше уже достаточно много говорилось об этой разнице, поэтому мы считаем, что на примере помещичьего хозяйства, усиленно ликвидирующегося, можно с уверенностью говорить лишь о печальной участи крупно-земельного хозяйства, но далеко не с такой уверенностью приходится видеть здесь гибель крупного хозяйства, так как говорить о судьбе последнего можно лишь на основании изучения его бюджета, а не числа десятин.

В этом отношении к крестьянскому хозяйству наши исследователи подошли с гораздо более глубокой и серьезной методологической точки зрения. Вопрос о размерах крестьянских хозяйств разрешается уже не на основании площади землепользования, а на основе данных, могущих служить более надежным показателем. Наиболее правильными из всех разнообразных признаков группировки, применявшихся у нас в России, являются размеры посевной площади и размеры скотоводства.

Эти признаки могут быть названы именно наиболее, но не совершенно правильными, в виду того, что оба они действительно связаны с размерами капитала в хозяйстве, но лишь при наличии одной общей системе хозяйства, системе полеводства и т. д.

Вряд ли требуются особые доказательства того, что одна десятина посева представляет равноценность другой лишь в том случае, если обе засеяны одним и тем же растением, одинаково обработаны и т. д. Поэтому пользоваться масштабом посевной площади и скотоводством на наш взгляд можно лишь при сравнении хозяйств: 1) небольшого географического района и 2) заранее зная, что система использованной земли одна и та же.

Вторая оговорка, которую необходимо сделать, заключается в том, что анализ каждой из групп крестьянских хозяйств может дать увеличение или уменьшение, но выводы из этого могут быть сделаны лишь путем сравнительного анализа всех групп одновременно. Так, допустим, что наш анализ показал увеличение количества мелких хозяйств: это может означать тенденцию к пролетаризации лишь в том случае, если увеличение произошло за счет группы средних или крупных хозяйств. Если же количество мелких хозяйств возрасло при неизменности числа средних и крупных, то, очевидно, это увеличение имеет какую-либо другую причину: бегство населения из городов в деревню и получение там небольших наделов, или что-нибудь подобное. В этом случае мы имеем процесс, диаметрально противоположный пролетаризации сельского населения.

Точно так же рост числа средних хозяйств может быть показателем не нивелировки, а измельчания хозяйства, т.-е. тенденции к пролетаризации, если он произошел за счет числа более крупных хозяйств.

Итак, говорить о пролетаризации, или о тенденции к ней, в области крестьянского хозяйства можно лишь в том случае, если увеличение количества более низких групп произошло за счет всех или какой-либо одной из более высших.

Что дает нам для разрешения этого вопроса русская статистика?[1])

К сожалению, она почти ничего не дает, так как повторных обследований в России почти не производилось, и те, которые производились, почти всегда базировались на неоднородных программах, а потому давали сведения не сравнимые. В этом отношении нельзя не согласиться с замечанием Н. Суханова: „К несчастию, говорит он, возможность сопоставления данных за два периода времени встречается в нашей земской статистике только как исключение. Конечно, выработка новых программ обследований и новых приемов разработки обусловливается стремлением статистиков к совершенству. Но проистекающий отсюда об'ективный дефект земской статистики чрезвычайно велик и едва ли искупается большим совершенством некоторых (ни в коем случае не всех) повторных исследований: ибо этот дефект совершенно отрезает путь к изучению динамики крестьянского хозяйства на основании материалов, обладающих указанными выше достоинствами".

Правда, Н. Суханов находит способ восполнить этот недостаток следующим образом. Можно, по его мнению, „уяснить себе общее направление эволюции крестьянского хозяйства косвенным путем, — путем сопоставления данных о статике, относящихся к различным местностям более развитой и более первобытной хозяйственной жизни: *если установлен критерий экономической зрелости и общий характер будущих экономических отношений* (курсив мой) в экономически развитой местности или стране, то при отсутствии непосредственных динамических данных, сопоставление в пространстве до известной степени могут заменить сопоставление во времени, исследование статики до известной степени может заменить динамическое исследование"[2]).

Н. Суханов принадлежит к числу авторов, имеющих обыкновение резко и прямолинейно ставить и разрешать вопросы, поэтому особенно симптоматичным является его очень осторожный подход к данному вопросу.

Он, очевидно, прекрасно чувствует свою методологическую погрешность. Установление „критерия экономической зрелости" слишком сложная и спорная проблема, чтобы на нем можно было базироваться. Но если даже допустить возможность такого установления, то основываться на „общем характере будущих экономических отношений" нельзя, ибо проблема, в сущности, и сводится к тому, чтобы уяснить себе эти будущие отношения. Задача именно и заключается в том, чтобы на основании прошлого и настоящего уяснить возможность будущего, а не наоборот, как предлагает Суханов, — на основе гадательного будущего сделать заключение о настоящем.

Применяя такой метод, мы могли бы разрешить вопрос о наличии дифференциации крестьянского хозяйства, например, Самарской губернии, рассуждая следующим образом. Критерий экономической зрелости выражен в Московской губернии сильнее, чем в Самарской; нам кажется, что развитие экономических отношений в Самарской губернии пойдет по тому пути, по которому в свое время шла Московская губерния. Сравнивая статику

---

[1]) Материал мною берется не из первоисточников, а по сочинениям разных авторов, труды и фамилии которых мною указываются в сносках.

[2]) «К вопросу об эволюции сельского хозяйства», стр. 181.

крестьянского хозяйства обоих губерний, приходим к выводу, что дифференциация сильнее в Московской губернии, следовательно, такая же судьба ждет и Самарскую губернию. Вряд ли однако можно такой метод считать удовлетворительным.

Поскольку известно, повторные обследования крестьянского хозяйства имели место лишь в следующих районах: по Мариупольскому уезду, Николаевскому уезду Самарской губернии, по Полтавской губернии, по 5 уездам Воронежской губ., по Вяземскому уезду, Симферопольскому уезду и Перекопскому уезду.

Однако эти обследования покоятся на таких критериях, которые могут быть положены в основу изменения хозяйства лишь с очень и очень большими оговорками, так как в лучшем случае приходится основываться на размерах посевной площади. Как уже указывалось, этот критерий может быть принимаем лишь при наличии равенства всех прочих хозяйственных условий — системы хозяйства, качества обработки почвы, системы полеводства и т. д. Но даже и с этими оговорками имеющиеся данные не могут быть признаны достаточными. Что касается Симферопольского и Перекопского уездов, то от анализа их данных приходится отказаться по причинам, указанным Б. Книповичем: [1]) „Прежде всего сравнения возможны лишь по 4-м группам, при том обрывающимся на сеющих 10 и более десятин. Далее приходится сравнивать число домохозяев (дворов) с числом семейств и число дворов — с числом семей. Но это вряд ли могло сколько-нибудь существенно повлиять на относительную величину групп, тем более, что сборники не придерживаются определенной терминологии, — в той же книге речь идет то о семьях, то о хозяйствах, то о дворах, то о домохозяевах".

По Мариупольскому уезду имеются следующие данные: [2])

% дворов Размеры посевов	1886 год.	1901 год.	Разница в % %
1 без посевов	4,6	6,8	+47,8%
2 с посевом до 5 дес	19,3	15,7	—18,7%
3 » » от 5 —10 »	28,7	28,0	— 2,5%
4 » » » 10—20 »	35,1	29,8	—15,2%
5 » » » 20—50 »	11,6	17,6	+51,7%
6 » » свыше 50 »	0,7	2,1	+200,0%

Из этих данных Б. Книпович делает вывод о том, что „наблюдается чистый вид дифференциации — рост крайних групп и „вымывание середины". Такой вывод должен быть признан в общем правильным, хотя, не имея абсолютных цифр, нельзя быть уверенным, что увеличение максимальных групп произошло за счет средних, а не за счет измельчания и перехода в крестьянские руки помещичьих хозяйств.

---

[1]) «К вопросу о дифференциации русского крестьянства», стр. 44.

[2]) Тоже, стр. 35. Но Книпович в свою очередь берет сведения из статьи Земцова «Краткий обзор экономического положения населения Мариупольского уезда», помещенной в «Сборнике статей Екатеринославского Научного Общества по изучению края», Екатеринослав, 1905 год.

Если такой переход имеет место, то перед нами не столько дифференциация, сколько сдвиг вниз. Но в) всяком случае, даже при отсутствии перехода помещичьих земель в крестьянскую собственность, перед нами налицо измельчание хозяйств части сельского населения.

Тем не менее данные эти не могут быть признаны достаточно полными, точно так же, как и данные по Николаевскому уезду, Самарской губернии. По этому уезду имеются цифры за 1888 и 1898 г.г. о количестве рабочего скота.

Из 100 надельных хозяйств приходится:

ГОДЫ.	Без рабочего скота	Имеющих рабочего скота (штук)					
		1	2—3	4	5—10	10—20	20 и более
1888	10,71	18,83	23,86	12,13	22,15	6,30	1,02
1893	14,66	26,75	32,40	9,82	12,93	3,45	0,40
Разница в %%	+32,2%	+42,1%	+12 6%	—19,0%	- 41,6%	- 45,2%	—60,8%

На этих цифрах базируют свои выводы Румянцев[1]) и Н. Суханов[2]), причем первого они убеждают в наличии дифференциации, второй приходит к убеждению о нивелировке крестьянского хозяйства. Мы думаем, что неправ ни тот, ни другой, а прав Б. Книпович, считающий приведенные данные недостаточными для каких-либо выводов. Он правильно допускает мысль, что „сельская буржуазия здесь улучшала качество скота и могла поэтому обрабатывать запашку того же размера меньшим числом голов скота". Кроме того, он указывает на рост применения сельско-хозяйственных машин, в виду чего базироваться на данных, относящихся только к количеству скота, нельзя.

По Полтавской губернии имеются следующие цифры:[3])

ГРУППЫ ХОЗЯЙСТВ.	Число хозяйств в тысячах.		Разница.	
	1882 — 89 гг	1900 г.		
1) Безземельные и беспахотные.	60,3	64,3	+ 4,0	
2) Имеющие пахотной земли до 1 дес. . . .	14,1	26,3	+12,2	+ 33,7
3) » » » от 1— 2 дес.	35,9	51,5	+15,6	
4) » » » » 2— 3 »	36,8	43,7	+ 6,9	

[1]) «Эволюция русского крестьянства». Ст. в «Очерках реалистического мировоззрения», 1902 г.

[2]) Цитированное сочинение.

[3]) Цитированное сочинение.

ГРУППЫ ХОЗЯЙСТВ	Число хозяйств в тысячах.		Разница	
	1882—89 г.г.	1900 г.		
5) Имеющие пахотной земли до 3— 6 дес	95,8	91,3	— 4,5	
6) » » » » 6— 9 »	41 2	38,6	— 2,6	—7,1
7) » » » » 9—15»	25,4	25,4	0	
8) » » » » 15—50 »	15,3	16,9	+ 1,6	+2,3
9) » » » свыше 50 »	1.3	2,0	+ 0,7	
Итого . . .	326,1	360,6	+33,9	

Как видим, увеличилось число мелких и крупных хозяйств, при чем это увеличение произошлэ за счет средних групп. Это убеждает Б. Книповича в наличии диференциации. Возможно, что это и так, но уверенности в этом не может быть, так как неизвестно не возросли ли размеры крестьянского землепользования за счет помещичьего. Если такой процесс действительно имел место, то возможно что перед нами то же, что и в Мариупольском уезде—не диференциация, а сдвиг вниз.

То же явление наблюдаем и в 5-ти уездах Воронежской губернии:

ГРУППЫ ХОЗЯЙСТВ	Число хозяйств в тысячах.		Разница	
	1885—87 гг.	1900 г		
1) Без посевов	3,3	3,4	+ 0,1	
2) С посевом до 1 дес.	0,5	1,0	+ 0,5	
3) » » от 1 до 5 дес.	15,8	19,8	+ 4,0	+5,7
4) » » » 5 » 10 »	13,0	14,1	+ 1,1	
5) » » » 10 — 20 »	6,3	6,2	— 0,1	
6) » » » 20 — 40 »	1,2	0,8	— 0,4	—0,5
7) » » свыше 40 »	0,1	0,1	0	
Итого	40,2	45,4	+ 5,2	

Этим и ограничиваются цифры, по которым можно было бы судить о динамике крестьянского хозяйства. Как видим, данные эти слишком незначительны для каких-либо выводов. Можно признать достаточными цифры лишь по Полтавской губернии и 5-ти уездам Воронежской. Кстати сказать, именно эти данные говорят о сдвиге вниз, а не о диференциации.

Не больше ясности на проблему эволюции крестьянского хозяйства в России проливают и данные о промыслах, каковые могли бы быть весьма существенным показателем той или иной тенденции развития крестьянского хозяйства. Очевидно, крестьянин обращается к кустарным, и в особенности к отхожим, промыслам только в том случае, если его земледельческое хозяйство не в состоянии удовлетворять потребности семьи. Поэтому увеличение числа промышленников в крестьянском хозяйстве является признаком падения земледельческой части хозяйства.

При этом совершенно безразлично, падает ли земледельческая часть или она даже развивается, но только медленнее, чем растет население. И в том и в другом случае недостаток продуктов в земледелии пополняется доходами от промысла. Н. Суханов приводит следующую, чрезвычайно показательную таблицу.

ГУБЕРНИИ.	% хозяйств с посевом десятин								% промышленников в семье (обоего пола)
	6—9	9—12	12—15	15—20	20—25	25—40	40—50	Свыше 50	
Таврическая . .	66	55	46	41	27	18	9	3,7	2,3
Самарская .	50	35	25	18	11	7	2,2	—	8,3
Харьковская . .	45	25	15	8	4	1,3	—	—	13,7
Пермская . . .	49	15	2,7	1,8	1,0	—	—	—	19,9
Воронежская .	38	20	12	6,5	2,2	—	—	—	29,0
Орловская . .	36	18	9	4,7	1,3	—	—	—	30,5
Вятская . . .	49	17	7	2,6	—	—	—	—	33,9
Калужская . . .	26	9	3,5	—	—	—	—	—	35,0
Смоленская . . .	23	6,7	2,0	—	—	—	—	—	37,2
Ярославская . . .	3,3	0,5	—	—	—	—	—	—	46,9
Вологодская . .	1,4	—	—	—	—	—	—	—	53,1
Владимирская . .	7,1	1,1	—	—	—	—	—	—	68,7

По поводу этих цифр А. Кауфман[1]) вполне справедливо замечает: „если не считать Пермскую губернию, в состав которой входят слишком различные и по естественным условиям, и по хозяйственному строю местности, то цифры эти обнаруживают строжайшую обратную зависимость между распространенностью промыслов, с одной стороны, и, не столько даже с общими

[1]) «Вопросы экономики и статистики крестьянского хозяйства». Стр. 303

средними размерами посевных площадей, сколько распространенностью более значительных запашек: чем больше в какой-либо местности ‰ хозяйств с более значительными посевами, тем меньше в ней ‰ промышленников— и обратно".

Но к сожалению, несмотря на громадный интерес, проявленный русскими исследователями к вопросу о крестьянских промыслах, здесь также о каких-либо точных цифрах говорить не приходится. Об'ясняется это, во-первых, отсутствием повторных обследований по многим районам, что делает невозможным сравнение и, следовательно, знакомство с динамикой. Во-вторых, крайнее разнообразие видов как кустарных, так и отхожих промыслов чрезвычайно затрудняет их учет. Стоит вспомнить хотя бы о найме или поденной работе крестьянина в помещичьей усадьбе, чтобы ясно представить себе, насколько должны быть неточны статистические цифры о занятиях крестьянства вне своего сельского хозяйства.

Вопрос осложняется еще тем обстоятельством, что для наших целей важны не столько абсолютные цифры промышленников, сколько отношение их количества к количеству всего крестьянского населения. Рост числа промышленников без сравнения с ростом всего крестьянского населения еще не говорит о падении земледелия; это падение имеет место лишь в том случае, если число промышленников растет интенсивнее числа крестьянского населения.

По ряду губерний нам известно, например, % отношение отхожепромышленников к общему количеству крестьянского населения, но только за один какой-либо год; следовательно, проследить динамику невозможно. По другим губерниям известно абсолютное количество отхоже-промышленников за ряд лет, но неизвестно количество крестьянского населения за эти годы. По переписи 1917 года можно высчитать отношение промышленников вообще (не только занятых отхожим промыслом) за этот год, но опять таки за один этот год, так как подобных данных нет в переписях прежних лет.

В виду всего этого нам ничего не остается, как присоединиться к следующим словам А. Кауфмана, которыми он заканчивает анализ крестьянских промыслов в указанном нами сочинении: „Из приведенного обзора, при всей его неполноте, читатель, конечно, видит, что задача дать в таблицах сколько-нибудь полную цифровую характеристику промысловой деятельности населения до сих пор остается не разрешенной: какие бы ни взять сборники, — везде либо один признаки разрабатывались в ущерб другим, либо комбинации признаков разрастались в ущерб полноте их, либо, наоборот, полнота—в ущерб даже необходимейшим комбинациям. И нельзя скрыть от себя, что задача эта в виду разнообразия сторон, характеризующих промыслы как сами по себе, так и в отношении к крестьянскому земледельческому населению, и сложности взаимоотношений между этими признаками, неимоверно трудна. Нужно найти какую-то среднюю линию: взять все необходимые признаки и все необходимые комбинации—и не впасть в излишество. Пока эта средняя линия не найдена".

Итак, на вопрос — происходит ли пролетаризация крестьянского населения—мы, очевидно, определенно ответить не можем, так как нет цифр, которые с очевидностью показывали бы наличие или отсутствие этого процесса. Однако приходится задуматься над тем, в какой форме может протекать эта пролетаризация

Часто этот процесс представляется как постепенное измельчание уже и без того мелкого хозяйства и затем наступление его ликвидации, которая выражается в присоединении участка земли к земле крупного хозяйства-победителя. А так как земля обладает свойством пространственности и коли-

чество ее на земном шаре ограничено, то возникает мысль, что появление крупного предприятия в сельском хозяйстве может быть только *вместо* мелких, а *не рядом* с ним. Эта мысль отчетливо выражена Каутским:

„В странах со старой культурой необработанная земля, которая еще может быть присоединена к культурной площади, составляет ничтожную величину, еле заметную в сравнении с теми суммами, которые из года в год накопляет капитализм. Землевладелец может увеличить свое именье только при помощи процесса концентрации, соединения многих владений в одно. В индустрии процесс накопления может происходить независимо от процесса концентрации, обыкновенно первый даже предшествует последнему. Может быть создан крупный капитал, может быть основано крупное промышленное предприятие без всякого ущерба для мелких капиталов, без уничтожения самостоятельности мелких предприятий. Последнее вообще является следствием, а не предпосылкой возникновения крупного промышленного предприятия. Для того, чтобы основать в данной местности сапожную фабрику, нет необходимости экспроприировать местных сапожников-ремесленников. Только когда сапожная фабрика упрочивает свое существование и достигает успеха, она вызывает разорение мелких сапожных мастерских и экспроприацию их крупным производством. Но именно процесс накопления, нарастание нового капитала из непотребленной прибыли и создает крупный капитал для основания сапожной фабрики. Напротив, там, где земля перешла в частную собственность и где всецело господствует мелкое землевладение, там важнейшее для сельского хозяйства средство производства — земля может быть добыто для крупного хозяйства только при помощи концентрации мелких владений. Падение большого числа мелких хозяйств является здесь необходимой предпосылкой появления крупного хозяйства. Но этого мало: экспроприируемые владения должны еще составлять общую площадь, чтобы из их соединения могло возникнуть крупное хозяйство".

Я сознательно привел эту большую цитату для того, чтобы сделать ясным то смешение понятий, которое допускает даже такой авторитетный ученый как Каутский.

По его мнению, для получения крупного *хозяйства*, необходима предварительная концентрация *земли*, так как он исходит из той предпосылки, что размеры земельной площади являются показателями размеров предприятия. А так как это в корне не верно, то очевидно, что для образования *крупно-земельного* хозяйства действительно необходима предварительная экспроприация мелких земельных собственников, но для образования *крупного хозяйства* требуется лишь концентрация крупного капитала, что возможно и без предварительного разорения мелких хозяйств.

Поэтому крупное сельско-хозяйственное предприятие может возникнуть среди мелких совершенно так же, как сапожная фабрика среди сапожников-ремесленников. Короче говоря, экспроприация земли у мелких собственников отнюдь не является необходимой предпосылкой для возникновения крупного сельско-хозяйственного предприятия.

Каутский вполне прав, признавая два пути, по которому идет образование крупных капиталов в индустрии — накопление и концентрация. Так как мы, в противоположность Каутскому, не делаем принципиального отличия в этом вопросе между индустрией и сельским хозяйством, то мы должны допустить наличие обоих путей образования крупных капиталов и в сельском хозяйстве.

Таким образом, перед нами вопрос: имеет ли место в сельском хозяйстве образование крупных капиталов (т.-е. крупных хозяйств), и если от-

вет окажется положительным, то в какой форме происходит это образование— в форме ли накопления или концентрации?

Остановимся сначала на концентрации.

Под этим термином об'единяются, в сущности, два довольно отличные по своей форме процесса, или, вернее, два вида одного и того же процесса, из которых один, с нашей точки зрения, может сыграть в сельском хозяйстве значительную роль.

Обычная, наиболее бросающаяся в глаза, форма этого процесса заключается в том, что в силу более дешевой себестоимости товаров, производимых крупными предприятиями, последние имеют возможность сбыть продукт дешевле, чем мелкие, получая при этом бо́льшую прибыль. Продукты, изготовленные мелким предприятием, теряют сбыт, если не будут продаваться так же дешево, как продукты крупных предприятий. Поэтому мелкое предприятие принуждено прекратить свое существование.

Эта гибель обычно происходит в форме распродажи остатков имущества и распыления таким способом мелкого капитала. Сравнительно редко случается, что капитал мелкого гибнущего предприятия присваивается крупным конкурентом, так как обычно эти мелкие предприятия не представляют ни в каком отношении ценности для крупного: сапожная фабрика не станет покупать жалкие остатки товаров и инвентарного оборудования ремесленной мастерской мелкого сапожника, прекратившего свое самостоятельное производство.

Главная выгода крупного предприятия от победы, весь смысл и значение этой победы—захват рынка, т.-е. привлечение покупательной силы населения к своему предприятию. Таким образом, эта форма концентрации фактически касается капиталов не тех мелких предприятий, которые гибнут в борьбе с крупными, а капиталов или, вернее, покупательных средств населения, каковые теперь направляются тысячами мелких путей в монопольную кассу предприятия-победителя.

Эта форма концентрации настолько ясна, что с полным правом может быть названа „явной формой концентрации".

Другая форма более скрыта от невооруженного глаза и состоит в том, что покупательные средства населения попрежнему продолжают направляться в мелкое предприятие, хотя последнее совершенно прекратило свое самостоятельное существование и сделалось лишь одной небольшой частью крупного предприятия. Капитал таких мелких предприятий сохранился и не распылился, но экономически слился с целым рядом других мелких и крупных капиталов.

Такая форма концентрации проходит ряд стадий, что еще больше затуманивает ее фактическое содержание. Наиболее чистой формой такой „скрытой концентрации" является „домашняя форма промышленности". Как на пример, можно указать на крупные фирмы готового платья Москвы и других крупных городов. Известно, что эти фирмы имели в центре только очень небольшие закройные мастерские, а весь материал в закроенном виде развозился по мелким ремесленникам-портным, живущим преимущественно в деревнях, где из этого материала шилось готовое платье, которое затем возвращалось в центр и здесь продавалось в магазинах фирмы. Орудия и средства производства составляли собственность фирмы.

С первого взгляда такая организация производства может показаться простой совокупностью мелких самостоятельных ремесленников, попавших в зависимость скупщику. Крупная фирма является не производственным, а лишь торговым предприятием, производство же сосредоточено в избах этих ремесленников.

Но в действительности перед нами не только крупная торговля, но и крупное производственное предприятие, которое имеет свои орудия производства и наемных рабочих, но не сосредоточенных в одной фабрике, а разбросанных по отдельным мелким мастерским. Первоначально это были действительно самостоятельные мелкие производители. Но затем, не выдержав конкуренции со стороны крупной торговой фирмы, они потеряли право собственности на орудия производства и превратились в наемных рабочих, а самую фирму из торгового превратили в производственное крупное предприятие, сконцентрировавшее капиталы мелких предприятий, а не только покупательные средства населения.

Эта форма концентрации названа мною „скрытой", потому что в результате ее не происходит никаких наружных изменений в процессе производства. На месте мастерской не вырастает фабрика, паровая машина не заменяет станка, бывший ремесленник продолжает работать там же, где и раньше, в той же деревне и в той же избе, имеет дело с той же фирмой, производит тот же товар и теми же орудиями производства. Не изменилось ничего, кроме права собственности и вместе с этим социального положения производителя.

При исследовании экономического положения таких производителей неискушенный исследователь может притти к заключению, что размеры предприятий падают, если, например, увеличивается число портных, пользующихся лишь одной швейной машиной, за счет сокращения числа, имеющих две такие машины. Вывод имеет свои основания, если не знать, что в то время, когда налицо было мелкое предприятие ремесленника, он *имел две машины*, а теперь в роли наемного рабочего он *не имеет ни одной*, а работает *на машине, принадлежащей крупному предприятию*, у которого сотни таких машин. Таким образом, перед нами фактически не измельчание предприятия ремесленника, а появление на его месте крупного предприятия, благодаря скрытой форме концентрации.

Нет ли аналогичного процесса и в области сельского хозяйства?

Концентрация производства в форме домашней промышленности является завершением исторически более ранней формой работы для скупщика. П. Лященко *) совершенно прав, говоря, что „развитие капиталистических отношений, господство капитала и капиталистических принципов вообще никогда не начинается с подчинения им непосредственно и сразу сферы производства: производительному капиталу в обще-экономической эволюции всегда предшествует торговый капитал, капиталистическому производству— капиталистически организованный обмен".

В результате подробного анализа русского исторического и статистического материала, П. Лященко приходит к следующему выводу: „Как и всякая вообще мелкая промышленность, так и крестьянская земледельческая промышленность могла лишь до тех пор сохранять свой самостоятельный характер „народного производства," пока она работала на близкий, местный и небольшой рынок, пока сохранялась возможность непосредственного и самостоятельного общения производителя с этим рынком, на подобие отношений к рынку ремесленного производителя. Но как только появилась необходимость работать не для собственного потребления, а массовый продукт для обширного рынка, то сферой обращения должен был завладеть капиталист-посредник, торговый капитал, и все земледельческое хозяйство подпало под его влияние". **)

---

*) «Очерки аграрной эволюции». Том 1-й, стр. 8.
**) Там же, стр. 421.

Пока такая форма работы на скупщика только еще развивается и крепнет она сравнительно незначительно отражается на производстве крестьянина, но, с течением времени, неминуемо должно будет появиться стремление скупщика к превращению в предпринимателя - владельца сельскохозяйственными орудиями производства Но это вопрос дальнейшей эволюции, а пока П. Лященко пытается в своем сочинении „наметить лишь первоначальную и подготовительную стадию развития земледельческого капитализма, ту стадию, которая после разрушения натуральных основ земледельческого хозяйства и с возникновением работы на рынок, выражается в подчинении некапиталистического хозяйства, в его отношениях к рынку, торговому капиталу".

Работа П. Лященко появилась в печати в 1908 году, в момент чрезвычайно обострившихся аграрных отношений в России, а также и споров между двумя основными направлениями сельско-хозяйственной экономии. Такие „ультра-марксистские" выводы автора не могли не вызвать града упреков и возражений со стороны защитников мелкого земледелия.

Из всех возражений, сделанных автору, наиболее серьезным являются возражение Н. Огановского в I-ом томе его „Закономерности аграрной эволюции" и А. Миклашевским—в его отзыве о труде П. Лященко.

Остановимся сначала на возражениях Н Огановского. Он задается вопросом, которым, по его мнению, должен был бы заняться П. Лященко: почему земледелие отстало от индустрии, переживая пока еще только эпоху развития и укрепления торгового капитализма? „Автор, говорит Н. Огановский,*) не задается таким вопросом; вообще он совершенно игнорирует все вопросы, касающиеся производства и распределения в сельском хозяйстве Его нисколько не удивляет, что в России и в Европе переход от натурального хозяйства к меновому привел не к концентрации, а наоборот, к раздроблению землевладения".

Это действительно не удивляет П. Лященко, но не должно удивлять вообще никого, кто понимает разницу между хозяйством и землевладением. Н. Огановский видит в этом историческом процессе дробления *землевладения* „яму марксистскому мировоззрению", якобы вырытую самим П. Лященко, так как „изложение эволюции торгового капитала в земледелии должно привести г. Лященко к выводу, что то „разложение", которое этот капитал производит в прежнем натуральном хозяйстве, есть разложение преимущественно крупного, а не мелкого *хозяйства*".

Позволительно будет заметить, что к такому выводу П. Лященко совершенно и не должен был приходить, а П. Огановский не мог к нему не притти, ибо для него понятие „хозяйство" и „землевладение"—синонимы. Для тех, кто видит разницу между этими понятиями, ясно, что процесс разложения крупного землевладения и процесс концентрации мелких хозяйств могут быть одновременными. Это тот самый процесс, который, как мы уже указывали, В. Ильин (Ленин) считает основным для развития капиталистического земледелия и который состоит в том, что „мелкое хозяйство, оставаясь мелким по площади земли, превращается в крупное по размерам производства".

В конце концов острота вопроса даже не в том, возможен ли такой двоякий процесс, а в том, имеется ли он в действительности, хотя бы в нашей русской П Огановский считает приувеличенными цифры, приводимые П. Лященко в доказательство подчинения сельского хозяйства капиталу.

Но даже, если и действительно цифры П. Лященко преувеличены, то это все равно ничего не опровергает, пока Н. Огановский не докажет, что подчине-

*) «Закономерность аграрной эволюции». Том 1-й, стр. 120

ния земледелия торговому капиталу нет и не может быть в силу об'ективных условий. Сознавая это, он пытается доказать, что крестьянское хозяйство не может не быть натуральным, что степень его втянутости в меновой оборот дальше увеличиваться не может. В качестве фундамента для таких выводов автор приводит следующее положение: *) „не надо забывать, что интенсификация связана, главным образом, с сгущением населения. Если при интенсификации повышается урожайность единицы площади, то, с другой стороны, *размеры каждого хозяйства сокращаются* (курсив мой, А. М.), так что сумма продуктов в трудовом хозяйстве по отношению к населению изменяется очень немного. Немного, следовательно, изменяется и количество излишков от личных и хозяйственных расходов, которые можно пустить в продажу".

Опять мы видим все то же смешение хозяйства и земельной площади. Что увеличение плотности населения влечет за собой дробление земельной площади—факт хорошо всем известный; но известно также и то, что для получения с меньшей площади земли прежней продукции, или даже большей для удовлетворения возросших потребностей, необходимо организовать хозяйство так, чтобы путем увеличенных затрат труда и капитала, т.-е. при увеличении размеров хозяйства, производить те продукты, которые легче всего производятся при данных природных условиях и которые в то же время дороже всего ценятся на рынке.

Только при этом условии, т.-е. при большем вовлечении хозяйства в меновой оборот, оно может поднять свою доходность. Напрасно И. Огановский думает: **) „если крестьянин продаст продукты, необходимые для пропитания, ему придется их же покупать на рынке гораздо дороже". По мере экономического развития крестьянин все меньше будет ставить себе задачей производить нужные ему самому продукты, поняв выгоду производства дорогих продуктов для рынка и покупки на нем же многообразных предметов своего потребления. Словом, крестьянин будет все больше производить не то, что нужно ему самому, а то, что нужно рынку, и на нем уже покупать все необходимое. Покупка на рынке означает отказ от однообразия потребления предметов домашнего производства, т.-е. отказ от замедления в развитии потребностей крестьянского населения.

Развитие рыночности сельского хозяйства является непреложным историческим процессом; и недаром немецкие авторы во главе с такими авторитетами, как Aereboe, Waterssträdt и др. отводят влиянию рынка на организацию хозяйства не меньшую роль, чем природным условиям.

Недаром Ленин в своей известной статье „О продовольственном налоге" говорит: „В мелко-крестьянской среде преобладает и не может не преобладать мелкобуржуазная стихия: большинство и громадное большинство земледельцев—мелкие *товарные* производители".

А если рыночность крестьянского хозяйства должна увеличиваться, то вместе с этим не могут не укрепляться и об'ективные условия для захвата его торговым капиталом.

Сам же И. Огановский утверждает, что „в сельском хозяйстве крупной, массовой постановки дела требуют торговые операции, к которым относятся: кредит, сбыт, покупка". Как соединить это с тем, что „крестьянское производство в общем ходе аграрной эволюции неминуемо будет удерживать в значительной доле свой натуральный характер"? (Стр. 129).

---

*) Там же, стр. 129.
**) Там же стр. 130.

Таким образом, Н. Огановский сам должен признать, что известная втянутость крестьянского хозяйства в меновой оборот имеется налицо, а следовательно, повторяем, есть и об'ективные условия для захвата его торговым капиталом. Попытку Н. Огановского доказать противное можно считать неудавшейся и причину этой неудачи нетрудно увидеть в прискорбном смешении понятия хозяйства и земельной площади.

Что касается возражения А. Миклашевского,[1]) то он, главным образом, обращает свое внимание на то теоретическое положение П. Лященко, которое заимствовано им у Зомбарта, именно о накоплении рент, а также на изображение аграрной эволюции до XIX века, каковая, по мнению А. Миклашевского, изображена у Лященко неправильно.

Но относительно интересующего нас вопроса, именно вопроса о господстве торгового капитала в нашем земледелии и о форме этого господства в виде работы на скупщика, А. Маклашевский делает только два замечания. „Мне думается, говорит он, что вывод этот запоздал приблизительно лет на 30, когда так широко и почти исключительно процветала у нас испольная система". Второе замечание говорит о том, что Россия слишком обширна, чтобы можно было сделать огульные выводы. Ни то ни другое замечание А. Миклашевского однако нисколько не колеблет положения П. Лященко, ибо указания, что автор ошибся лишь во времени (первое замечание) и в пространстве (второе замечание), лишь подтверждает правильность его общей теоретической мысли, именно, что работа на скупщика занимает известную эпоху в истории нашего хозяйства, а так как смены исторических периодов происходят в различных районах разным темпом, то, очевидно, статическая точка зрения не может охватить динамики, происходящей во всей массе всех районов.

Таким образом, как бы ни ошибался П. Лященко в своих цифрах, как бы не критически ни относился к основным теоретическим положениям Зомбарта, все же его вывод, единственный интересный для наших целей, остается не опровергнутым ни Н. Огановским, ни А. Миклашевским.

Если же к выводам и рассуждениям П. Лященко присоединить материалы, безгранично разбросанные по нашей аграрной и кооперативной литературе, то станет ясной та очевидная истина, что наше крестьянское хозяйство. в начале XX века в той своей части, которая уже втянулась в меновой оборот, находилось под властью торгового капитала и работало на скупщика. Наша сельско-хозяйственная кооперация, которая превратилась уже в солидное социальное явление ведь есть ничто иное, как организованная форма крестьянского движения, направленного к освобождению от власти торгового капитала.

Если так, то возникает вопрос первостепенной важности: есть ли об'ективные данные к тому, что торговый капитал сыграет в земледелии ту же роль, какую он сыграл в индустрии, взяв на себя производственные функции и превратив крестьянина в наемного рабочего, лишенного всякого капитала и работающего на бывшей своей земле, в бывшем своем доме и т. д., принадлежащем теперь предпринимателю, об'единившему в своем предприятии более или менее значительное количество таких мелких хозяйств.

Этот вопрос должен быть расчленен на два: во первых, возможно ли по технико-экономическим основаниям наличие такого предприятия, и во-

---

[1]) „Отзыв о сочинении П. И. Лященко", ученые записки Юрьевского у-та.

вторых, в случае положительного ответа, есть ли об'ективные данные к тому, чтобы именно частный капитал оказался тем об'единителем, тем цементом, который создает такие предприятия.

Итак, можно ли представить себе существование сельско-хозяйственного предприятия крупных размеров, которое явилось в результате об'единения капиталов мелких хозяйств?

При этом должно особенно подчеркнуть путь об'единения именно капиталов, а не земельных площадей.

Английский лендлорд является собственником громадных земельных площадей, которые об'единены суб'ектом права собственности, хотя физически они и разбросаны по всей стране.

Но капитал, вложенный в эту землю, не об'единен, так как принадлежит отдельным фермерам, арендующим землю. Поэтому перед нами не одно предприятие лендлорда, а ряд предприятий фермеров. Крупный владелец земли как бы пускает свой материал (землю) в ряд производственных более мелких предприятий, размеры которого определяются капиталом, вложенным фермером, и капиталом данного участка земли. Если мы говорим об одном предприятии крупных размеров, об'единившем ряд более мелких, то мы должны представить себе крупное хозяйство, пользующееся не только землей, но и владеющее всем недвижимым и движимым имуществом, всем капиталом, и развивающее свою деятельность на этих разрозненных участках земли:, короче говоря, мы должны вспомнить те латифундии, о которых говорит Каутский в своем „Аграрном вопросе".

Такие хозяйства не обязательно должны иметь одну общую *усадьбу*, в каждом участке можно иметь такие центры, но все они об'единяются общим хозяйственным планом, их производственные функции дополняют одна другую, капиталы принадлежат одному общему суб'екту хозяйства.

Примером такой формы крупного хозяйства могут служить „экономии", имевшие место на Украине перед революцией, где сахароваренные заводы имели ряд „хуторов", каждый из этих хуторов имел свою определенную площадь земли, свою усадьбу, свою администрацию, но не был отдельным предприятием, потому что его организационный план был частью общего плана всей экономии, его производство было лишь частичным по отношению ко всему хозяйству, и его капиталы являлись лишь неразрывной частью всего капитала крупного хозяйства.

Наконец, чтобы недалеко ходить, вспомним наши пресловутые совхозы, об'единенные в синдикате, или бывшее наше удельное ведомство. Другой вопрос, рациональна ли такая организация, выгодна ли она, повышает ли производительность труда, но что она технически вполне возможна—неоспоримый факт.

Отчего не представить себе крупное предприятие, об'единяющее бывшие хозяйства крестьян? Вряд ли можно найти какие-либо технические препятствия к такому об'единению, в котором крестьяне, не изменяя обстановки своей работы фактически превращаются в наемных рабочих, прилагающих свой труд к бывшему своему участку земли.

Если таким образом нет оснований считать крупное предприятие, об'единившее капиталы мелких хозяйств и превратившее крестьян в наемных рабочих, технически неосуществимым, то это подводит нас ко второму из поставленных выше вопросов: есть-ли об'ективные экономические данные, чтобы скупщик превратился в предпринимателя-производителя, т.-е. чтобы он затрачивал свой капитал не на покупку продуктов крестьянского производства, а на средства производства и на выплату заработной платы крестьянам, превратившимся в его наемных рабочих.

На этот вопрос приходится ответить определенно отрицательно.

Весь смысл и назначение капитала сводится к получению максимальной прибыли. Поскольку это назначение способствовало превращению торгового капитала в производственный в индустрии, настолько оно же мешает скупщику превратиться в сельско-хозяйственного предпринимателя. Затраченный в сельском хозяйстве капитал дает меньшую прибыль, чем если ограничиться торговыми операциями. Главной причиной этого является медленность оборота капитала в земледелии. Оборачиваясь, как правило, один раз в течение года, капитал в сельском хозяйстве приносит значительно меньшую прибыль, чем в торговле, где он оборачивается иногда несколько десятков раз в году. Правда, благодаря тому, что сельско-хозяйственное предприятие в силу своих технических свойств должно быть в значительной степени универсальным, в нем имеются отрасли, доставляющие доход в разное время—одни осенью, другие зимой, третие летом, а некоторые, как например сбыт молока, и круглый год. Но все же, учитывая и это обстоятельство, нельзя сравнивать быстроту оборота капитала в сельском хозяйстве даже с быстротой его в промышленности, не говоря уже о торговле.

Вместе с этим в силу значительной зависимости сельского хозяйства от природных, в том числе метеорологических, явлений риск для капитала, затраченного в земледелии, значительно больше, почему и °/₀°/₀ на капитал должны быть выше.

Таким образом, сельское хозяйство с одной стороны обязано давать большую прибыль, чем торговля, но с другой стороны может давать только меньшую прибыль. Поэтому крупный капитал пойдет в сельское хозяйство лишь после достаточного насыщения страны капиталом, когда уровень °/₀°/₀ на капитал в торговле и промышленности значительно понизится.

Пока частный капитал стремится к получению максимальной прибыли, а в этом вся его сущность, до тех пор нет никаких об'ективных данных к захвату торговым капиталом производственных функций сельского хозяйства. Вот в этом отношении Ляшенко делает действительно большую ошибку, ожидая, что торговому капиталу в земледелии суждено выполнить ту же миссию, какую он в свое время выполнил в индустрии.

Итак, пока мы пришли к следующим выводам Говорить о наличии процесса пролетаризации крестьянства в России нельзя, так как нет достаточно полных и точных цифровых данных. Обычное представление об этом процессе не полное, так как подразумевает лишь одну форму концентрации, именно концентрацию земельных площадей. Эта форма нигде, ни в России ни на Западе не наблюдается. Однако возможна и другая форма концентрации, которая сводится к об'единению ценностей, а не физического их субстрата в виде земли и средств производства. Эта форма в индустрии известна под названием „домашней формы крупной промышленности". Непременной предпосылкой этой формы является „работа на скупщика", каковая имеет место и в нашем крестьянском хозяйстве. Технически превращение ее в „домашнюю форму крупной сельско-хозяйственной промышленности" возможно; но частный торговый капитал, не может обнаружить тенденции к захвату производственных функций в сельском хозяйстве.

Таким образом, единственно возможная форма концентрации капиталов в сельском хозяйстве, именно форма „домашней промышленности", не может быть осуществлена частным капиталом.

Тем не менее стремление мелкого земледелия к расширению своих размеров, к превращению в крупное, чрезвычайно велико.

Несмотря на то, что отдельные хозяйства ставят себе крайне разнообразные цели, все же они могут быть сведены к двум основным группам. В одну входят потребительские хозяйства, которые, по словам А. Мануилова*), стремятся „достигнуть возможно полного удовлетворения потребностей с помощью данного количества хозяйственных благ, или же удовлетворить данную потребность с помощью возможно меньшего количества благ".

Субъекты этих хозяйств исходят из представления своих потребностей, учитывают их конкретную форму и конкретные размеры и ставят своему хозяйству задачу удовлетворить именно эти потребности и именно в данном размере. Они как бы заранее дают назначение будущему продукту и в зависимости от размеров потребности в нем, приобретают именно этот нужный им продукт.

К другой группе приходится отнести так называемые „приобретательские" хозяйства, которые ставят своей задачей прежде всего приобрести заранее неизвестное, но возможно большее количество благ, а затем уже по получении этого количества дать то или иное назначение этим благам.

Ясно, что в первых хозяйствах нет стремления к безграничному увеличению дохода, так как он нужен для удовлетворения потребностей, заранее установленных и точно измеренных. В хозяйствах второй группы потребности удовлетворяются и даже порождаются новые в зависимости от размеров дохода; отсюда стремление таких хозяйств насколько возможно увеличить свой доход. Вместе с этим очевидно, что ставить удовлетворение потребностей в зависимости от размеров получаемого дохода можно лишь тогда, когда благодаря форме этого дохода ему можно дать любое назначение, т. е. если доход получается в виде денег. Нельзя стремиться к безграничному увеличению дохода в форме потребительских благ, если они не могут быть обменены на деньги.

Короче говоря, приобретательский тип хозяйства мог появиться только при меновых условиях народного хозяйства. Не осталось чуждо такому превращению из потребительского в приобретательское и крестьянское хозяйство.

„Как старое крупное поместное хозяйство, говорит Ляшенко**), так и более мелкое крестьянское к настоящему времени эволюционировали в смысле изменения своего основного хозяйственного принципа—хозяйство ради удовлетворения потребностей на более или менее полный проведенный принцип: хозяйство ради получения прибыли".

Навязывание крестьянскому хозяйству потребительских стремлений в современном меновом строе, что делает наше потребительски-меновое направление науки, принципиально сближает крестьянское хозяйство с домоводством. „Но, говорит Л. Литошинко***), крестьянское хозяйство не домоводство, оно прежде всего хозяйство. Отличительной же чертой всякого хозяйства является идея приобретения, а не потребления. Немецкая терминология хорошо различает эти два понятия, отделяя „Erwerbswirtschaft" или „приобретательское хозяйство" от „Betriebswirtschaft" или „домоводство". Хотя по-русски с понятием приобретательского связан целый ряд „одиозных" ассоциаций, мы не находим лучшего термина, чтобы охарактеризовать природу крестьянского хозяйства и отграничить его от „домоводства".

---

*) «Политическая экономия». 3-е изд. Стр. 151.

**) Цитированное сочинение. Том I-й Стр 81.

***) «Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства». Стр. 18.

Основная цель приобретательского хозяйства достигается путем создания разницы между затратами и доходами; поэтому совершенно прав Л. Литошенко*), утверждая, что сущность крестьянского хозяйства „заключается в затрате материальных и личных факторов с тем, чтобы в конце концов владелец хозяйства оказался обладателем возросшей суммы материальных ценностей.

С этим согласен и Осинский, который в своей брошюре „Восстановление крестьянского хозяйства в России и наши задачи" утверждает, что „мелкому хозяину в первую очередь хочется выгодно продать свой товар, выгодно купить чужой (вся новая экономическая политика началась с разрешения свободной торговли), раздобыть денег на улучшения и при том улучшить свое хозяйство".

Благодаря приобретательскому характеру крестьянского хозяйства особенно обостряется конфликт между его интересами и интересами торгового капитала. Этот капитал становится на пути крестьянина в его стремлении достигнуть наибольших результатов своего хозяйствования. Благодаря тому, что капитал оставляет в руках крестьянина слишком ничтожные доходы, которых хватает лишь для покрытия потребительских расходов семьи и на самые элементарные хозяйственные нужды, то не приходится говорить об увеличении размеров крестьянского хозяйства. Эти размеры могут увеличиться лишь путем увеличения производительных расходов хозяйства, т.-е. путем увеличения дохода крестьянского хозяйства, чему мешает торговый капитал.

Таким образом, крестьянское хозяйство, стремясь к обладанию возрастающей суммы материальных ценностей, в первую очередь вступает в конфликт с торговым капиталом и, обеспечив себе бо́льшую доходность хозяйства, стремится к дальнейшему росту доходов путем увеличения размеров хозяйства, т.-е. путем увеличения производительных расходов.

Следовательно, не торговый капитал стремится захватить мелкое земледелие и превратиться в крупно-производственный капитал. Навязывание торговому капиталу этих стремлений противоречит его сущности, не вяжется с историей сельско-хозяйственных отношений и является слепым перенесением схемы индустриального развития в область сельского хозяйства. В действительности, сельское хозяйство обладает весьма глубокими своеобразными чертами, которые препятствуют такому слепому перенесению.

Однако отсюда отнюдь не следует, что в сельском хозяйстве нет тенденции к концентрации капитала и к росту предприятия. Мало того, это стремление настолько велико, что приводит к перемене ролей борющихся сторон в сельском хозяйстве сравнительно с индустрией. В истории последней мы знаем активную роль торгового капитала, стремящегося превратиться в крупный производственный путем победы над мелкими самостоятельными производителями, разрозненно держащимися за свое старое положение и даже не мечтающими об его улучшении.

В сельском хозяйстве роли меняются: торговый капитал определенно не выражает стремления превратиться в производственный и только все больше и больше всасывается в мелкое хозяйство, именно как торговый капитал, захватывая в свои руки все межхозяйственные функции.

Но так как это мешает естественному стремлению здорового хозяйственного организма к росту, стоит на пути к увеличению размеров дохода и размеров самого хозяйства, то мелкое хозяйство берет на себя активную роль в борьбе Такое активное выступление возможно лишь путем соединения отдельных хозяйств путем кооперации.

---

*) Там же. Стр. 19.

Таким образом, перед нами вырисовывается грандиозное значение кооперации, как орудия активной борьбы мелкого земледелия с торговым капиталом за обладание рынком. Вместе с этим возникает вопрос: не суждено ли кооперации сыграть в сельском хозяйстве ту роль, которую когда-то в индустрии сыграл частный капитал, именно, не превращает ли она крестьянское хозяйство из формы „производства на скупщика“ в форму „крупной домашней промышленности“.

В виду такого серьезного значения сельско-хозяйственной кооперации нам необходимо остановиться на этом чрезвычайно важном социальном явлении.

О том, что такое кооператив, писалось уже достаточно много, и больших разногласий в определении этого явления нет. Поэтому подробно останавливаться на этом вопросе мы не будем.

Тем не менее однако приходится коснуться того определения, которое, с нашей точки зрения, определенно противоречит как общепринятому пониманию, так и здравому смыслу.

Какое бы определение мы ни взяли, оно всегда исходит из представления о кооперативе, как о социальном организме, который самостоятельно выполняет свои функции и преследует свои цели, который, одним словом, является именно организмом, определенно отграниченным от других организмов.

В резком противоречии к таким подходам к вопросу стоит А. Чаянов. „Никогда, говорит он *), нельзя забывать того, что кооператив *не есть изолированное предприятие,* что он есть *организованная* на коллективных началах часть и только *часть экономической деятельности* той или иной группы лиц“.

Необходимо несколько подробнее остановиться на этой мысли Чаянова, так как вопрос о самостоятельности кооператива имеет весьма серьезное значение для всей интересующей нас проблемы.

В приведенном положении А. Чаянова две части; первая носит негативный характер, вторая позитивный, утверждающий. Остановимся пока на первой части, которая отрицает, что кооператив есть изолированное предприятие.

Прежде всего приходится отметить тот факт, что „изолированного“ предприятия вообще не может быть, так как изоляция предполагает отсутствие всяких сношений с окружающим миром, а предприятие есть, как известно, хозяйство, преследующее цели обмена**). Но несмотря на то, что сам термин „предприятие“ уже говорит о наличии общения, все же некоторая доля отграничения, некоторые границы, отделяющие данные явления от других явлений социальной жизни, все же есть.

Предприятие является частным видом хозяйства вообще; это такое хозяйство, которое имеет ту, отличительную от других хозяйств, черту, что достигает своей цели путем обмена. А хозяйство с точки зрения науки, как говорит А. Мануилов***), „есть соответствующее преследуемой цели успешное *соединение элементов хозяйственной деятельности*“.

Кто же является соединителем этих хозяйственных элементов? Очевидно, суб'ект хозяйства. Это об'единение мыслимо в обществе лишь в силу сово-

*) «Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации». Стр. 21.

**) Так, Мануилов говорит: «оно (предприятие) имеет целью приобретения хозяйственных ценностей посредством деятельности, рассчитанной на удовлетворение потребностей сторонних лиц». См. «Полит. экономию», 3-е издание. стр. 179. Туган-Барановский определяет предприятие так: это есть «хозяйственная организация, преследующая частно-хозяйственные цели при посредстве обмена». См. «Основы полит. экономии». Стр. 245.

***) Цитированное сочинение. Стр. 115.

купности прав и обязанностей суб'екта по отношению к другим лицам. Своими правами на определенные действия других лиц и на предметы он соединяет те и другие в одно целое и этим как бы отграничивает их от окружающего мира. Совокупность прав и обязанностей суб'екта хозяйства является преградой, стоящей между его хозяйством и другими явлениями социального мира, т.-е. *формой* деятельности.

С того момента, как хозяйство превращается в предприятие, т.-е. достигает своих целей при посредстве обмена, этот характер „отдельности", отграничения не только не пропадают, но, наоборот, выступают особенно рельефно, так как теперь договорные отношения, в которые вступает суб'ект предприятия с другими лицами, особенно определенно проводят границы между его правами и обязанностями и правами и обязанностями этих лиц.

Поэтому предприятие есть всегда *форма* деятельности и, как всякая форма, является отграничением от окружающей массы других форм.

Ясно, что А. Чаянов, говоря об „изолированном предприятии", имел, конечно, в виду, не такое предприятие, которое не имеет никакой связи с окружающим миром. Его мысль, как нам кажется, следует понимать так, что кооператив не является вообще предприятием, так как он не есть отделенная от окружающего мира единица; он не есть форма деятельности, а сама деятельность.

Чаянов предлагает нам не забывать, что кооператив есть прежде всего „организованная на коллективных началах часть экономической деятельности группы лиц".

В этом положении наше внимание сосредоточивается последовательно на трех основных моментах: 1) кооператив есть *деятельность*, 2) кооператив есть *организованная* деятельность, и, наконец, 3) кооператив есть только *часть* деятельности.

Долго останавливаться на первой мысли не приходится, настолько ясна ее несостоятельность. Если кооператив есть деятельность, то почему нельзя назвать деятельностью семью, государство, земство, губисполком и другое любое социальное и общественное образование. Несостоятельность этого чувствует и сам А. Чаянов, говоря об *организованной* деятельности и не замечая, что этим определением он сам же разрушает все свое построение.

Ведь организовать какую-либо деятельность, это значит направить энергию некоторого числа лиц в нужном направлении, и в зависимости от содержания этой деятельности предоставить в распоряжение их то или иное количество материальных благ. Но для того, чтобы направить деятельность того или иного лица, необходимо, во-первых, вступить с ним в договор, т.-е. предоставить ему и себе известные права и возложить на обоих определенные обязанности; а во-вторых, для того, чтобы эти лица могли направить свою деятельность на известные материальные предметы, необходимо, чтобы организатор предоставил им эти предметы, т.-е. чтобы предоставил им некоторые права на них. Таким образом, организовать ту или иную деятельность значит, прежде всего, получить известную совокупность прав и обязанностей, а во-вторых, вступить в договорные отношения с другими лицами, предоставив им известные права и возложив ряд обязанностей. А это в свою очередь *означает отграничение деятельности данной группы лиц от деятельности других, т.-е. придание ей известной формы.*

Следовательно, А. Чаянов, введя в свое построение понятие „организованной" деятельности, признал тем самым, что *кооператив есть форма* деятельности, т.-е. признал то, что он отрицал в первой, негативной части своего положения.

Но автор особенно подчеркивает третий момент в своей мысли, именно то, что кооператив есть *часть* деятельности. Здесь он, отказываясь от формальной стороны дела, ищет материальной связи между кооперативом и единичным хозяйством. Так как кооператив, рассуждает он, есть часть деятельности, то он органически связан со всей ее совокупностью, а также с ее целями и интересами ее суб'ектов; отсюда вывод о классовом характере кооператива.

В таком характере кооперации сомневаться не приходится, но благодаря совершенно иным основаниям.

Так как согласно нашим предшествующим рассуждениям, кооператив есть организация деятельности, а не сама деятельность, есть организм, а не затрата энергии, то мы говорим не о том, что кооператив *представляет из себя* деятельность, а о том, что он *берет на себя* часть деятельности своих членов. Это не мешает ему быть организацией, совершенно отдельной от хозяйства членов, иметь *своего* суб'екта деятельности, быть совершенно *другим* носителем прав и обязанностей, т.-е. быть *другим „лицом"*. Ведь не придет же нам в голову утверждать, что хозяйство скупщика есть часть деятельности кустаря, хотя этот скупщик берет на себя выполнение торговых функций, которые до сих пор выполнял сам кустарь. Почему же мы считаем, что *кооператив* по сбыту изделий кустаря есть *часть деятельности* последнего? Он является такой же *отдельной* социальной *организацией*, как и хозяйство скупщика.

Классовый характер кооператива обусловливается не тем, что он будто бы неразрывное целое, один организм с крестьянским хозяйством, а в том, что он преследует те же цели, защищает те же интересы что и хозяйство, так как он является организацией лиц, принадлежащих к одному и тому же социальному классу.

На этом вопросе следует остановиться подробнее.

Несмотря на то, что А. Чаянов очень рекомендует забыть о том, что кооператив есть отдельное предприятие, мы все же никак не можем представить себе, что он есть часть экономической деятельности. Как уже указывалось, мы думаем, что кооператив есть прежде всего организация социальный организм, преследующий свои экономические цели. При этом он достигает своих целей при посредстве удовлетворения потребностей сторонних лиц, или, говоря проще, является предприятием.

М. Туган-Барановский*), называя кооператив хозяйственным предприятием, говорит между прочим: „По отношению ко всем стоящим вне его кооператив ничем не отличается от всякого другого предприятия и столь же строго стоит на почве своих сепаратных интересов. Продавая свои товары посторонним, кооператив также стремится продать их по наивысшей цене и на наиболее выгодных для себя условиях, как и любой капиталистический картель. Напротив, покупая товары, кооператив стремится купить их возможно дешевле. Вообще, поскольку дело идет о других предприятиях, кооператив проникнут тем же духом защиты своих частных интересов, который вообще царит в современном обществе".

Однако, несмотря на все свое сходство с капиталистическим предприятием, кооператив, как известно, резко отличается от него тем, что не получает и не стремится получать прибыли. Я не буду останавливаться здесь на подробном анализе природы кооперативного дохода, а обращу лишь внимание читателя на окончательные выводы, к которым пришла научная мысль по этому вопросу.

---

*) «Социальные основы кооперации». Стр. 68—69.

Кооператив действует не с целью наивысшей оплаты капитала, а в интересах массы своих членов. „Потребительское общество, говорит Туган-Барановский*), существует отнюдь не для того, чтобы доставлять своим пайщикам наивысший доход на их пай; наоборот, потребительское общество назначает по возможности низкий % на паи, а всю свою чистую выручку распределяет между заборщиками товара—потребителями. Значит, оно существует не в интересах капитала, а в интересах потребителей. Точно также маслодельная артель „оплачивает паевой капитал определенным процентом, по возможности менее высоким, а всю чистую выручку предприятие передает поставщикам молока".**)

Что же представляет из себя эта чистая выручка кооператива?

„Потребительное общество, говорит тот же автор***), не дает своим членам нового дохода, но оно сокращает их расходы и в этом его польза". В то время, как „движущей силой капиталистического хозяйства является абстрактная прибавочная ценность, напротив, движущей силой потребительного хозяйства является потребность в тех или иных конкретных хозяйственных предметах".

Переходя к другим видам кооперативов, артелям, кооперативам по сбыту и т. п., М. Туган-Барановский доказывает, что их кардинальные отличия от капиталистических организаций, имеющих то же назначение, в том, что „первая организация об'единяет трудовых производителей, а вторые—капиталистических предпринимателей".

Мы видим, однако, значительную разницу в разрешении вопроса о потребительном обществе и кооперативе производителей—ремесленников или крестьян.

Хозяйство рабочего имеет определенный доходный бюджет, слагающийся из его заработной платы, т.-е. из цены его рабочей силы, которую он продает не потребительскому обществу и не через его посредство, а капиталисту. Следовательно, кооператив не может повлиять на увеличение его валового дохода. Но расходование своих средств рабочий производит при помощи своего потребительского общества и последнее, выдавая дивиденд на забранный товар, фактически удешевляет этот товар, т.-е сокращает расходы рабочему, или, другими словами, позволяет ему приобрести больше продукта при наличии одного и того же уровня заработной платы. Большего потребительское общество сделать и не может, ибо оно есть общество пролетариев, т.-е. лиц, ведущих только потребительское хозяйство; ему ставится единственная задача—максимальное удовлетворение потребностей при наличии определенного дохода в виде заработной платы.

Классовый характер рабочего потребительского общества и заключается в том, что оно ставит себе целью облегчить достижение именно тех задач, которые ставит себе потребительское хозяйство пролетария.

Иначе обстоит дело с кооперативом производителей - непролетариев. Обе части бюджета крестьянского хозяйства в значительной степени связаны с кооперативом. Последний не только удешевляет покупку семян, орудий, машин и т. д., но и служит средством для более дорогого сбыта крестьянской пшеницы, масла, шерсти и т. п. Поэтому нельзя сказать, что кооператив по сбыту не увеличивает дохода крестьянского хозяйства, а лишь сокращает расход. Он дает возможность этому хозяйству увеличивать разницу между

*) Цитированное сочинение. Стр. 77.

**) Там же. Стр. 79.

***) Там же. Стр. 87.

доходом и расходом путем одновременного увеличения первого и сокращения второго.

Кроме того, и само сокращение расходов крестьянина имеет отличный характер от сокращения расходов рабочего.

Расход крестьянского хозяйства носит в значительной степени производительный характер. Крестьянин расходует свои средства не только на покупку предметов потребления, но, главным образом, на покупку таких предметов, которые служат для дальнейшего производства. Улучшение качества этих предметов означает увеличение капиталов крестьянского хозяйства. Таким образом, крестьянский кооператив, сокращая расходы крестьянского хозяйства, позволяет ему *производить накопление капитала*, т.-е. является одним из способов увеличения размеров хозяйства. В то же время рабочий не нуждается в увеличении капиталов, так как он их не имеет, и сокращение расходов при помощи кооператива означает для него лишь повышение потребления.

Несмотря на эту разницу между рабочим и крестьянским кооперативом, основной исходный момент их один и тот же: оба ставят себе задачей обслуживание интересов хозяйства своих членов.

Это и создает классовый характер кооперации. Он изменяется, как только кооператив ставит себе задачей не удовлетворение хозяйств своих членов, а удовлетворение своих собственных запросов. Тогда он обнаруживает стремление к сокращению *своих* расходов и к увеличению *своих* доходов, а не сокращение расходов и увеличение доходов хозяйства *своих членов*. Иными словами, его интересы становятся в противоречие с интересами единичных хозяйств; его руководители перестают быть крестьянами, превращаются в торговцев-предпринимателей и кооператив, как таковой, исчезает.

Итак, наш основной вывод сводится к тому, что кооператив есть прежде всего организация, хотя формально самостоятельная, но имеющая *подсобное значение*. Ее задача—помогать хозяйству входящих в нее членов. Характер этих единичных хозяйств, вернее класс, к которому принадлежат члены кооператива, создает тот или иной классовый характер и самого кооператива.

Подсобное значение кооператива *не позволяет ему самому стремиться к прибыли*. Крестьянский кооператив не стремится к превышению *своих* доходов над расходами, не потому что этому стремлению чуждо само крестьянское хозяйство, а наоборот, именно потому, что последнее имеет определенный приобретательский характер. Создавая кооператив, ряд единичных хозяйств ставит ему задачу не иметь *своей* прибыли, а увеличивать их прибыль, иначе это была бы организация конкурирующая, а не помогающая и превращающаяся в конце концов в классовую организацию с противоположными интересами.

Крестьянская кооперация является орудием, при помощи которого крестьянское хозяйство не только укрепляет свои позиции в борьбе за рынок с торговым капиталом, но при помощи которого *оно переходит в наступление против этого капитала*. Она является орудием повышения дохода крестьянского хозяйства и увеличения его размеров.

Если кооператив является организацией, в которой проявляется стремление мелкого сельского хозяйства выйти за пределы одних производственных функций и захватить в свои руки также и меновые процессы, то этот кооператив не может не сказывать влияния на характер, размеры и организацию самих производственных функций об'единенных хозяйств.

Кооперация, как всякое „орудие“, прежде всего является звеном, соединяющим мелкое хозяйство с широким рынком. Она служит проводником того влияния, какое крестьянское хозяйство оказывает на рынок и того, какое идет в обратном направлении: от рынка к хозяйству. Мы остановимся

лишь на том влиянии, которое идет от рынка через посредство кооперации в крестьянское хозяйство, и постараемся выяснить, не производит ли это влияние перерождения и изменения в производственных операциях этого хозяйства. Если крестьянское хозяйство приспосабливается к рынку, то это приспосабливание мыслимо лишь в форме изменения всей организации производства.

Для того, чтобы ясно представить себе то „организационное" влияние, которое оказывает сельско-хозяйственная кооперация на единичное крестьянское хозяйство, необходимо более детально познакомиться со значением рынка для организации отдельного сельско-хозяйственного предприятия.

Влияние рынка на организацию сельско-хозяйственного предприятия.

Если в натуральный период единичное хозяйство, живя замкнуто, строило свою организацию на основе своих, и только своих, внутренних условий, то теперь организация хозяйства не может не отражать на себе давления окружающих меновых отношений. То, что называется „внешней обстановкой" хозяйства, включает в себя всю совокупность тех невидимых, но крепких нитей, которыми единичное хозяйство связано с окружающим миром, как отдельная ячейка сети связана со всей ее массой. Структура и характер этих отношений с внешним миром чрезвычайно сложны и многообразны, но, несмотря на это, совокупность этих, подчас противоположных влияний, проявляется на том барометре, которым в народном хозяйстве измеряются колебания его конъюнктур. Таким барометром, показателем темпа и характера всего менового обращения страны служат *рыночные цены*. Эти цены отражают не только действие экономических, но и политических, социальных, правовых и проч. отношений в стране: там, где нет правовой гарантии на получение результата хозяйства, там цены будут стремиться к такому высокому уровню, который окупил бы большой риск полной потери дохода. Низкий уровень развития индустрии, подымая цены на средства сельско-хозяйственного производства, отражается на его структуре и организации, точно так же, как и низкий уровень покупательной способности окружающего населения, понижающий цены на продукты и сельского хозяйства и промышленности.

Вся совокупность цен с которыми приходится иметь дело единичному сельско-хозяйственному предприятию, создает, так называемое „экономическое положение" данного хозяйства. При известном соотношении цен положение это может быть лучше, при другом хуже. Экономическое положение, как результат совокупного воздействия рыночных условий, в которых находится данное хозяйство, оказывает решающее влияние на организацию сельско-хозяйственного предприятия. Это влияние по своему значению может быть сравнимо только с влиянием природных условий. Рыночные условия различны, как для отдельных хозяйств, одновременно находящихся в различных географических пунктах, так и для одного и того же хозяйства в разные моменты времени. Народное хозяйство эволюционирует, изменяются формы и значение отдельных экономических моментов, социальных и правовых явлений, а вместе с этим изменяются и меновые условия для одного и того же хозяйства. Поэтому изучать влияния рыночных цен на организацию сельско-хозяйственного предприятия можно путем сравнения разных хозяйств, действующих одновременно и путем сравнения изменений, происшедших в одном и том же хозяйстве за известный промежуток времени.

Благоприятное положение хозяйства относительно рынка *сбыта* выражается в повышении чистого остатка от продажной цены, *в повышении* цены

франко хозяйство; а благоприятное положение относительно рынка *закупки* выражается *в понижении* цен франко хозяйство. Каждый предмет, каждый продукт сельско-хозяйственного производства обладает различным отношением веса и цены Некоторые продукты, как например, картофель, обладают при большом весе и об'еме малой ценой, другие — масло, наоборот, при незначительном об'еме большой ценой. Это обстоятельство чрезвычайно отражается на транспорте продуктов. Рассуждая чисто технически, картофель также легко перевозим, как и масло, но иначе обстоит дело, если подойти к вопросу с экономической точки зрения. Это видно из следующих данных, приводимых Ф. Ватерштрадтом:

Поглощение цены продукта стоимостью провоза по жел. дорогам Германии (в %%).

Провоз на расстоянии:

ПРОДУКТЫ.	25 км	50 км.	75 км.	100 км.	200 км	300 км.	400 км.	00 км.
Рожь	1,1	1,4	2,4	3,6	6,8	9,8	12,8	15,8
Свекловица	6,5	9,5	14,5	17,0	28,0	39,0	50,0	61,0
Картофель	4,3	6,3	9,7	11,3	18,7	26,0	33,3	40,7
Молоко	3,3	5,7	8,1	10,4	18,8	26,3	32,9	39,0
Масло	0,2	0,3	0,4	0,5	0,5	1,4	1,8	2,2
Солома	4,3	6,3	9,7	11,3	18,7	26,0	33,3	40,7
Навоз	18,6	2.,7	34.3	41,4	72,9	—	—	—

Тоже при перевозках по шоссе на расстоянии:

ПРОДУКТЫ,	2,5 км	5 км.	10 км.	15 км.	20 км.
Рожь	0,7	1,0	1,5	2,1	2,9
Свекловица	5,5	7,5	11,5	16,0	22,0
Картофель	3,7	5,0	7,7	10,7	14,3
Молоко	0,9	1,3	1,8	2,7	3,7
Солома	3,7	5,0	7,7	10,7	14,3
Навоз	15,7	21,4	32,9	45,7	62,9

Тоже при перевозках по грунтовым дорогам на расстоянии:

ПРОДУКТЫ.	2,5 км	5 км.	10 км.	15 км	20 км
Рожь	1,9	2,5	3,7	4,9	7,2
Свекловица	14,0	18,5	27,5	36,5	54,0
Картофель	9,3	12,3	18,3	24,3	56,0
Молоко	2,3	3,2	4,6	6,1	9,0
Солома	9.3	12,3	18,3	24,3	56,0
Навоз	40,0	52.9	78,6	104,0	154,0

Для каждого продукта существует предел его экономической пригодности для транспорта или, как говорят, предел его „транспортабельности", т.-е имеется такое расстояние, дальше которого он уже перестает ввозиться на рынок, и в хозяйствах, расположенных за этим расстоянием, он превращается в „безрыночный" продукт, т.-е. продукт, не имеющий сбыта.

Если, таким образом, каждый продукт где-нибудь да оказывается безрыночным и не вывозим за пределы своего хозяйства, то на основании этого считать его бесполезным или даже вредным для хозяйства не приходится. В таких случаях эти продукты служат материалом для переработки и превращения уже в рыночные продукты. Так например, если сено экономически не выдерживает перевозки по жел. дороге дальше 100 в., молоко — дальше 200 в., а масло дальше 500 в., то хозяйство, расположенное от рынка на расстоянии 300 верст должно будет превращать свое сено в молоко, а молоко в масло и только в этом виде сбывать его.

Но такая переработка продукта требует новых затрат. Поэтому она может быть выгодна только в тех случаях, когда эти дополнительные затраты меньше той выгоды, которая предоставляется благодаря более дешевому провозу нового продукта. Поясним это примером. Хозяйство тратит на производство своего молока 200 р., транспорт его обходится в 100 р., а валовой доход от продажи равен 340 р. В этом случае чистый доход равен 40 руб. Если переработать это молоко в масло, то надо затратить еще 30 р., но за перевозку масла заплатить уже не 100 р., а всего 50 р. Таким образом, расходы будут составлять $200+30+50=280$; валовой доход—340 р., и чистый доход $340-280=60$ р. Но если бы дополнительные затраты были бы не 30 р., а 60 р., то чистый доход равнялся бы только 30 р. [340—(200 + 60 + 50)].

В первом случае, благодаря тому, что понижение затрат по транспорту больше, чем повышение затрат по переработке, переработка выгодна, во втором—наоборот.

Точно такие же расчеты производятся по отношению ко всем другим продуктам и устанавливается *для каждого из них степень переработки*, при которой он может быть с наибольшей выгодой сбыт на рынке.

Весьма часто бывают случаи, когда перерабатывается не весь, а лишь часть продукта.

Только детальный учет всех местных конкретных условий разрешает для данного хозяйства вопрос о большей или меньшей выгодности той или

иной степени переработки и той части продукта, которая должна итти в переработку.

Во всяком случае приходится иметь в виду, что в сельско-хозяйственном предприятии большинство продуктов почти никогда не перерабатываются во всей своей массе, а лишь в части, которая растет по мере улучшения экономического положения хозяйства. Если же нерыночный продукт не может быть переработанным, то, очевидно, его производство должно быть ограничено лишь внутренними потребностями самого хозяйства.

Если так велико значение стоимости транспорта продуктов сбыта, то не меньше значение ее в деле закупки сельским хозяйством предметов фабричного производства. Здесь также наступает известная граница, диктуемая ценой и стоимостью транспорта, дальше которой приобретение продукта на рынке становится убыточным и его приходится изготовлять у себя в хозяйстве. Наоборот, чем меньше расстояние сел.-хоз. предприятия до рынка, чем они ближе друг к другу, тем сильнее увеличивается экономическая возможность закупки, тем большее количество предметов закупается на рынке, а не производится дома. В экономической близости от рынка закупка машин, орудий, искусственных удобрений, концентрированных кормов и т. п. обходится дешевле и поэтому применение их развито более широко; по мере удаления это применение сокращается и, наконец, исчезает совсем. При этом ясно, что граница применения того или иного из покупаемых предметов будет лежать тем ближе к рынку, чем менее транспортабельным является продукт; например, такое искусственное удобрение, как каинит, по расчетам F. Waterstradt'a на расстоянии 500 км. ж.-д. транспорта увеличивает на 46,5% свою стоимость, а суперфосфат—всего на 11,6 %. Очевидно, пояс рыночности каинита гораздо меньше, чем суперфосфата.

Таким образом, каждый предмет закупки совершенно так же, как и каждый продукт сбыта, имеет свой „пояс рыночности".

До сих пор мы говорили о большом значении издержек транспорта, которые, уменьшая цену продуктов сбыта и увеличивая цену предметов закупки, имеют существенное значение для сел.-хоз. предприятия, как тот элемент, который „вычитается" из общей рыночной цены продуктов сбыта и „прибавляется" к цене предметов закупки. Но ясно, что не только величина вычитаемого, но и величина уменьшаемого имеют не меньшее значение. Очевидно, что с повышением цен на продукты сбыта при неизменности цены провоза пояс рыночности данного продукта увеличивается и наоборот. Точно то же приходится сказать и о ценах на предметы, закупаемые сельским хозяйством. Чем выше цена на него на рынке, тем меньше пояс его рыночности и обратно.

Особенное значение для сельского хозяйства имеет *соотношение цен* сбываемых им продуктов и закупаемых средств производства. В виду того, что хозяйства, лежащие близко к рынку, находятся в поясе рыночности почти всех, если не всех, продуктов и средств производства, то соотношение цен между этими двумя категориями хозяйственных благ имеет исключительное значение именно для этих хозяйств. Если же принять во внимание, что развитие народного хозяйства идет по направлению все больш го расширения поясов рыночности, то станет ясным, какое серьезное влияние имеет указанное соотношение цен на организацию хозяйства в странах, где сельское хозяйство быстро втягивается в меновой оборот.

Под степенью интенсивности понимаются размеры затрат труда и средств производства. Легко представить себе, что даже при неизменности цен на продукты сельского хозяйства, но при понижении цен на средства производства, последние будут применяться усиленнее, т.-е. интенсивность

подымется. Так, например, если пользоваться теми формулами, которые приводит А. В. Чаянов*) для расчета стоимости применения сельско-хозяйственных машин, то получаем, что при цене косилки в 200 р. ее применение рационально при размерах луга не менее 14 десятин. При понижении стоимости этого орудия, вследствие удешевления транспорта или других причин, на 10%, применение ее уже доступно хозяйству с площадью в 12,6 дес. Следовательно хозяйство с 13 дес. луга, которое до удешевления косилки принуждено было отказываться от пользования ею, теперь имеет возможность поднять интенсивность своего хозяйства применением косилки. Совершенно тоже приходится сказать и о всякой другой машине, искусственном удобрении и ином средстве производства. Но еще больше подымается предел допустимой степени интенсификации, если наряду с падением цен на орудия производства происходит под'ем цен на продукты сельского хозяйства. Если, например, одновременно с падением цены на искусственное удобрение подымаются цены на лен, то, при равенстве прочих условий, культура этого растения допускает особенно высокие затраты, гораздо большие, чем если бы имело место одно только падение цен на удобрение.

Всматриваясь в историю народного хозяйства и в историю соотношения между ценами на продукты и средства производства, видим, что это соотношение идет определенно в сторону большего понижения цен на средства производства сравнительно с ценами на продукты сельского хозяйства. Иными словами, эволюция рыночных кон'юнктур складывается в пользу роста интенсификации сельского хозяйства. При этом ясно само собой, что чем крупнее рынок, тем он играет более центральную роль, тем больше разница между ценами на средства производства и на продукты сельского хозяйства в ближайших хозяйствах.

Итак, при различных рыночных ценах на средства производства и на продукты сельского хозяйства различны те пределы, до которых экономически допустимо повышать затраты этих средств, т.-е. увеличивать интенсивность хозяйства. Но при этом не приходится забывать и того обстоятельства, что на степень интенсивности влияет еще одно весьма важное обстоятельство—количество и ценность земли.

Там, где земли мало и она ценится высоко, вопрос об ее использовании может стоять острее, чем вопрос об использовании средств производства. Тогда хозяин, быть-может, предпочтет экономить землю и не жалеть средств производства для ее полного использования, т.-е. тратить инвентарь и труд в большем количестве на единицу площади—повышать интенсивность оборот, там, где машины, орудия, скот и т. п. дороже, чем земля, там использование их имеет большее значение, чем использование земли, и организация хозяйства должна быть направлена на большую их экономию, чем на экономию земли, т.-е. должна быть более экстенсивной.

На низших ступенях развития главные трудности для создания сельскохоз. предприятия лежат в приобретении и создании капитала, а не в приобретении земельных площадей. Всякий, кто имеет капитал, уже благодаря этому может без всяких затруднений сделаться землевладельцем. А так как основной отраслью сельского хозяйства, в таких условиях является скотоводство, то главным видом капитала, без которого нет сельско-хозяйственного предприятия, является скот. Даже в настоящее время в малонаселенных частях Южной Америки или Австралии можно встретить собственников земли, являющихся таковыми лишь по одному тому, что они владеют

*) Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации», Стр. 158-162.

большими стадами овец. Таким образом всякий, кому удается приобрести некоторое количество скота, уже превращается в субъекта сел.-хоз. предприятия, благодаря чему лиц, продающих свою рабочую силу, на этой стадии сельско-хозяйственного развития почти нет. Следовательно, сельское хозяйство должно выполнять свои задания при наличии весьма незначительного приложения труда, при скотоводческом направлении и при наличии больших земельных площадей; все это требует именно *пастбищного хозяйства*. Пастбища являются, таким образом, главным, если не единственным видом угодья, которое не пашется, не засевается, а дает жатву, равномерно собираемую в течение года, и требующую ничтожных затрат человеческого труда.

Однако, если в благоприятном климате скот может пастись в течение всего года, то в более суровых климатических условиях свежая трава имеется в распоряжении хозяйства только в течение части года. Поэтому здесь появляется потребность в лугах, доставляющих зимний корм. Естественно, что при незначительных запасах труда зимнее стойловое кормление, требующее значительно большего труда, чем пастбищное, ограничивается лишь самым необходимым; скот зимой кормят лишь настолько, чтобы сохранить его жизнь. Летом же он вновь отъедается на тучных пастбищах. В виду этого первоначально луга сравнительно с пастбищами имеют ничтожное значение.

Что касается пашни, то сначала она играет ничтожную роль угодья, доставляющего продукты, разнообразящие животную пищу людей. Однако значение ее чрезвычайно вырастает по мере роста обмена и приближения рынков. При этих условиях, как было указано выше, цены на продукты сельского хозяйства повышаются, а на орудия производства понижаются. Благодаря этому повышается значение таких угодий, которые дают наибольшую массу урожая на единицу площади, даже если это повышение урожая требует значительно больших затрат. Таким угодьем является пашня. Следовательно рост населения, его уплотнение, связанное с этим развитие обмена и т. д. влекут за собою появление пашни. Откуда же она может появиться, как не из распаханных пастбищ? Таким образом, ближайшим следствием роста обмена является распахивание пастбищ.

Распаханная площадь в первую очередь засевается злаками, т. к. последние на неистощенной почве опять-таки дают максимальный урожай на единицу площади. Зерно идет на рынок в качестве основного питательного элемента населения. Но остается еще солома и мякина, использование которых возможно лишь при посредстве того же скота. Поэтому сокращение пастбищ, во-первых, влечет за собой такое же сокращение скота, а во-вторых, это сокращение пастбищ сравнительно довольно скоро останавливается, т. к. для скота, зимой питающегося соломой, мякиной и немного сеном, нужно летом питаться свежей травой.

Таким образом в стране создаются два района скотоводства: район пастбищного скотоводства, лежащий далеко от рынков и доставляющий лишь самые транспортабельные продукты, как шерсть, шкуры, кожу и т. п., и район скотоводства, лежащий внутри зерновой полосы, поставляющий менее транспортабельные и более скоропортящиеся товары.

При первоначальном, небольшом развитии рынков этот второй район, установивший определенное сочетание между пашней, пастбищами и лугами, целиком покрывает потребность этих рынков в малотранспортабельных продуктах скотоводства. Цены на эти продукты еще низки сравнительно с ценами на зерно, которое на этой стадии развития является самым дорогим продуктом сельского хозяйства.

Дальнейший рост рынка влечет за собой увеличение спроса на зерно, что еще больше сокращает пастбища за счет пашни. Такое сокращение уже

начинает влиять на размеры скотоводства; последнее сокращается. Вместе с ним должно сократиться и количество поставляемых на рынок малотранспортабельных продуктов скотоводства. Таким образом, наряду с ростом рынка, т.-е. с ростом спроса, должно итти сокращение предложения. Цены на эти продукты начинают расти быстрее цен на зерно.

Все это приводит к тому, что внутри зерновой зоны в ближайших к рынку местностях создается район, где кормовые рессурсы получаются уже не в виде соломы, мякины и сена с естественных лугов, а в виде кормовых растений, высеваемых и культивируемых на пашне.

Цены на средства производства в этих местностях настолько упали, а на малотранспортабельные продукты настолько поднялись, что полевое травосеяние, требующее новых затрат, оказалось значительно более выгодным.

Таким образом, мы имеем три стадии в способах использования земельной площади в зависимости от изменения рыночных условий: на первой стадии господствуют исключительно пастбища, на второй появляются луга, а основным угодьем делается пашня, производящая зерновые продукты, на третьей пашня значительную свою часть отдает под культуру кормовых растений.

Наконец, значение последнего угодья—леса, также изменяется с развитием меновых отношений. Чем выше цены на рабочие руки, чем дороже продукты земледелия и скотоводства сравнительно с строительными и отопительными материалами, что имеет место на низшей ступени развития, тем усиленнее идет уничтожение лесных пространств, главным образом, при помощи огня. В дальнейшем, по мере роста цен на лесной материал, размеры лесных угодий определяются общим соотношением цен на эти продукты и цен на продукты земледелия. А так как лесные продукты в истории человечества все больше и больше заменяются продуктами земных недр, а продукты земледелия остаются незаменимыми, то постепенно у лесов отнимаются наиболее плодородные земли, и они, оправдывая теперь в силу возросшей своей цены излишние затраты, культивируясь и охраняясь, все же сосредоточиваются преимущественно на более тяжелых, болотистых, каменистых и песчаных почвах.

Итак, наш общий вывод может быть пока формулирован так: чем выше цены на сельско-хозяйственные продукты, тем больше значения в хозяйстве *приобретают те угодья, которые дают на единицу площади относительно максимальный урожай.*

Однако этот вывод имеет большее, чем кажется на первый взгляд, значение, так как он распространяется не только на соотношение между отдельными угодьями, но и на соотношение между отдельными растениями на пашне.

Как уже указывалось, при пастбищном скотоводстве значение пашни приближалось к нулю. Некоторое значение имеет она в тех случаях, когда зимние и летние пастбища отстоят друг от друга на значительном расстоянии. Тогда летом часть скотоводческого племени угоняет скот на летние пастбища, а часть населения, оставшаяся на зимних пастбищах, обрабатывает небольшие участки земли. При этом по мере истощения почвы, благодаря посеву одного и того же растения, одни участки забрасываются и под обработку берутся другие.

Все это резко изменяется, как только зерно превращается в рыночный продукт. Пашня сильно расширяется за счет пастбищ; кроме того, на ней нельзя уже сеять из года в год одно и то же растение в силу чрезмерного скопления работ в небольшие промежутки времени, особенно во время жатвы.

Поэтому однополье заменяется двухпольем.

Двухпольная система полеводства разлагается тем скорее, чем суровее климатические условия, при которых происходит чрезмерная концентрация работ. При усиленном росте запашки эта концентрация принимает угрожающие размеры и выход из нее дается паром, т.-е. переходом к трехпольной системе, при которой часть пашни обрабатывается и засевается весной яровыми посевами, другая—обрабатывается и засевается летом, после чего собирается урожай с первой части; сбор урожая озимых происходит между обработкой и засевом пара. Таким образом, трехпольная система полеводства в свое время сыграла значительную положительную роль в деле равномерного распределения работ в течение года

Над удобрением пашни приходится задумываться лишь после того, как размеры ее настолько увеличились, что о переложной системе говорить уже не приходится, т.-е. тогда, когда из периодической пашня превращается в постоянную. Регулярному из'ятию питательных элементов из почвы должно теперь соответствовать их регулярное возвращение. Но удобрение сделалось теперь уже экономически возможным и рациональным, т. к. на этой стадии, когда развивается зерновое направление хозяйства, как мы видели, идет повышение цен на продукты земледелия и повышение цен на орудия производства. В силу этого сделался возможным также и уход за лугами, благодаря чему увеличилось количество навоза, необходимого для пашни. Наконец, с известного момента, полевое травосеяние дает новый толчек к росту скотоводства. Травосеяние появляется первоначально в форме засева пара однолетними травами, затем клевером, стручковыми растениями; наконец появляются посевы корнеплодов.

Понижение цен на сильные покупные корма и повышение цен на продукты скотоводства делает возможным применение этих кормов. Это же применение повышает использование питательных элементов соломы и мякины, получаемых от зерновых посевов. Ясно, что такое повышение кормового значения зерновых отбросов отражается понижающим образом на культуре кормовых растений. Кроме того покупка сильных кормов повышает получение навоза без культуры кормовых растений, что дает возможность увеличить и улучшить культуру других растений.

Так же сдерживающе на расширение кормовых посевов влияет и применение искусственных удобрений. Они прежде всего позволяют поднять урожайность лугов, т.-е увеличить скотоводство без посева кормовых растений на пашне. А кроме того увеличенное количество навоза побуждает к усиленной культуре других, некормовых растений.

Однако, как покупные концентрированные корма, так и искусственные удобрения только сдерживают общую тенденцию к усиленному расширению посевов кормовых растений, каковая диктуется бо́льшим повышением цен на продукты скотоводства, сравнительно с ценами на зерно.

Таким образом, при всех рассмотренных нами изменениях зерновые растения являются основным стержнем полеводства, хотя и с колеблющимся значением своих продуктов. Однако, этим далеко не ограничивается развитие использования пашни. Как при росте населения в свое время пастбищное хозяйство перестает давать достаточное количество продуктов, необходимых для населения, точно также наступает рано или поздно такой момент, когда и зерновые и кормовые культуры не в состоянии доставить необходимое количество продуктов возросшему населению. Следствием этого является усиленное повышение цен на продукты сельского хозяйства, сравнительно с ценами на средства производства. Благодаря этому начинает расти значение таких культур, которые дают большее количество питательных элементов для

людей, чем дают зерно и кормовые растения (через посредство скота). Среди этих культур на первом месте стоит картофель и сахарная свекловица, дающие значительное количество крахмала и сахара. Благодаря тому, что отбросы свекловицы в виде ботвы и особенно барды являются прекрасным кормовым средством, то культура этого растения часто действует сокращающим образом на культуру кормовых растений. Еще больше культура пропашных растений сокращает культуру стручковых, которые имеют особенное значение в местностях, сравнительно удаленных от рынков со средней интенсивностью.

Клевер также начинает вытесняться пропашными, особенно свекловицей, т. к. последняя доставляет не меньшее количество корма. Однако, необходимо заметить, что на почвах, особенно благоприятных для культуры клевера, он сохраняется, т. к. на его стороне остается преимущество как собирателя азота.

Еще большими урожаями на единицу площади, с одной стороны, и общим количеством доставляемых питательных элементов, с другой, отличаются огородные овощи. Кроме того овощи доставляют чрезвычайно большое количество кормов, так что в хозяйстве с небольшой площадью они с успехом вытесняют не только зерновые, но и кормовые культуры. Расширение скотоводства в мелкоземельных хозяйствах Германии, в значительной степени об'ясняется расширением огородной культуры.

Резюмируя сказанное о способах использования почвы, зависимых от рыночных условий, мы можем перечислить их в порядке развития меновых связей сельского хозяйства:

1) Пастбищное хозяйство.
   а) однополье,
   б) двухполье,
   в) трехполье.
2) Чистое трехполье.
3) Трехполье с занятым паром.
4) Плодосмен с посевом стручковых или клевера.
5) Плодосмен с культурой пропашных.
6) Огородная культура.

Всматриваясь в эту схему, нельзя не обратить внимание на исчезновение пара.

Однако, это исчезновение есть лишь часть общей и растущей тенденции к возможно полному использованию всей земельной площади, или, вернее, всего количества приходящихся на нее света, тепла, влаги и питательных элементов. Даже если пар уничтожен совершенно, если озимые используют каждый теплый день осеннего и первые лучи весеннего солнца, то и тогда остаются пробелы между сбором урожая и посевом следующего растения. Для заполнения этих пробелов начинают высевать так называемые промежуточные растения, предназначенные для получения корма или зеленого удобрения. После того, как исчезает весь пар, и если при этом введена культура пропашных растений, увеличивающая запасы рабочей силы в хозяйстве, появляются условия благоприятные для культуры промежуточных растений. В этих условиях соотношение рыночных цен уже таково, что потребность в использовании почвы оправдывает новые затраты средств производства.

Между прочим в качестве промежуточной культуры на Западе завоевали себе господствующее положение растения, дающие зеленое удобрение. Распространение этих растений находится в большой связи с расширением культуры

пропашных, которые особенно полно используют все результаты применения зеленого удобрения.

Не имея намерения в настоящей работе детализировать все то грандиозное влияние, которое оказывает рынок на производственные операции с сельского хозяйства, я пропускаю те изменения, которые происходят под воздействием этого влияния в характере и системе обработки почвы, ее удобрении, способах посева и сбора урожая и т. д.

Остановимся только на основной отрасли скотоводства—содержании крупного рогатого скота.

На низших ступенях экономического развития, когда рынок еще только возникает, и хозяйство еще очень незначительно втягивается в меновой оборот, эта отрасль скотоводства преследует только одну цель:—получение возможно большего количества такого скота, который можно было бы плохими грунтовыми дорогами на большие расстояния гнать на рынок. Об'ясняется такая форма скотоводства исключительным стремлением к экономии труда и капитала и обилием земельных пространств, используемых под пастбища.

По этой же причине зимнее кормление чрезвычайно скудно, так как оно, главным образом, и требует большого расхода рабочей силы.

Скудное зимнее кормление обусловливает чрезвычайно низкую молочность коровы; при этом все ее молоко идет теленку для того, чтобы он, родившись во время летней пастьбы, мог бы достаточно окрепнуть к зиме, которую не переносит большой процент молодняка. Благодаря этому в таких условиях отсутствует доение коровы. Это доение появляется лишь на ближайшей ступени экономического развития, когда делается возможным улучшение зимнего содержания, повышается молочность и, кроме того, делается возможной продажа телят. Все это заставляет хозяина добиваться отела до того момента, пока корова весной вышла на пастбище, так как, сбыв теленка, хозяин имеет возможность использовать все количество молока, повышенное благодаря пастьбе на тучных весенних пастбищах. Ясно, что молоко еще не может сбываться в свежем виде и поступает на рынок в качестве масла и сыра.

Необходимо заметить, что при своем возникновении доение занимает только небольшую часть весеннего периода, так как при оскудении пастбищ летом оно уже не может оправдать расходов.

Только на следующей стадии, при еще большем приближении к рынку, делается выгодным доение в течение весны и лета, но зимнее все еще оказывается неэкономным. Только для покрытия потребностей самого хозяйства в молочных продуктах отдельные животные доятся в течение зимы, для чего сильно повышается их зимнее кормление.

По мере того, как улучшается зимнее содержание, появляется и зимнее доение, но так как зимний удой пока еще довольно мал, то доят всего один раз в день.

Как только экономическое положение, т.-е. рыночные условия, делают выгодным сбыт молочных продуктов и, главным образом, свежего молока в течение круглого года, появляется стремление приноравливать время отела отдельных особей к различным моментам года и главным образом зимы, когда цены на молочные продукты очень высоки. Для достижения этого необходимо такое улучшение зимнего кормления, чтобы возможно больше поднять зимний удой. В результате мы имеем уже двух-и даже трехкратное доение в течение дня. А так как это отражается на повышении и летних удоев, то летом доение производится 3, а то так и 4 раза в день.

Кроме того, необходимо отметить еще одно очень важное обстоятельство, сопровождающее рост экономических отношений: по мере этого роста изменяется соотношение цен на мясо и на молочные продукты. На низших ступенях, несмотря на то, что цены на мясо чрезвычайно низки, они относительно все же выше цен на молоко. С улучшением экономического положения, это соотношение делается все более благоприятным для молочных продуктов, что толкает скотоводство в направлении развития молочности и заставляет сокращать выкармливание и выпаивание молодняка. Благодаря этому количество последнего постепенно сокращается в стаде. А на высших ступенях выкармливание „на племя" почти совершенно прекращается, заменяясь покупкой взрослых дойных коров из районов, находящихся в неблагоприятном экономическом положении.

Там, где условия сбыта откормленных животных особенно благоприятны. в противоположность условиям сбыта молочных продуктов, получается одностороннее развитие мясного скотоводства; особенно благоприятствует этому направлению наличие винокуренного или крахмально-терочного производства. В последних случаях откорм производится зимой, что весьма усиливает удобрительные рессурсы хозяйства, так как навоз вообще скапливается, главным образом, во время зимнего стояния в стойле.

Кроме того, по мере улучшения экономического положения, увеличивается живой вес головы скота. Лучшее и более равномерное в течение года кормление животных способствует более ранней их созреваемости и повышению веса уже молодых, но созревших животных.

Не трудно убедиться, что не только климатические условия влияют на распространение в данной местности той или иной породы рогатого скота: в одних нужна наша „тасканка", отличающаяся единственным свойством—выносливостью, в других—мясные породы, в третьих—молочно-мясные, в четвертых—исключительно молочные и т. д.

Каждое экономическое положение и каждая ступень экономического развития окупает лишь ту породу, свойства которой отвечают данным экономическим условиям. И в этом отношении наша „тасканка", вызывающая теперь лишь ироническое к себе отношение, на известной ступени экономического развития России сыграла свою весьма положительную роль и продолжает играть ее и сейчас в экономических неблагоприятных районах, где требуется прежде всего выносливость относительно голода, холода и дальних расстояний.

О взаимоотношении крупного скотоводства и овцеводства говорится дальше, здесь же укажу лишь, что успешность конкуренции этих двух отраслей скотоводства всецело зависит от соотношения цен на шерсть и молоко, от наличия естественных пастбищ. При высоких ценах на молочные продукты овцеводство может сохраниться только при наличии исключительно благоприятных пастбищ. Так, Англия сохранила свое блестящее овцеводство только благодаря наличию здесь весьма обширных „абсолютных" овечьих пастбищ. Вообще же, как правило, земля в экономически развитых местностях используется в целях овцеводства только если почва по своему качеству оказывается совершенно непригодной ни для леса ни для пашни.

Итак, следовательно, влияние рынка на содержание крупного рогатого скота сказывается по мере развития и усложнения экономических условий в смене следующих периодов. Период массового содержания и разведения худого скота без доения постепенно сменяется периодом содержания с применением сначала летнего, а затем зимнего доения, с постепенным усилением того и другого. Продукты скотоводства по мере улучшения экономического положения делаются все менее транспортабельными, кожа, кости и т. д. сменяются сыром, маслом,

затем свежим молоком. Наконец, на самых развитых ступенях развития можно встретить хозяйства, не содержащие никаких племенных животных, а скупающие дойных коров и продающие их по окончании доения.

Само собой понятно, что все сказанное здесь о „периодах" времени в одинаковой степени относится к „полосам" в пространстве в зависимости от их удаления от рынка.

Обратимся к мелкому пользовательному животноводству,

Овцеводство доставляет два вида продуктов—шерсть и мясо. В силу чрезвычайной транспортабельности шерсти овцеводство является важнейшей отраслью скотоводства на низших ступенях экономического развития; в силу специфических питательных и вкусовых свойств баранины оно бывает выгодно и в районах весьма сильно развитых рыночных условий.

Но все же господство овцеводства связано с неблагоприятными экономическими условиями. Здесь с ним может конкурировать только крупный рогатый скот, но и то при самой экстенсивной форме его содержания—пастбищной.

Какой вид скота в таких условиях более предпочтителен, в конечном счете зависит от климатических условий: там, где часты засухи, более пригодна овца и наоборот, в местностях с обильными и частыми осадками—рогатый скот.

Ясно, что в сухих районах овца ценится только за ее шерсть, мясо же не имеет почти никакой цены, т. к. овца худа и истощена экстенсивным характером всего хозяйства. Не так давно в некоторых овцеводных районах Австралии мясо целой овцы стоило в несколько раз дешевле снятой с нее в течение года шерсти.

В Европе положение обратное: мясо стоит в несколько раз дороже шерсти. Под воздействием развивающихся народно-хозяйственных условий овцеводство должно итти от шерстного к мясному

На низших ступенях каждое отдельное животное живет до тех пор, пока приносит шерсть, т.-е. до глубокой старости, пока его организм в состоянии перерабатывать траву в шерсть

Так же как и при содержании крупного рогатого скота, наибольшие трудности и здесь связаны с воспитанием молодняка; но уж если эти трудности преодолены, то выгодно держать животного до глубокой старости.

Таким образом, соотношение между молодняком и взрослыми животными устанавливается в большей степени самой природой, чем человеком.

По мере роста цен на мясо, появляются стимулы к более раннему закалыванию взрослых животных. Но все же продолжительность жизни животных еще сравнительно велика, т. к. главным продуктом овцеводства служит все еще шерсть. Лишь после того, как цены на мясо в силу развития рыночности достигли известной высоты, делается выгодным ограничить число мужских особей и стремиться к получению наибольшего количества молодняка для продажи его на мясо. Постепенно соотношение между молодняком и взрослыми животными начинает регулироваться человеком, который стремится теперь к увеличению молодняка и сокращению числа старых животных. Сокращение возраста стада усугубляется еще и тем обстоятельством, что ярки пускаются в случку все в более молодом возрасте.

Чем труднее переносится зима,—а это всегда имеет место в наиболее экономически отсталых условиях,—тем медленнее созревает животное, и как правило овца приносит первый приплод на конце третьего года. По мере улучшения зимнего содержания понижается возраст матери, которая приносит приплод уже на втором году жизни.

Кроме того, изменение в характере зимнего содержания ведет к появлению приплода более ранней весной. В условиях экстенсивного хозяйства приплод должен еще в утробе матери достаточно развиться, для чего беременность должна совпадать со временем наилучшего состояния пастбища. По мере улучшения зимнего содержания приплод должен появляться раньше, чтобы молодняк мог бы сам лучше развиться на весеннем пастбище и на втором году уже пойти в случку. При дальнейшем улучшении зимнего питания, время приплода делается все более ранним и при некоторых рыночных условиях приноравливается даже к осени. Кроме того, в виду развития мясного овцеводства животное в более раннем возрасте попадает под нож Это связано со стремлением к более раннему откорму и к подбору таких пород, которые особенно предрасположены к этому. Повышение цен на баранину и понижение их на покупные корма создают все более благоприятные условия для такого мясного направления.

Не меньшее значение имеет соотношение цен на продукты овцеводства и на продукты крупного рогатого скота. Если, например, цены на молоко регулярно повышаются при неизменности цен на шерсть и баранину, то овцеводство неминуемо терпит депрессию, и все более принуждается к использованию только абсолютных овечьих кормов. Если же количество этих кормов так мало, что доходы от овцеводства не окупают содержание даже одного пастуха, то хозяйство принуждено отказаться от этой отрасли скотоводства.

Таким образом, овцеводство по мере развития экономических и, главным образом, рыночных условий переживает ряд стадий, из которых первая характеризуется чисто шерстяным направлением, зимним и летним пастбищным кормлением, долгим периодом жизни животных и летним появлением приплода.

Рядом постепенных переходов овцеводство в наиболее развитых экономических условиях достигает чисто мясного направления с откормом ягнят, ранней случкой, иногда даже летним стойловым содержанием, с преобладанием в стаде маток и ягнят и с ранним и быстрым откормом молодняка для продажи на мясо.

Каждой из переживаемых стадий соответствует известная порода животных, начиная от грубо-шерстных, затем тонко-шерстных и кончая мясными.

Что касается свиноводства, то в условиях наиболее экстенсивного хозяйства оно имеет место лишь в том случае, если хозяйство обладает большими лесными пространствами, доставляющими обильный и дешевый корм в виде плодов, желудей, корней, мелких животных и проч. Кроме того и климат должен позволять применение пастбищного кормления зимой. Без этих условий нельзя добиться, чтобы на одного работника приходилось возможно большее количество животных, каковое требование является, как мы знаем, основным на этой ступени экономического развития. Зимнее кормление требует больших запасов питательных кормов, для производства которых нужно сравнительно большое количество рабочих рук; пришлось бы в условиях чистого пастбищного хозяйства вводить пашню специально в целях свиноводства. Это настолько нехозяйственно, что является гораздо более выгодным отказ от свиней и замена их овцами и крупным рогатым скотом.

В несколько лучших условиях находится свиноводство, когда в лесу имеются разные виды плодовых деревьев, приносящих плоды в разное время.

Ясно, что при экстенсивном лесном животноводстве возраст, в котором животное начинает приносить приплод, относительно велик. При этом поросята появляются только один раз в год, так как в начале весны взрослые свиньи должны притти в нормальное состояние после зимней голодовки.

Более скорая созреваемость и более быстрая размножаемость животных достигается лишь тогда, когда появляется зимнее кормление и когда период летнего обильного кормления удлиняется.

И то и другое возможно лишь с появлением пашни, которая позволяет сначала для зимнего корма предназначать отбросы зерна, а там, где имеется винокурение, в корм свиньям идет барда. На следующей ступени развития на пашне появляются такие растения, как кормовая свекла, картофель, т.-е. растения, специально предназначенные для откорма свиней. Культура пропашных растений является фундаментом интенсивного свиноводства.

Но и в этом случае приходится различать отдельные ступени в развитии свиноводства. Сначала животные в течение лета пасутся на пастбищах. Даже период, предшествующий откорму, проводится на жнитве или в ореховых и дубовых зарослях и только после этого начинает водворяться стойловый откорм. Постепенно пастбищное кормление все более сужается, а зимнее делается более обильным. Картофель и свекла становятся постоянными зимними кормами, к которым начинают прибавляться покупные сильные корма. Животное при этом рано созревает, качество мяса улучшается, чему способствует увеличивающийся рыночный спрос на молодое мясо. При дальнейшем улучшении экономического положения, пастбищное кормление переходит в ореховые и дубовые леса, а там, где их нет, на клевер или долины с тучной растительностью. Равномерный хороший корм в течение всего года и теплое помещение способствуют усиленному размножению и позволяют приноравливать появление поросят к наиболее удобным в хозяйстве моментам.

Более равномерное питание в молодом возрасте обеспечивает развитие мускулатуры животного, так что отношение между мясом и костями делается более благоприятным, а потому животное жиреет более равномерно. Чем больше повышается экономическое положение, тем больше исчезает разница между зимним и летним кормлением. Быстрая созреваемость животных достигает максимума. Случка производится на девятом-десятом месяце от рождения, а для отправки на бойню животное готово уже к 6—7-месячному возрасту.

В общем можно сказать, что с развитием экономических отношений свиноводство переходит от пастбищного содержания для получения сала и жира к пастбищно-стойловому откорму свиней для получения жирного, долго сохраняющегося мяса, и далее к интенсивному стойловому содержанию, с применением покупных сильных кормов, в целях получения свежей молодой свинины.

Как при содержании крупного рогатого скота и овец, так и в свиноводстве, для каждой стадии его развития имеются свои породы свиней.

Что касается связи свиноводства с другими отраслями хозяйства, то обращает на себя особое внимание выкармливание молодых поросят снятым молоком, что возможно, конечно, только в тех хозяйствах, где молоко перерабатывается на масло, а не сбывается на рынке в свежем виде. В этом отношении особенно благоприятные условия имеются в тех хозяйствах, которые расположены близко от маслодельных заводов.

Птицеводство доставляет два вида продуктов—яйца и мясо. При неразвитом обмене бо́льшую ценность из этих двух продуктов имеют яйца, так как сравнительно с мясом они обладают бо́льшей сохраняемостью и транспортабельностью. Поэтому разведение кур на этой ступени преследует главную цель получения возможно большего количества яиц. Цыплята имеют ценность и высиживаются только как будущие поставщики яйц, а не ради их мясных свойств. Продолжительность жизни птицы максимальная. Об'ясняется

это тем, что благодаря скудности питания, курица сравнительно поздно приступает к кладке и ежегодно кладет сравнительно небольшую часть из того запаса зародышей, которые заложены в каждой курице при ее вступлении в зрелый возраст. Поэтому период, когда все эти зародыши выйдут из организма в виде яиц, весьма растягивается. Сократить его можно лишь путем лучшего кормления птицы и содержания ее в теплом помещении, что на этой стадии экономического развития еще не окупается, так как зерно, идущее в прикормку, стóит дороже яиц.

Благодаря этому приходится держать такое количество птицы, чтобы на каждую особь приходилось возможно больше «абсолютного» птичьего корма, который птица собирает сама, а в качестве прикормки даются зерновые отбросы. Таким образом удается получать яйца дешево, хотя и в небольшом количестве.

Чем больше повышается цена на яйца и в особенности на самих кур, как их производительниц, тем больше повышается количество допустимой прикормки и улучшается зимнее содержание птицы. Это ускоряет развитие птицы и ежегодного яйценесения, так что уже в раннем возрасте все зародыши превращаются в яйца и птица рано забраковывается. Размеры птицеводства увеличиваются. Более длинный промежуток яйценесения в течение года обусловливает более планомерный сбыт яиц.

На следующей ступени развития цены на яйца, птичье мясо и на кормовые средства складываются так, что главной целью птицеводства становится уже получение куриного мяса. Для этого петухи кастрируются и откармливаются также как и куры, прекратившие кладку яиц. Откорм дает тем большие результаты, что период яйценесения кончается рано, пока курица еще не состарилась. На следующей ступени яйценесение преследует исключительную цель получения мясных кур. Продажа яиц почти прекращается. Начинают применяться все средства для освобождения кур от высиживания, для каковой цели употребляются, напр., индюшки, которые могут сразу высидеть большое количество яиц, и иногда делают это несколько раз в году. Эту же цель преследует и применение инкубатора, который позволяет получать молодых цыплят в любое время года. При обильном корме и теплом помещении, которые теперь применяются, время кладки яиц все более оттягивается к зиме. Таким образом достигается наиболее интенсивная форма птицеводства—зимний откорм цыплят. Ясно, что это возможно лишь при большом спросе на цыплят зимой, т.-е. в хозяйствах, расположенных около крупного городского центра.

Не менее важное влияние оказывают рыночные условия на содержание *рабочего скота.*

В условиях примитивного хозяйства отсутствует упряжной скот. Лошади употребляются в качестве верховых животных, необходимых при пастьбе больших стад.

Только при возникновении пашни начинает применяться упряжка скота для обработки почвы, перевозки урожая и т. п. Дороги весьма плохого качества и велики, и потому легче всего преодолимы при помощи мелких телег и легких подвижных животных. Такие животные приспособлены также для обработки земли в этих условиях. Вспашка почвы еще очень поверхностна, так как соблюдается максимальная экономия рабочей силы. Эта экономия создает необходимость быстрой обработки больших площадей при помощи небольшого количества рабочих рук. Так как лошади, сравнительно с рабочими руками очень дешевы, то представляется возможным впрягать в плуг большое количество лошадей, содержание которых к тому же обходится не

дороже стоимости имеющегося в хозяйстве корма. Кормление лошадей ограничивается наименьшим количеством зимнего корма.

Если возможно, стремятся совершенно обойтись без сильных кормов, для чего применяется следующий способ.

При помощи больших площадей пара значительная часть обработки земли переносится на лето, т.-е. на время наиболее сильного пастбищного кормления. Зимой же животное кормят скудно и стремятся осенью возможно дольше держать на пастбище, а весной возможно раньше выгонять из стойла. Кроме того, предпочитают не запрягать в плуг большого количества животных сразу, а сменяют их во время работы несколько раз в день. Очень часто в таких хозяйствах впрягается в плуг 6—8 лошадей, которые меняются три раза в день, так что на один плуг и на одного пахаря приходится от 18—24 лошадей, которые не получают сильных кормов, а все свободное время пасутся на пастбищах.

Все это совершенно изменяется вместе с изменением соотношения цен на сельско-хозяйственные продукты и средства производства. Как только повышаются цены на продукты, полученные благодаря работе плуга, а сам плуг и работы при нем удешевляются, так повышается степень интенсификации. Если при этом пастбищная трава может быть использована более продуктивно путем скармливания молочному скоту, а сильные корма регулярно дешевеют, то возникает потребность в сбережениях этой травы для того, чтобы получить возможно больше молока. Появляется стремление к получению больших урожаев полевых, наиболее дорогих растений, что вызывает более энергичную обработку почвы. Для этого необходимо увеличение дачи упряжным животным сильных кормов и усиление зимнего кормления. Легкая и подвижная лошадь заменяется спокойным тяжеловозом. Кроме того, улучшение дорог позволяет применять большие телеги и накладывать на них большие тяжести.

Более интенсивное кормление в течение всего года позволяет сократить площадь пара и увеличить количество осенних и весенних работ. То же явление способствует уничтожению смен животных во время работы и сокращению количества одновременно впрягаемых в плуг лошадей. Так, количество это с 8 и 6 падает до 2-х и даже одной лошади.

Отношение между сырым и сильным кормом, а также между сеном и соломой в ежедневной даче изменяется. На низших ступенях сильные корма применяются лишь в исключительных случаях, иначе кочевым скотоводческим племенам пришлось бы таскать с собой громадное количество овса. На следующей ступени применение сильных кормов применяется во время усиленных работ, а затем уже идет равномерная дача этих кормов в течение всего года.

Увеличивающееся количество перевозимых тяжестей требовали увеличения роста самого животного, а увеличивающиеся дачи сильных кормов требовали животных, которые использовали бы эти корма наиболее продуктивно. Медленные движения животных позволяют в качестве корма использовать такие сырые продукты, как свекловица и картофель, культура которых, как известно, увеличивается по мере экономического развития. Система кормления лошадей все больше начинает приближаться к кормлению свиней. При этом животные созревают все раньше и потому их можно раньше пускать в работу.

Из всего сказанного следует, что спор о преимуществе того или другого вида лошадей должен быть разрешен в зависимости от экономических условий. Наивысшая ступень развития последних заставляет отдать преимущество тяжелым, спокойным породам. Без преувеличения можно сказать, что распро-

странение тяжеловозов является одним из лучших показателей интенсивности хозяйства. Тем не менее в зависимости от местных условий меняется целесообразность отдельных пород лошадей. Различные экономические положения отдельных хозяйств уже сами по себе вызывают потребность в различных свойствах упряжных животных; к этому еще прибавляется разница в обрабатываемой почве.

Мы подробно рассмотрели влияние рыночных условий на использование земли, на содержание пользовательного и рабочего скота. Для того, чтобы закончить с вопросом о влиянии рынка на организацию сельско-хозяйственного предприятия, нам нужно остановиться еще на значении рынка для *технической переработки продуктов сельского хозяйства.*

В неблагоприятном экономическом положении создается необходимость получения с наименьшими затратами наиболее транспортабельных продуктов. Это достигается только путем пастбищного хозяйства, которое доставляет худой скот, сгоняемый на рынок. Только на следующей ступени экономического развития делается выгодной доставка солонины, копченого мяса и других мясных консервов. Технические производства этого рода и являются первыми по времени возникновения в сельском хозяйстве. Но как только возникает производство солонины, копченого мяса и т. п., так сейчас же создается необходимость утилизации отбросов и побочных продуктов от этих производств. Так возникает техническое производство по переработке кожи, шерсти и т. п. По мере перехода к зерновой культуре начинает возникать техническая переработка зерна, среди которой первоначально наибольшее значение имеет производство спирта.

Зерно, превращаясь в спирт, приобретает чрезвычайно транспортабельный характер, т. к. спирт обладает большой ценностью по отношению к своему весу, и, во-вторых, он совершенно не портится.

Пивоварение также первоначально носило домашний характер, затем стало снабжать местный рынок, не отрываясь от сельского хозяйства. Такой отрыв происходит в крупных пивоварнях, поставляющих свой продукт на большие рынки. Ячмень и, в особенности, хмель являются очень транспортабельными продуктами; и, наоборот, пиво гораздо менее транспортабельно и легче подвергается порче, так что возникает стремление к самостоятельному производству пива в местах наибольшего спроса на него, и сюда сельское хозяйство доставляет хмель и ячмень.

Таким же путем развивается и мукомолье. Сначала имеются только домашние мельницы, затем появляются мелкие мельницы, связанные с сельским хозяйством. Эта связь должна держаться до тех пор, пока количество помола настолько незначительно, что работа продолжается меньше года и мельница не может существовать самостоятельно.

С увеличением плотности населения и улучшением путей сообщения эти мелкие мельницы заменяются большими окружными мельницами, работающими на покупном зерне. Эти мельницы уже совершенно оторваны от сельского хозяйства, имеют работы на целый год, пользуются квалифицированными работниками и повышенной техникой, достигают максимального использования материала,—одним словом, являются вполне индустриальными предприятиями.

Что касается производства крахмала, то сравнительно с винокурением оно относится к более высокой ступени экономического развития, т. к. этот продукт менее транспортабелен, чем спирт, что особенно относится к сырому крахмалу.

По мере экономического развития техническая переработка направляется на использование все менее ценных сырых материалов. Сначала

перерабатывается шерсть и мясо, затем зерно, потом картофель и свекла, наконец, отбросы винокурения, винокуренная барда и на еще более высоких ступенях сельский хозяин, рядом с использованием сахарной свеклы, перерабатывает и свекольную ботву. При этом сушка рано или поздно превращается в самостоятельное производство. Сначала переработка картофеля в спирт и крахмал заменяется сушкой картофеля, особенно после того, как цены на мясо, молоко и др. продукты животноводства погышаются сравнительно со спиртом и если к этому прибавляется еще повышение цен на покупные сильные корма. Тогда приобретает все большее значение производство собственных сильных кормов для равномерного кормления животных в течение года. Для такого равномерного кормления сушка картофеля имеет особенное значение. Применение сушеного картофеля возможно в течение целого года, что позволяет хозяйству, откармливать своих животных к моментам наибольшего повышения цен.

Особенное значение имеет сушка картофеля в тех районах, где урожаи кормовых растений низки, а урожаи картофеля, наоборот, велики: особенно, если при этом нет возможности регулярного сбыта картофеля на рынок или количество его настолько велико, что одни мелкие и больные клубни обеспечивают и окупают работу по сушке. Без сушки при таких условиях создается необходимость сокращения скотоводства.

Не меньшее, а даже большее значение имеет сушка свекольной ботвы, которая, в противоположность картофелю. не имеет в сыром виде никакой ценности. Поэтому, как только в силу развивающихся экономических условий, цены на продукты животноводства достигают известной величины, так сушка свекольной ботвы. делается лучшим средством обеспечить независимость хозяйства от кормового рынка Правда, этот вид переработки еще только начинает применяться в Западной Европе, не говоря уже о России, где рыночные условия для этого слишком еще неблагоприятны.

Рост урожаев, сопровождающий хозяйственную историю, развитие техники, наличие ряда отраслей по переработке продуктов земледелия и, самое главное, повышение цен на сельско-хозяйственные продукты,—все это рано или поздно приводит к возникновению новых и новых отраслей технической переработки. Так, уже в Западной Европе начинает появляться кое-где сушка картофельной ботвы. А за последние годы германские специалисты начинают задумываться и частью уже применяют искусственную сушку молодого клевера. Особенно выгодна сушка на высоких ступенях развития, когда она связана с садоводством и огородничеством. Сушка овощей и плодов делает хозяйство независимым от расстояния до рынка. Кроме того, она поставляет на рынок продукт во время наиболее высоких цен и, наконец, благодаря сушке возможно развитие садоводства и огородничества там, где этому благоприятствуют природные условия, но где эти отрасли не могли бы развиться в силу отдаленности от рынка.

Таким образом, развитие рыночных условий на каждой своей ступени имеет наиболее выгодную отрасль технической переработки сельско-хозяйственного продукта. Сначала мы видим переработку мяса, кожи и шерсти, затем появляется производство спирта из зерна, затем спиртных напитков и спирта из картофеля, и на последней стадии водворяется сушка, постепенно захватывающая все менее ценные или малотранспортабельные продукты и отбросы сельского хозяйства.

Какой из этих видов технической переработки наиболее выгоден при данных местных условиях определяется в конечном счете сравнением тех

затрат, которые он требует, с теми плюсами, которые он приносит в общей массе доходов всего хозяйства.

Все сказанное о влиянии рынка на организацию производственных операций отдельного сельско-хозяйственного предприятия достаточно ясно подчеркивает, что это влияние является решающим, что организация хозяйства складывается под этим влиянием в такой же степени, как под влиянием природных условий.

После этого продолжительного отступления мы можем вернуться к вопросу о роли и значении сельско-хозяйственной кооперации.

Организационно-производственное значение сельско-хозяйственной кооперации.

Сельско-хозяйственная кооперация об'единяет ряд процессов, имеющих место в крестьянском хозяйстве. При этом в зависимости от своеобразия того или иного процесса он ложится в основу того или иного вида кооперации. Следовательно, классифицируя эти процессы, мы уже создаем известную классификационную таблицу самой сельско-хозяйственной кооперации.

Чаянов приводит географическое изображение всех процессов в крестьянском хозяйстве и говорит: „разсчленяя каждое из звеньев приведенного плана на его технические элементы, мы увидим, что земледельческое производство слагается из многочисленных технических процессов, которые имеют различную природу и могут быть разделены на следующие категории: 1) механические процессы, связанные с земельным пространством (обработка почвы, посев, перевозка, уборка урожая, перегоны скота и проч.), 2) биологические процессы растениеводства и животноводства (произрастание растения, лактация коров, нагул мяса и проч.), 3) механические процессы первичной переработки получаемого сырья (молотьба, сливкоотделение, приготовление масла, трепка льна и проч.), 4) хозяйственные операции, связывающие хозяйство с внешним миром (покупка и продажа, кредитные отношения и прочее)".

Далее автор, намечая элементы организационного плана, подлежащие кооперированию, составляет перечень возможных видов крестьянской кооперации. „Сопоставляя, говорит он, такой перечень с фактами действительной жизни, мы можем заметить, что многие из намеченных нами на основании организационного анализа видов кооперации еще не существуют в действительности, они еще не открыты практикой, подобно тому, как нашими химиками еще не открыты многие из элементов Менделеевской таблицы химических начал".

Такая таблица возможных типов сельско-хозяйственной кооперации представляется Чаянову в следующем виде:

„I-я категория хозяйственных процессов—механические процессы, связанные с пространством обрабатываемых земель:

а) машинные товарищества,
б) товарищества совместной обработки,
в) мелиорационные и водные товарищества.

II-я категория—биологические процессы:

г) племенные бычьи союзы,
д) общества племенных книг,
е) контрольные товарищества,
ж) селекционные товарищества.

III-я категория—механические процессы первичной переработки:

з) молотильные товарищества,

и) маслодельные товарищества,

к) картофеле-терочные, овоще-сушильные и подобные товарищества.

IV-я категория—хозяйственные операции, связывающие хозяйство с внешним видом:

л) кооперативы по закупке,

м) товарищества по сбыту,

н) кредитные товарищества,

о) земельные и арендные товарищества,

п) страховые союзы".

Если между приведенной таблицей и Менделеевской и есть то сходство, что некоторые из элементов той и другой еще не найдены, то этим все сходство и кончается. Наряду с этим имеется гораздо более важное отличие в том, что в основе Менделеевской таблицы лежит единство исходных принципов ее построения, а в Чаяновской таблице в этом отношении наблюдается полная путаница.

Как мы видели, автор пытается расчленить „звенья организационного плана крестьянского хозяйства" на технические элементы и делит все процессы на четыре категории, из которых первые три действительно об'единены техническими признаками, но четвертая даже и название носит „хозяйственных операций".

Такое смешение технического и экономического принципов привели к тому, что, например, маслодельные товарищества отнесены к группе кооперативов, об'единяющих механические процессы переработки, в то время как товарищества по сбыту находятся в IV-й группе. Между тем маслодельная артель ставит своей задачей именно организацию сбыта, как и всякое другое сбытовое товарищество, а техническая переработка здесь является побочным моментом и, что самое главное, построенным не на кооперативном принципе, а на наемном труде.

Сказанное в одинаковой степени относится и к картофеле-терочным и к овоще-сушильным товариществам. Если проводить технический принцип до конца, то вместо товариществ по закупке или сбыту пришлось бы придумать такие кооперативы, как, например товарищество по хранению, складочное, транспортное и проч.

В смысле квалификации кооперативов совершенно правильно держится исключительно экономического принципа М. Туган-Барановский. Он утверждает, что „Хозяйство исчерпывается трудом производства и обменом: хозяйственный процесс вполне закончен, когда предмет произведен трудом и куплен кем-либо для целей потребления. Поэтому и кооперативы не могут иметь других задач, кроме организации на кооперативных началах производственного труда и обмена. Однако, таких кооперативов, которые ставили бы себе задачей кооперативную организацию только труда производства, не существует, и по очень понятной причине. Современное хозяйство есть хозяйство меновое, и поэтому всякий процесс производства непременно предполагает и обмен".

В виду этого М. Туган-Барановский устанавливает две основных группы кооперативов: 1) кооперативы в сфере только обмена и 2) кооперативы в сфере обмена и труда.

Постараемся перечень видов сельско-хозяйственных кооперативов, установленный А. Чаяновым, распределить по двум этим единственно-правильным

признакам, предварительно, конечно, забыв о кооперативах, разделяющих судьбу еще не открытых элементов Менделеевской таблицы.

К группе кооперативов, оперирующих только в сфере обмена, несомненно относятся:

1) товарищества по сбыту,
2) товарищества по закупке,
3) кредитные товарищества,
4) страховые союзы,
5) маслодельные артели,
6) картофеле-терочные и подобные товарищества,
7) арендные товарищества.

Ко второй группе — к кооперативам в сфере обмена и труда—должны быть отнесены:

1) машинные товарищества,
2) племенные бычьи союзы,
3) мелиоративные товарищества,
4) землеустроительные товарищества,
5) общества племенных книг,
6) контрольные союзы,
7) земледельческие артели.

Остановимся на первой группе кооперативов. Несмотря на то, что они об'единяют индивидуальные хозяйства на почве только обмена, не затрагивая непосредственно производственных функций, все же косвенно они не могут не влиять на производство в отдельных хозяйствах. Так как задачей кредитных кооперативов является предоставление дешевого производительного кредита, задачей кооператива по заготовке—доставка улучшенных предметов хозяйственного оборудования, кооператива по сбыту—предоставление производителю всех выгод, которые у него отнимались посредником, и т. д., то ясно, что вся эта группа кооперативов в результате своего существования должна повлечь за собой, во-первых, улучшение качества производимых продуктов и во-вторых, увеличение их количества. И то и другое достигается путем увеличения капиталов индивидуального хозяйства. Последнее растет в своих размерах и увеличивает свой оборот. К сожалению у нас нет достаточно полных цифровых данных, указывающих влияние кооперации на организацию хозяйства. Надо заметить, что наша кооперативная статистика обращала главное внимание на хозяйство самого кооператива, а не на хозяйства его членов. Тем не менее некоторые указания имеются, главным образом, в земской литературе.

Так, Н. Макаров в своей статье „Кооперативно-организованный кредит и крестьянское хозяйство в Московском уезде" задается вопросом: „как же повлияли кредитные отношения на крестьянское хозяйство. Помогли ли они его перестройке и расширению, или нет".

Из всех товариществ Московского уезда лишь одно Мытищинское дает цифры, немного освещающие этот вопрос. Оказывается, что в этом товариществе „размер ссуды в том случае, когда число голов скота увеличилось, больше, чем в тех случаях, когда число голов скота осталось без изменения, или уменьшилось; группа с увеличившимся числом голов захватывает 29% всех членов; в этой группе членов, получивших ссуды в большей сумме, и произошло увеличение „капиталоемкости", а с ней и „трудоемкости" хозяйства; в то же время и характер изменения в среде этой группы указывает на более рациональное использование ссуд по сравнению с предыдущими

хозяйствами; именно в то время, как в этой группе число лошадей возросло на 49%, число коров—на 127% (в районе Мытищенского товарищества в это время развивалось молочное хозяйство), для всех членов число лошадей сократилось с 298 до 214 (—28%), коров с 230 увеличилось на 266 (+16%), построек же на +30%".

Конечный вывод Н. Макарова такой: „Расширение крестьянского хозяйства именно в области скотоводства установлено; при этом заметна связь с кредитными операциями; чужой, полученный через кооперацию, капитал вводился в крестьянское хозяйство, расширяя его размеры, давая больше места более рациональному приложению труда крестьянского хозяйства". В 1903 году Курганский отдел Московского Сел.-Хоз. Об-ва писал: „В отчетном году при денежной поддержке министерства земледелия были продолжены опыты по травосеянию. Особенное распространение за последние годы получил здесь могар. Семена могара продавались Курганским сел.-хоз. тов-ом, которое продало таковых 3750 п. в уездах Кург., Ялут., Ишимск., Тюкалинск. и частью Челябинском, и таким образом, могаром было засеяно более 3000 дес. По примеру прошлых лет отдел собрал сведения о количестве посева и об урожае могара. Сельское население с большим вниманием относится к травосеянию и уже в настоящее время существуют попытки выведения семенных трав в своих хозяйствах".

Тот же Н. Макаров указывает: „По отношению к скотоводсву изменения шли не только в его условиях—„поскотинах", травах и т. д.—но и в нем самом: крестьянское хозяйство должно было наконец понемногу перестать попросту увеличивать число голов скота, так как в этом увеличении постепенно уже достигался предел, установленный размером поскотины" и сенокосных угодий. Наряду с тем, как крестьянство начинало переходить к более интенсивной эксплоатации той же земельной площади, оно должно было отдавать также больше труда каждой голове стада, увеличивая этим путем валовой доход с каждой головы. И в этой области, где, как мы указывали в начале, господствовала страшная экстенсивность, диктуемая тем же земельным простором и слабым развитием меновых отношений, там постепенно должны были произойти и происходили изменения. Почти с 1900-х годов начинают доноситься слухи, что уход за скотом понемногу растет, что корм для увеличения удоя улучшают, что летом вводится подкорм, так как все это окупается ценой молока. Понемногу прекращаются случаи корма, состоящего только из соломы, и вообще улучшается корм, понемногу скот начинают содержать теплее, увеличивая этим и другими мерами период доения и размеры его. До сих пор в летнее время корм был только подножный, „что бог дал", но „в последнее время, сообщал Мингалев еще в 1900 г., при сдаче молока в маслодельни случаи подкармливания (подсыпание муки, отрубей, дача сена более или менее частая) стали встречаться довольно часто, так как расход на подкармливание с излишком покрывается доходом от продажи молока".

Кооперация, говорит Н. Макаров дальше, „есть источник тех частных, но важных для крестьянского хозяйства вопросов, правильно разрешая которые, население приходит к разрешению всего назревающего вопроса о переходе к более высоким рациональным и интенсивным системам и приемам сельского хозяйства".

В докладе Редькина на 1-м кооперативном с'езде Ярославской губ. в 1913 году приводятся цены на молоко по районам действия маслодельных артелей накануне открытия и в момент открытия артели. Цена за пуд молока во всех районах поднялась от 10% до 15%. Такое повышение цен не могло конечно не отразиться как на доходах хозяйства, так и на его организации,

но к сожалению на последней доклад не останавливается. Но, судя по тому, что за один год доходы от скотоводства членов артели возросли в общей сумме на 58.000 руб., надо предполагать, что без влияния на организацию хозяйства это повышение не осталось, если только артели продолжали свою работу и дальше.

Представим себе, что такая артель развивается, крепнет и втягивает в свою орбиту все большее число членов.

Тогда первым следствием повышения цены сбываемого молока явится улучшение кормления скота и покупка сильных кормов—жмыхов, отрубей и т. д.

Но не приходится забывать, что покупка кормов означает собой ввоз в хозяйство новых питательных элементов для растений. Делается выгодным добавление к навозу искусственного удобрения. До этого времени, как уже говорилось, ни сильные корма, ни искусственные удобрения не покупались, так как были слишком дороги; теперь тот же кооператив поставляет их по значительно более дешевой цене и делает вполне доступным их применение.

Но этим дело не ограничивается. Усиленное использование почвы в силу указанных причин вызывает потребность не в одном, а в различных видах искусственного удобрения, а в каких именно—зависит от состава и требований высеваемых растений, от почвенных условий и т. д. Раньше всего начинает ощущаться недостаток в азоте, затем в фосфорной кислоте и после всего в калии. Если цена например, на чилийскую селитру, содержащую азот, очень высока, то хозяйство принуждено заменять покупной азот тем, который можно извлечь из воздуха при помощи посевов бобовых и мотыльковых растений.

Таким образом оказывается, что благодаря кооперативу в хозяйстве произошли следующие перемены чисто производственных его функций: 1) изменилось кормление животных, 2) усилилось и изменилось навозное удобрение, 3) появилось применение искусственных удобрений и 4) изменился севооборот. Ясно, что все эти последствия не могут не вызвать изменения техники в хозяйстве и, следовательно, покупку через кооперацию нового инвентаря, более усовершенствованных орудий и машин, что является пятым следствием деятельности кооператива.

Так как кооперация, ставя своей задачей борьбу с торговым капиталом, приводит к наибольшему повышению цен на сельско-хозяйственные продукты и к наибольшему понижению их на средства производства, то она оказывает решительное влияние на всю организацию производственных операций сельско-хозяйственного предприятия.

Если последнее хочет выиграть в борьбе за существование, то оно принуждено принять именно эту, а не какую-либо иную форму организации. Организовать же хозяйство и вести его в должном направлении можно лишь при наличии известных капиталов и средств производства, которое крестьянское хозяйство легче всего приобретает через посредство той же кооперации.

Таким образом кооператив, являясь проводником рыночных требований и влияний на крестьянское хозяйство, помогает ему путем увеличения его капиталов получать бо́льшую выгоду, но в *то же время принуждает его к определенной организации производства* и в *этом смысле лишает известной доли самостоятельности.*

Так как сельско-хозяйственная кооперация явилась как средство борьбы крестьянского хозяйства с частным капиталом в сфере обмена, то понятно, что наиболее старым видом кооператива является кредитное, сбытовое и закупочное товарищества Здесь кооперация берет на себя функции только обмена. При этом первоначально она сбывает продукты в том виде, в каком

они доставлены из хозяйства членов, и снабжает их изделиями, купленными на рынке в готовом виде. Но с течением времени, в силу тех же рыночных условий она со сбытом соединяет и переработку, а закупку сосредоточивает только на материалах, своими силами создавая предприятие по изготовлению предметов снабжения крестьянского хозяйства.

Так создаются маслодельные, картофельно-терочные товарищества, с одной стороны, заводы сельско-хозяйственных машин или искусственных удобрений, с другой стороны. Тем не менее эти товарищества остаются меновыми кооперативами, а не производственными, так как производственные операции у них построены на наемном труде).

Если кооперативы в области только обмена оказывают значительное влияние на производство единичного хозяйства, то ясно, что это влияние еще больше со стороны кооперативов, захватывающих сферу и обмена и труда.

Перечисленные выше кооперативы, входящие в эту группу, могут быть в свою очередь разбиты на две категории.

К первой категории должны быть отнесены машинные товарищества и племенные бычьи союзы. Здесь хозяйства об'единяются на почве пользования предметами, принадлежащими на праве общей собственности кооперативу—машинами, быками-производителями. Ко второй категории мы относим те кооперативы, которые об'единяют самый процесс труда. После совершения определенных и, может-быть, довольно длительных операций над тем или иным об'ектом, кооператив кончает свое существование и пользование этим об'ектом передается бывшим членам кооператива на индивидуальных началах. К этой категории приходится отнести, во-первых, мелиоративные и землеустроительные товарищества. Лица, составляющие эти кооперативы, совместно производят коренные улучшения почвы или исправляют границы своих смежных участков, и после этого ликвидируют свое товарищество, ведя индивидуальное хозяйство на улучшенной земле или при исправленных границах.

Ко второй же категории относится и общество племенных книг и контрольные союзы, так как их задачи сводятся к тому, чтобы совместными силами наладить производство при помощи орудий, принадлежащих индивидуальному хозяйству, а не всему кооперативу

Итак одни кооперативы этой группы об'единяют орудия производства при наличии индивидуального пользования, другие, наоборот, об'единяют труд, оставляя в индивидуальном владении орудия производства.

Об'единяются орудия, входящие в состав *основного* капитала. Известно, что эта часть капитала сельско-хозяйственного предприятия складывается, во-первых, из капитала земли, во-вторых—капитала построек и в третьих—капитала живого и мертвого инвентаря. Кооперативы первой категории—машинные и племенные бычьи союзы—об'единяют лишь третий элемент основного капитала—инвентарь, но и то далеко не весь, а только племенных быков и некоторые машины. Ясно, что об'единяются только те машины, которые не могут быть приобретены и использованы отдельным крестьянским хозяйством. Незначительность его земельной площади делает пользование дорогой машиной убыточным, точно также как незначительность всего хозяйства делает невозможным содержание племенного быка в каждом хозяйстве.

Машинное товарищество доставляет отдельному хозяйству возможность пользоваться такими машинами, которыми оно не может пользоваться, будучи изолировано. Товариществу нет никакого смысла обзаводиться такими

*) Подробно об этом: Туган-Барановский «Социальные основы кооперации» стр. 119, 124.

орудиями, которые имеют свободный и легкий доступ в любое единичное хозяйство и применение которых приносит там выгоду. Ясно, что такое товарищество не станет обзаводиться сохами, одноконными деревянными плугами, простыми боронами и т. п. В состав его инвентаря должны входить сеялки, жнейки, косилки, молотилки, сортировки и т. д., т.-е. те машины и орудия, применение которых может быть выгодно только в крупном хозяйстве.

Помимо того, что машины позволяют сельскому хозяйству быстро справляться с целым рядом работ, что влияет на его организацию, значение машин еще усиливается благодаря тому, что они заменяют собой не только ручной труд, необходимый для производства данной операции, но и ряд других функций. Так, трактор заменяет собой не только однолемешный плуг или лопату, но и работу лошади при плуге Таким образом в хозяйстве сильно сокращается потребность в рабочем скоте. Паровая молотилка сокращает даже потребность в постройках, так как хлеб может молотиться прямо в поле, зерно свозится в амбар, а солома складывается в ометах; нет потребности в сарае для необмолоченного хлеба, а также в работе по его складыванию в скирды.

Наконец нельзя не указать на то, что применение машин может сильно влиять на организацию севооборота, что видно хотя бы из следующих примеров. В Германии часто можно встретить такое сочетание высеваемых растений: 1) люпин, 2) картофель и 3) озимая рожь. Если эти растения идут в указанном порядке, то часто хозяйство не успевает собрать картофеля, как уже надо засевать участок озимой рожью. В результате или запоздалый посев ржи, или невыгодная культура раннего картофеля. Другое чередование: 1) люпин, 2) рожь и 3) картофель невыгодно в том смысле, что зеленое удобрение люпина хуже используется рожью, чем картофелем, иными словами, при таком севообороте значительная часть удобрительных элементов люпина пропадает даром. Применение картофелекопалки, позволяющее очень быстро убрать картофель, и применение сеялки, позволяющее еще быстрее произвести посев ржи, делает возможным использование первого севооборота, которое дает наибольшие результаты. Другой пример из нашей русской действительности. Известно, какое громадное значение в нашем крестьянском хозяйстве имеет наличие кормов. Их недостаток заставляет обращаться к полевому травосеянию и, между прочим, к посеву вики в паровом поле. Крестьянское хозяйство, имеющее малое количество рабочих, не всегда может прибегать к такому посеву, так как рискует не управиться со своевременной уборкой вики и засевом на той же площади озимой ржи. Применение косилки и сеялки устраняет этот риск, т.-е. обеспечивает хозяйство кормами. Увеличение корма означает улучшение скотоводства, т.-е. одной из важнейших отраслей сельско-хозяйственного предприятия.

Ограничимся тем немногим, что здесь сказано об организационном влиянии сельско-хозяйственных машин. Из этого немногого видно, что применение машин чрезвычайно сильно может изменять и изменяет структуру отдельного хозяйства. Если, таким образом, машинное товарищество регулярно предоставляет данному хозяйству машину, то этим оно в конце-концов так реконструирует организацию этого хозяйства, что делает его вполне зависимым и органически связанным как с этим товариществом, так и с другими хозяйствами, входящими в его состав.

Эта организационная связь обусловливается еще и тем, что сельско-хозяйственные работы должны быть выполнены в определенный момент года. Машинное товарищество, очевидно, не может иметь столько экземпляров каждой машины, сколько хозяйств входит в его состав, так как тогда те-

ряется всякий смысл товарищества. Следовательно, приходится устанавливать очередь пользования машинами. Установившаяся очередь должна держаться годами, так как при этом условии каждое хозяйство, зная когда именно машины будут у него, конструирует соответствующим образом и все остальные свои работы и организационные мероприятия. Так, например, если хозяин знает, что жнейка для уборки его овса и ячменя будет предоставлена ему с 15—20 сентября, то, учитывая вегетационный период каждого из этих растений, он посеет сначала овес, например, 10 мая, а ячмень, чтобы он созрел одновременно с овсом, около 25 мая. Вместе с этим он распределит соответствующим образом и все остальные весенние работы—вывозку навоза, вспашку и проч. Ясно, что вся эта организация будет иная, если он будет знать, что машины будут ему предоставлены 20-го августа.

Таким образом, члены машинного товарищества незаметно даже для себя создают такие организационные формы своих хозяйств, которые являются в значительной степени дополнением одного к другому.

Подобное же значение имеют и племенные бычьи союзы. Распространяя среди своих членов определенные породы животных и устанавливая очереди случки коров, такой союз оказывает решающее влияние на организацию скотоводства в данном хозяйстве. При этом, конечно, непременным условием является, чтобы союз распространял именно ту породу, которая в наибольшей степени отвечает требованиям рынка. Иначе союз не будет отвечать своему назначению и никакого влияния на хозяйство оказывать не сможет.

Обратимся ко второй категории кооперативов, об'единяющих труд при сохранении индивидуального пользования и владения капиталами. Нетрудно убедиться, что одну часть этой категории образуют товарищества мелиоративные и землеустроительные, которые создаются для проведения одной сложной, но *неповторяющейся* операции. Проводя систему осушений, или исправив границы участка, товарищество ликвидируется. Наоборот, контрольные союзы и товарищества племенных книг выполняют длительные, повторяющиеся функции по созданию и усовершенствованию скотоводства. Но наряду с этим различием имеется еще большое сходство между этими кооперативами. Это сходство, на мой взгляд, заключается в том, что все они ставят своей задачей *увеличение некоторых видов основного капитала*.

Ясно, что организация основного капитала, хотя бы в одной его части, оказывает решающее влияние на весь механизм хозяйства. Превратив болото в луга, сухое пастбище—в плодородную пашню, создав правильные и удобные границы, проведя дороги и т. д., мелиоративные и землеустроительные товарищества совершенно реорганизуют хозяйство. Но, дав хозяйству толчек и обеспечив его новым основным капиталом, кооператив кончает свое существование и потому на дальнейшее об'единение единичных хозяйств оказывать влияние не может. Наоборот, кооперативы, выполняющие длительные, повторяющиеся операции по созданию и организации основного капитала, создают однообразное направление, систему и организацию хозяйства.

Для того, чтобы убедиться, какое организационное значение имеют контрольные союзы и союзы племенных книг, вспомним несколько фактов.

А. Чаянов в статье «Союзы скотоводов в Западной Европе» приводит данные, из которых видно, что в тех провинциях Бельгии, где процент вписанного в племенные книги скота ниже 5%, там средние ярмарочные цены на скот с 1900 года по 1906 возросли на 13,3%; там, где процент вписанного скота составляет 5—6%, цены возросли на 29,7%, и там, где

процент вписанного скота больше 6%, цены поднялись на 32,8%. Конечно, при этом нельзя не оговориться, что на высоту цен влияет такое множество факторов, что весьма трудно быть уверенным в том, что указанный под'ем цен связан именно с деятельностью союзов племенных книг.

Но вот данные другого характера. В Вейенском контрольном союзе (в Дании) на одну корову приходилось:

	Молока.	% жира.	Масла
1895—1900 г.	3.086 кило	3,35%	115 кило
1900—1905 г.	3.219 „	3,44%	123 „

Средний годовой удой одной коровы в контрольных союзах острова Зеландии (Дания) в 1899—1900 гг. был 5.679 датских фунтов с 3,36% жира, что давало 212 ф. масла в год. В 1919 году удой составлял 6.124 ф. с 3,51% жира, что давало 239 ф. масла на корову.

Из следующих данных видно, что контрольные союзы, наблюдая за кормлением и влияя на составление кормовых дач, способствовали значительному повышению использования кормов. Так, в одном контрольном союзе в Дании с 1899 года по 1910 г. количество молока на 100 кормовых единиц поднялось на 17% и масла—на 19%; в другом союзе за этот же период — молока на 37% и масла на 38%; в третьем контрольном союзе с 1901 года по 1909 г.—молока на 19% и масла—на 15%. С. Давыдов на 1-ом кооперативном с'езде в Ярославской губернии в 1913 г. приводит интересные данные по Веретейскому контрольному союзу Мологского уезда:

Живой вес коровы	Себестоимость 1-го пуда молока. При обычном крестьянском кормлении	При кормлении по нормам союза
18 п 20 ф	1 руб 10 коп	60 коп
18 » 30 »	63 »	41 »
25 » 35 »	60 »	48 »
26 » 20 »	80 »	60 »
25 » 20 »	80 »	60 »
19 » 14 »	1 руб — »	47 »

Наконец, из доклада Хренова на том же с'езде видно, что благодаря деятельности Климовского контрольного союза отдельные хозяйства сдавали молока на маслодельный завод на одну корову в среднем в 1911 году на 134% больше, чем в 1906 году; в то же время себестоимость молока упала на 51%.

Ясно, что такое торговое значение союзов не может не отразиться на организации хозяйства в смысле хотя бы реорганизации всего метода кормления скота, что связано с изменением севооборота, соотношения угодий, системы обработки земли и т. д. Действительно, в отчете Центрального Сельско-Хозяйственного О-ва Лифляндии за 1912 г. читаем:

„Контрольные товарищества скотоводов, предоставляя владельцам стад точные данные о количестве потребленного каждой коровой корма и полученного молока, в то же время обнаруживают недостатки в содержании скота, а также дают весьма ценные указания для дальнейшего улучшения стад путем подбора племенных животных не только по здоровому сложению, но, главное, по производительности. Этим, однако, не исчерпывается благотворное влияние контроля на развитие скотоводства. Одновременно с воз-

никновением контрольного товарищества среди хозяев само собой возникает предприимчивость и стремление к улучшению в первую очередь кормовых условий. В течение немногих лет усиленной работы уже достигнуты в этом направлении утешительные результаты: обширные поля осушены и обращены под культуру кормовых растений, посевы клевера расширяются, а корнеплоды начинают занимать видное место в полевом клину. Бывает нередко, что под ними отводится $^1/_3$, $^1/_{10}$ всей пахотной площади крестьянской усадьбы".

Часто приходится слышать ту совершенно правильную мысль, что вся сила сельско-хозяйственной кооперации заключается в выделении и организации на совместных началах таких операций, в которых крупная форма хозяйства имеет преимущества. Эта правильная мысль требует однако дальнейшего развития.

Дело в том, что крестьянское хозяйство, передает в руки кооперации чрезвычайно важные жизненные нервы отдельных хозяйств, фактически лишает себя доли самостоятельности. Мы видели, что первоначально старейшая форма кооператива—кредитное товарищество, а затем и вообще вся кооперация в сфере обмена, поставили организационную и производственную проблему единичного хозяйства в зависимость от рынка и непосредственно от себя.

Кооператив, как самостоятельная отдельная от единичного хозяйства организация, давит на волю этого хозяйства не посредством грубого принуждения, а путем нажима на самое чувствительное место—на размеры дохода.

По мере экономического развития это влияние кооперации усиливается. Кооператив накладывает определенную форму на некоторые операции внутрихозяйственного характера. Контрольные союзы, союзы племенных книг, машинные т-ва и т. п. принуждают крестьянина создавать и организовывать часть основного капитала своего хозяйства именно таким способом, как этого требует кооператив. Пока хозяйство ограничивало свою связь с кооперативом одними меновыми отношениями, оно могло поступать по своему усмотрению; правда, ему было невыгодно поступать не так, как от него требовал кооператив, но определенных обязательств вести свое хозяйство так, а не иначе, голым фактом вступления в кооператив не накладывалось.

Контрольные же союзы, союзы племенных книг, машинные т-ва, землеустроительные и мелиоративные т-ва и т. п. кооперативы уже одним фактом включения в свой состав принуждают хозяйство к определенным формам труда и затрат капитала.

Наконец, кооператив берет на праве собственности часть основного капитала хозяйства, что мы имеем в бычьих союзах, в машинных товариществах и т. п. В силу органической связанности отдельных отраслей внутри одного хозяйства, выделения части основного капитала и наличия чужой воли, управляющей им, организация хозяйства теряет уже значительную долю своей самостоятельности.

Кооперация—сравнительно очень молодое социальное явление, но явление, уже получившее полное право на существование. Формы ее развиваются и осложняются точно так же, как и те функции, которые она берет на себя. Поэтому нельзя заранее сказать, что сделает сельско-хозяйственная кооперация с мелким хозяйством крестьянина. Такое пророчество меньше всего является задачей настоящего сочинения. Но пока что, кооперация крепко захватила и все больше захватывает. в свои руки область меновых отношений, часть труда, направленного к созданию основного капитала единичных хозяйств и часть этого основного капитала. Этим захватом она фактически

уже лишила единичное хозяйство части самостоятельности, начав превращать его в орган одного более крупного организма.

Я заранее предвижу те возражения, которые встретят эти мысли со стороны тех, кто придает особенное значение самостоятельному проявлению воли отдельного хозяйствующего суб'екта, его индивидуальности, инициативы и т. д. Ни одной минуты не умаляя значения всех этих стимулов и считая их важнейшими двигателями хозяйственного развития, укажу лишь, что говорить об их укреплении и расцвете в крестьянском хозяйстве, в условиях его непосредственного подчинения торговому капиталу, не приходится. В таких условиях самостоятельность отдельных индивидумов является ничем иным, как простой фикцией.

Рынок руководит и не может не руководить каждым действием сельского хозяина; не подчиняться рынку может лишь тот, кто может позволить себе роскошь убыточного ведения хозяйства.

Если таким образом самостоятельность хозяйствования все равно ограничена, а в то же время стремление к ней является одним из важнейших стимулов экономической эволюции, то не является ли кооперация лучшим способом для мелких хозяйств превратиться в крупные.

Кооперация медленно идет по пути концентрации и накопления капиталов мелких хозяйств, начиная таким способом об'единять их в крупные хозяйства и принуждая к определенным организационным формам, превращающим отдельное хозяйство в часть более крупного.

При этом иллюзия самостоятельности, имеющая такое большое значение в хозяйственной жизни, сохраняется в значительно большей степени, так как кооператив—организация, в которой воля отдельного хозяина имеет большее значение, чем при непосредственной зависимости от торгового капитала. В кооперативе каждый хозяин *считает* себя свободным, а это одно уже служит достаточным основанием для проявления инициативы и хозяйственной воли.

Именно там, где нет этой иллюзии, хозяйство гибнет, как это мы видим на примере сельско-хозяйственных артелей и коммун. Не останавливаясь, подробно на этих формах хозяйства, укажу лишь на два основных момента, которые, с нашей точки зрения, ведут к гибели этих начинаний.

Во-первых, в них об'единяются большие площади земель и незначительные капиталы, поэтому производительная полезность земли ничтожна, все недостатки крупного землепользования налицо, так как земля, не будучи достаточно снабжена капиталом, имеет ничтожную ценность; словом размеры хозяйства невелики. К этому присоединяется второй момент—полное отсутствие иллюзии самостоятельности хозяйствования, что при наличии небольших размеров хозяйства делает ведение его чрезвычайно тягостным и убыточным.

К какому же выводу приводит наше затянувшееся рассуждение? Очевидно, вывод этот единственный: развивающаяся кооперация, захватывая все больше нитей, связывающих мелкое сельское хозяйство с рынком, не может не оказывать влияния на организацию производства в этом хозяйстве. Конечно, могут быть очень большие и серьезные сомнения в том, в состоянии ли кооператив захватить все или даже большую часть этих нитей. На этом вопросе мы совершенно не останавливались, так как он по своему об'ему должен быть темой самостоятельной большой работы. Мы говорили лишь: постольку, поскольку сельско-хозяйственная кооперация в состоянии захватить эти нити, она является единственным средством для накопления и концентрации сельско-хозяйственных капиталов и превращения мелкого сельско-хозяйственного производства в крупное при мелком землепользовании.

А это, как уже достаточно выяснилось в начале настоящей работы, ведет к возможности перехода изготовления средств сельско хозяйственного производства в индустрию, к возможности максимальной механизации сельско-хозяйственного труда, к наивысшему развитию агрономической техники и к изменению сортов и видов культивируемых растений и животных.

Короче говоря, рост сельско-хозяйственной кооперации влечет за собой гибель мелкого сельского хозяйства и максимальное повышение продуктивности сельско-хозяйственного труда.

Подведем краткие итоги всему сказаному.

1). Единственно правильным критерием для оценки эволюции сельского хозяйства служит количество сельско-хозяйственного продукта, приходящееся на долю одного потребителя. При постоянно растущем населении этот критерий требует, чтобы количество сельско-хозяйственного продукта росло быстрее, чем растет население. В свою очередь такое требование может быть удовлетворено только при быстром повышении производительности сельско-хозяйственного труда.

2). Препятствием к такому повышению служит, так называемый, „закон убывающего плодородия". Анализ этого явления показывает, что действие его нивелируется при помощи: а) механизации сельско-хозяйственного труда, б) наиболее полного перехода изготовления средств сельско-хозяйственного производства в индустрию, в) прогресса агрикультуры и г) сортоводства и селекции. Отсюда вывод: повышение производительности сельско-хозяйственного труда обеспечивается лишь той формой сельско-хозяйственного предприятия, при которой создаются условия для наиболее успешного развития этих четырех моментов.

3). Несмотря на большую давность спора о „преимуществах" крупного и мелкого земледелия, он до сих пор еще не может считаться разрешенным, между тем как этот вопрос является центральным во всей проблеме сельско-хозяйственной эволюции.

4). Неразрешимость этого вопроса в действительности только кажущаяся, так как в основе ее лежит недостаточно полный анализ понятия размеров сельско-хозяйственного предприятия. Большинство исследователей аграрных отношений не различает размеров хозяйства от размеров земельной площади. Между тем с экономической точки зрения ясно, что в качестве масштаба для его измерения должен быть взят ценностный, а не физический момент. Таковым масштабом является сумма всех видов капиталов, завязанных в данном сельско-хозяйственном предприятии. Правильный подход к такому разрешению вопроса мы имеем у старых экономистов Пасси, Рау, Рошера, Ляверна, из более поздних—у Гатти и Кржевицкого; а особенно рельефно формулировано это положение у В. Ильина (Ленина).

5). Подход с этой единственно правильной методологической точки зрения к вопросу о крупном и мелком сельском хозяйстве заставляет признать: во-первых, что нападки „защитников мелкого хозяйства" на крупное фактически являются нападками на крупную земельную собственность и все то, что выдвигается в качестве доводов „за мелкое хозяйство", говорит о преимуществах мелкой земельной площади, но не мелкого хозяйства., Во-вторых крупное хозяйство является единственной формой сельско-хозяйственного производства, при которой получают наибольшее развитие перечисленные выше четыре момента, обеспечивающие рост производительности сельско-хозяйственного труда.

6). Русские статистические данные, которые обычно приводятся в качестве иллюстрации эволюции сельского хозяйства, не могут быть признаны достаточными; так как, во-первых, большинство из них опирается на такие приз-

наки, которые или не могут служить масштабом для измерения хозяйства (размеры землепользования) или могут быть приняты лишь с большими оговорками (размеры посевов, количество скота); во вторых, при изучении динамики хозяйства можно пользоваться повторными обследованиями над одним и тем же об'ектом и по одному и тому же методу, а таких материалов в России—ничтожное количество.

7). Не исключена возможность скрытой формы пролетаризации населения и концентрации капиталов. Малоземелье и ничтожные размеры хозяйства бросили массу крестьянства в руки торгового капитала, что фактически превратило сельско-хозяйственное производство в производство на скупщика.

8). Однако, в противоположность индустрии, сельское хозяйство не создает условий, благоприятствующих превращению торгового капитала в производственный, так как такой переход был бы для него не выгодным. Задачи концентрации сельско-хозяйственного производства частный капитал на себя не берет, ограничивая свою роль торговым порабощением мелкого крестьянского хозяйства.

9). Приобретательский характер крестьянского хозяйства, которое стремится к превышению получений над затратами, создает стремление этого хозяйства к свободному выходу на мировой рынок и наталкивает его на борьбу с частным торговым капиталом. Таким образом, в сельском хозяйстве не торговый капитал стремится к уничтожению мелкого производства и к собственному перевоплощению в крупный производственный капитал, а, наоборот, мелкое производство стремится к захвату сферы действия торгового капитала.

10). Такое стремление мелкого сельского хозяйства проявляется в форме кооперации. Анализ понятия кооператива показывает, что он, являясь самостоятельным, по отношению к единичному хозяйству, предприятием, служит проводником влияния рыночных условий на организацию этого хозяйства. Знакомство с отдельными видами сельско-хозяйственной кооперации говорит о подчинении ряда производственных функций отдельного хозяйства кооперативу.

11). Кооперация в сфере обмена и труда преследуя защиту классовых интересов крестьянства, способствует реорганизации мелкого сельского хозяйства в направлении концентрации его капиталов и увеличения производства. Это неминуемо ведет к ограничению экономической самостоятельности хозяйствующего суб'екта, при сохранении однако иллюзии этой самостоятельности.

12). Окончательный вывод сводится к тому, что сельско-хозяйственная кооперация, захватив в свои руки большинство нитей, связывающих мелкое сельско-хозяйственное предприятие с широким рынком, является единственным средством фактического превращения этого мелкого хозяйства в крупное. Такое же укрупнение означает проникновение сельское хозяйство моментов в, вызывающих максимальный под'ем производительности сельско-хозяйственного труда.